

ЙОЗЕФ НЕСВАДБА • МОЗГ ЭЙНШТЕЙНА •

ЙОЗЕФ
НЕСВАДБА
**МОЗГ
ЭЙНШТЕЙНА**

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

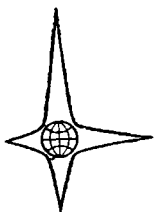
Йозеф Несвадба родился в Праге 19 июня 1926 года. В 1946 году начал заниматься переводами английской поэзии (Кольриджа и др.). В конце 40-х годов на провинциальных сценах появились пьесы Несвадбы «Буду жить», «Сваров» и др. В 1950 году он написал сценарий по роману Жюль Верна «Путешествие вокруг света в 80 дней».

С 1950 г. Несвадба работает врачом-психиатром.

Первый же сборник научно-фантастических рассказов писателя — «Смерть Тарзана» (1958 г.) имел большой успех у читателей. За ним последовали сборники «Мозг Эйнштейна» (1960 г.) и «Путешествие в обратном направлении» (1962 г.).

Отдельные рассказы Несвадбы выходили в СССР, Польше, Румынии, ГДР, Венгрии, США, Франции, ФРГ, Италии.

Йозеф Несвадба считается одним из ведущих писателей-фантастов Чехословакии.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«МИР»

Й. НЕСВАДБА

**М О З Г
ЭЙНШТЕЙНА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва 1985**

Составитель И. ЗУЗАНЕК

Перевод с чешского

Под редакцией Б. В. ШУПЛЕЦОВА

Предисловие И. БЕРНШТЕЙН

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

Дорогие друзья!

Писать предисловие к своим книгам всегда трудно. Ведь в самом деле, чего стоят книги, которые нуждаются в каких бы то ни было разъяснениях автора? Всякие разъяснения свидетельствовали бы только об их несовершенстве. Однако в тех случаях, когда речь идет о переводных произведениях, особенно если они предназначены для советского читателя, дело обстоит иначе. Тут-то писатель начинает как никогда остро осознавать свою ответственность. И для этого ему даже не надо много размышлять о том, что он хотел или не хотел сказать, о фабуле и характерах. Достаточно подумать о неслыханно больших тиражах, свидетельствующих об огромном интересе советских граждан к печатному слову. Я хотел бы сказать и о высокой требовательности советского читателя, если бы не представлял ему свою собственную книгу и тем самым не льстил

себе. Но все же я верю, что советский читатель оценит эти рассказы и без моих разъяснений и поймет, в чем они подходят под понятие фантастики, или, если употребить модное слово, *science fiction*, а в чем это просто «нормальная литература», правда несколько необычная по форме. С теми, кто видел фильм «Смерть Тарзана» и увидит фильм по рассказу «Потерянное лицо», мы встретимся как старые знакомые. А всем остальным я могу только сказать: добрый день, рад познакомиться, с нетерпением жду вашего суда.

Йозеф Несвадба.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читая рассказы чешского писателя Йозефа Несвадбы, мы попадаем в удивительный, фантастический мир. Путешествие в космос становится немногим более трудным предприятием, чем прогулка в пригородной электричке; роботы, во всем похожие на людей, освобождают их от изнурительного труда; человек научился покорять не только пространство, но и время и совершает путешествия в прошлое и будущее.

Конечно, в этом мире на каждом шагу случаются удивительные события. Но ни одна новелла Несвадбы не написана только ради удовольствия рассказать об увлекательных приключениях героев. Бросается в глаза другое. Несвадба не похож на тех писателей, которые подробно объясняют устройство какой-нибудь головоломной машины, и остается только пожалеть, что они не взялись проектировать ее. Чешский писатель уделяет мало внимания техническим деталям. Описывая катастрофу на космическом корабле, он, например, ограничивается сообщением, что «сдал регулятор» или «подвела связь».

Его интересуют не технические чудеса, не поразительные приключения и не достижения науки сами по себе, но мысли и чувства человека, живущего в этом удивительном мире, его переживания, его добрые и злые дела, его счастье и несчастье. Может быть, это происходит потому, что в отличие от многих современных создателей научной фантастики, связанных по профессии с техникой или точными науками, Несвадба — врач и притом врач, работающий в области, где необходимо хорошее понимание человеческой психологии, — в психиатрии.

Йозеф Несвадба — писатель среднего поколения, ему еще нет сорока. Он выступил на литературной арене в качестве переводчика в 1946—1948 гг. Затем писал пьесы, которые были поставлены на сцене и на телевидении. Между прочим, он переделал для сцены роман Жюль Верна «Путешествие вокруг света в 80 дней». Первый сборник рассказов «Смерть Тарзана» (1958) сразу же привлек к себе внимание читателей. За ним последовали сборники научно-фантастических новелл «Мозг Эйнштейна» (1960), «Поездка в обратном направлении» (1962), которые выдвинули Несвадбу в ряд популярнейших мастеров научной фантастики. Его произведения переводятся на многие языки. По рассказам «Смерть Тарзана» и «Идиот из Ксенемюнде» были поставлены фильмы, имевшие большой успех и в Чехословакии и за ее пределами. Кроме научной фантастики, Несвадба пишет немало детективных и приключенческих повестей и рассказов («История золотого Будды», 1959 г.,

и др.). Элементы приключенческого жанра переплетаются с философскими размышлениями в повести «Диалог с доктором Донгом» (1964).

Писатель принадлежит к тому направлению научной фантастики, для представителей которого характерен острый интерес к значительным социальным и философским проблемам. Это направление представлено именами крупнейших советских мастеров этого жанра, как, например, Ефремов, братья Стругацкие, Днепров, а в литературе социалистических стран прежде всего именем польского писателя Станислава Лема. К этой же «проблемной» линии научной фантастики можно отнести творчество популярного американского писателя Рэя Бредбери.

Впрочем, если говорить об учителях Несвадбы, то у него есть самый непосредственный предшественник — его соотечественник Карел Чапек. Ведь именно Чапек — один из основателей жанра научной фантастики в его современном виде. В произведениях Чапека великое научное изобретение всегда играет роль того катализатора, при котором еще острее выступают сложные моральные и политические вопросы, вставшие перед обществом. Утопические романы и драмы Чапека всегда построены предельно логично и содержат ответ на определенный вопрос. Например, что произойдет с человечеством, если достижения техники освободят людей от необходимости трудиться? А если в результате научного открытия человечество будет тонуть в изобилии материальных и духовных благ? А если будет найден

секрет бессмертия? Станет ли человек от этого счастливее, гармоничнее, человечнее? Нет, отвечает Чапек. Абсолютное благо, всемогущий Абсолют, может явиться причиной кровопролитных войн и всеобщей катастрофы.

Несвадба унаследовал от Чапека не только пристальный интерес к большим вопросам современности, но и многие особенности его художественной манеры: психологизм, острый интеллектуализм, тонкий юмор и вкус к парадоксальным поворотам сюжета. Но Несвадба видит оптимистические перспективы там, где Чапеку, писавшему свои утопии в 20—30-е годы, положение казалось почти безнадежным. Опыт построения социализма на родине Несвадбы и в других странах внушил писателю твердую веру в реальные возможности справедливого, разумного общества, приспособленного для человеческого счастья.

В произведениях Несвадбы, как и у других социалистических писателей, мы не найдем тех апокалиптических картин атомных ужасов и грядущего уничтожения человечества, которыми пестрят страницы различных западных бестселлеров.

Это не значит, что в мире будущего, куда нас вводит Несвадба, нет своих трудностей или что они недостаточно серьезны. Конечно, в этом мире возникают новые для нас проблемы, но в большинстве случаев Несвадба, даже говоря о будущем, затрагивает темы, волнующие нас сегодня.

В рассказе «Мозг Эйнштейна» изображена парадоксальная ситуация: женщина-ученый не находит взаимопонимания с созданным ею ис-

кусственным человеком, потому что тот не может примириться с ее душевной сухостью; этому великолепно сконструированному существу глубоко чужд ее духовный мир, ограниченный узкопрофессиональными интересами. Так неожиданно выворачивается наизнанку традиционный в научной фантастике мотив столкновения человека и искусственно созданного существа — робота. В этом рассказе много юмора, и конфликт здесь не становится трагическим.

Однако во многих рассказах Несвадба очень серьезно задумывается о том, как опасно ограничивать человеческие возможности узко понятой «целесообразностью». Что будет, если люди отбросят все «лишние» чувства: любовь, восхищение искусством, дружбу, совесть — все прекрасное и человеческое, для того чтобы беспрепятственно сосредоточиться на одной задаче, чтобы достичь совершенства в одной, очень ограниченной области? Ответ на этот важный вопрос писатель дает в привычной для него парадоксальной форме в новелле «Идиот из Ксенемюнде». Здесь сама природа создает образчик уродливо одностороннего развития. Полоумный подросток, сын немецкого инженера, работающего на одной из тайных фашистских «кузниц оружия», Бруно, которого за тупость выгнали из школы, оказывается, обладает гениальными способностями конструктора. В своей игрушечной мастерской он шутя решил техническую задачу, оказавшуюся не по силам его отцу, — сконструировал необыкновенно точно управляемые разрушительные снаряды. Но он

использовал это открытие в соответствии со своим полуживотным духовным уровнем: он тайно мстит тем, кто чем-нибудь не угодил его злому и капризному нраву, например старушке-гувернантке. В образе Бруно доведена, так сказать, до абсурда уродливая односторонность, превращающая человека в опасную машину уничтожения. Но ведь история идиота из Ксенемюнде выступает в новелле как «сгущенное» воплощение теории и практики фашизма, также превращающего человека в бездушное, хотя и совершенное в техническом отношении орудие для достижения бесчеловечных целей.

И гестаповец, который уничтожает, не задумываясь, полоумного мальчишку, гораздо более страшен, чем несчастный Бруно. Справедливым обвинением звучат слова обезумевшей от горя матери убитого мальчика: «А что делаете вы? Скольких людей убиваете вы в Лондоне своими снарядами? Чем вас обидел любой из этих англичан? У вас нет никаких оснований для таких убийств. Все вы идиоты, все!»

К проблеме обеднения духовного мира человека из-за его чрезмерной узости, односторонности Несвадба возвращается неоднократно. (Например, в юмористическом тоне он трактует эту проблему в рассказе «Римская победа».)

Рэй Бредбери изобразил в своем романе «451° по Фаренгейту» общество, исключившее из своего обихода все, что не отвечает самым утилитарным требованиям развития техники, что не способствует прямо созданию материального комфорта, общество, духовная культу-

ра и социальная организация которого оказались намного ниже его высокого технического уровня. Писатель довел до абсурда те тенденции, которые мог наблюдать в окружающей его американской действительности.

Несладба уверен, что в коммунистическом обществе будут найдены возможности преодолеть односторонность развития человека, избежать опасных последствий «механизации» жизни, связанной с быстрым развитием техники. Об этом он задумывается, например, в рассказе «Последнее путешествие капитана Немо». Опять перед нами неожиданный, парадоксальный поворот традиционного сюжета. Знаменитый космонавт, прозванный капитаном Немо, по завершении одной из своих опаснейших экспедиций к далеким галактикам, вновь возвращается на Землю, только через много сотен лет — по земному времени. И тут выясняется нечто для него непостижимое: о знаменитом покорителе космоса, капитане Немо, неблагодарные потомки даже не думают вспоминать — слишком далеко они ушли вперед по пути покорения просторов Вселенной. Зато имя его сына, сочинителя слишком шумной, на взгляд капитана, музыки, которого отец считал никудышником и шалопаем, окружено неувядаемой славой. Что же это — случайность, коварная шутка судьбы, происки завистников? Нет, просто в этом необыкновенно высоко организованном обществе поняли, что духовная культура не должна отставать от развития техники. Бедному капитану Немо вместо привычных занятий, которые теперь с успехом выполняют роботы, предлагают посвя-

тить себя философии или эстетике. Именно эти дисциплины считаются в царстве будущего самыми актуальными, потому что каждый человек стремится осмыслить основные вопросы жизни, обогатить представления людей о красоте. Если технические проблемы научились решать с помощью роботов, то тем важнее стали те сферы, где человек полнее всего проявляет себя как индивидуальность.

Когда-то Жюль Верн вложил в уста одного из своих героев, Робура-завоевателя, слова, полные тревоги за будущее человечества: «Не нужно, чтобы наука слишком опережала нравы. Мое изобретение преждевременно. Народы еще не созрели для всеобщего братского союза. Я уношу свою тайну с собой... Человечество узнает ее в тот день, когда будет достаточно мудрым, чтобы не употребить ее во зло». Мысль о том, что достижения науки можно использовать в антигуманных целях, беспокоит всех мастеров научной фантастики, начиная с Жюля Верна вплоть до новейших авторов, изображающих атомную гибель.

Карел Чапек в романе «Кракатит» рассказал о том, как опасно злоупотреблять достижениями человеческого гения. Его герой вынужден был уничтожить изобретенное им взрывчатое вещество невиданной дотоле силы, чтобы не отдавать его в злые руки конкурирующих друг с другом военных магнатов. В рассказе Несвадбы «Трактат о воздушных кораблях», действие которого разворачивается в начале нашего века, чешский изобретатель летающего корабля — Тума также вынужден в конце концов уничтожить свое изобретение.

Безногий Тума мечтал о том, чтобы с помощью его воздушного корабля дать крылья всем калекам, но изобретение чуть не попало в руки немецких милитаристов, которые думали только о том, как бы еще во много раз увеличить количество калек на земле.

Несвадба, как и другие писатели социалистического лагеря, видит в будущем коммунистическом обществе прочную гарантию от злоупотреблений достижениями техники именно потому, что только в этом обществе нет пропасти между развитием техники и духовной культуры.

Впрочем, и в разумно организованном будущем обществе самоуспокоенность и самодовольство так же свидетельствуют о душевной ограниченности, как и в наши дни. Так, в неожиданной концовке новеллы «Смерть капитана Немо» реальная жизнь вдребезги разбивает иллюзии самоуверенного рассказчика, полагающего, что условия человеческого счастья можно рассчитать с абсолютной математической точностью.

А личность, утратившая способность воспринимать красоту природы, наслаждаться искусством, личность, которая способна забыть о друзьях и не может потерять голову из-за любви, которая задумывается только над практическими сторонами жизни, — подобное существо в действительности уже недостойно звания человека. Такой вывод делает Й. Несвадба.

Во многих рассказах писатель снова и снова возвращается к вопросу о том, как в будущем обществе станут искоренять все виды мещанского индивидуализма, честолюбия и

собственнического эгоизма. Сама логика развития общества не будет создавать почвы для развития этих пороков, которые должны уйти в прошлое вместе с паразитами и бактериями гриппа. Трагикомична история доктора Бауэра («Злополучное изобретение»). Он рассчитывал, что изобретение самовоспроизводящих станков даст ему безграничную власть, которая воплощается для него в деньгах. Но его изобретение привело к ликвидации самих денег, а Бауэр, пожелавший возвыситься над всем родом человеческим, оказался бесполезным, одиноким, выброшенным из общества. Парадоксальность ситуации обостряется еще тем, что изобретение Бауэра сделало почти ненужным человеческий труд, всякая работа превратилась в редкое и трудно достижимое благо, хотя с ее отсутствием не связано никаких материальных лишений. Бауэр оказывается одной из жертв этой «безработицы» и вынужден снова завоевывать доверие окружающих.

Наиболее обобщенный смысл приобретает разоблачение ненавистного автору эгоизма и пренебрежения человеческой солидарностью в одном из самых сильных его рассказов — «Ангел смерти». Здесь, как и во многих других произведениях Несвадбы, действие разворачивается в космическом пространстве. Смертельная опасность грозит экспедиции, которая отправилась к отдаленной планете, чтобы предупредить ее обитателей об ожидающемся столкновении со звездой. Из-за аварии космический корабль стал спутником этой планеты и должен разделить ее участь. Вся команда мужественно и дружно трудится, чтобы предот-

вратить почти неминуемую катастрофу, и только один юноша, потеряв голову, решает на свой страх и риск тайно выбраться на неизвестную планету. Он бродит там, не обращая внимания на сигналы товарищей, сумевших в конце концов исправить повреждение. И только когда корабль улетает прочь, ему открывается истина. Он бродит по опустевшей Земле, с которой началось заселение Галактики. Люди Земли много веков назад сумели разгадать грозящую им опасность благодаря своему разуму, «своему труду, терпеливой борьбе против смерти» и уничтожения. Они покинули обреченную планету, и только он, не поверивший в силу человеческого разума и человеческой солидарности, обречен на гибель. В этой новелле Несвадба стремится заглянуть во внутренний мир людей далекого будущего.

Иногда же технические чудеса будущего просто привносятся Несвадбой в нашу современную действительность, и это помогает писателю раскрыть все те же интересующие его моральные проблемы, касающиеся современного человека.

В рассказе «Робот внутри нас» заметна своего рода перекличка с драмой Чапека «Р.У.Р.». Кстати, Несвадба и в тексте этого рассказа вспоминает о драме Чапека. Если изобретение роботов у Чапека углубило те противоречия, которые существовали в обществе и раньше, и привело к катастрофе, то создание инженером Разумом человекоподобного робота у Несвадбы также доводит героев до катастрофы, обостряет неблагополучие, существующее в их жизни. Автор оставляет открытым

вопрос, сам ли Разум стал так бессовестно игнорировать своих коллег, свою жену, превратился в карьериста и подхалима, или за все его неприглядное поведение отвечает робот, часто подменяющий своего создателя. Как бы там ни было, в действиях Разума нет ничего сверхъестественного, «роботного». В этом образе едко высмеивается позиция человека, пренебрегающего своими обязанностями ради славы и успеха.

В современной научно-фантастической литературе Запада мы часто находим призывы вернуться в «естественное состояние», спастись от противоречий цивилизации в мире «первобытной гармонии». На эту реакционную идею Несвадба ополчается во многих рассказах и, пожалуй, наиболее убедительно в рассказе «По следам снежного человека». Против лорда Эсдейла, пытающегося обрести какую-то блаженную нирвану в фантастических пещерах, где скрывается таинственное племя снежных людей, выступает скромный чешский учитель, уверенный, что люди достигнут счастья, только полагаясь на разум и труд. И симпатии автора и читателя на его стороне.

Эта же мечта о возвращении человечества в состояние патриархальной идиллии разоблачается Несвадбой и в рассказе «Трест по уничтожению истории». Нет, прогресс — это не выдумка досужих утопистов, как полагает герой рассказа, это реальность; несмотря на все трудности, человечество идет вперед, и бесполезны всякие попытки «отступить» перед сложными проблемами современности в глубь веков.

В новелле «Смерть Тарзана» Несвадба своеобразно сопоставляет «дикое» и «цивилизованное» состояние человечества. Это остроумная обработка традиционного приключенческого сюжета. Сын немецкого барона Хоппе, потерянный в детстве в джунглях и воспитанный дикими зверями, мог бы быть родным братом целой толпы тарзанов, появлявшихся в литературе и на экране. Но Несвадба придает традиционной истории неожиданный и более глубокий смысл. В Тарзане, возвращенном в лоно «цивилизации», вместе с человеческим достоинством пробуждается представление о высоком назначении человека. Именно это представление вступает в непримиримое противоречие с теми звериными законами, с которыми сталкивается новый Тарзан, попав в фашистскую Германию. Он разочаровывается и в своей циничной и корыстолюбивой невесте, нарушившей элементарные основы человеческой нравственности, которые сама же она внушала своему Тарзану. И все же Тарзан у Несвадбы не может вернуться в звериное состояние, как хотят его преследователи, и своим самоубийством доказывает, что он человек.

Несвадба не склонен запугивать читателя картиной грядущих ужасов атомного разрушения. Но он настойчиво предупреждает об опасности, которой можно избежать только при помощи доброй воли и солидарности. В рассказе «Стелла с «Третьей звезды» со свойственной ему иронией он повествует о фантастических приключениях пошленькой кабарежной девицы, похищенной марсианами. Но вдруг в его повествовании начинают звучать ноты беспокойст-

ва. Оказывается, на далекой планете, с которой прибыли таинственные похитители Стеллы, почти все живое погибло из-за разрушительной атомной войны. И теперь выходцы с этой планеты, поселившиеся на некоей космической базе, терпеливо ждут, когда человечество вымрет в результате разрушительных войн, чтобы переселиться на нашу планету. Эти люди, не способные на человеческие чувства, жестокие и безжалостные, радуются неурядицам на Земле, радуются проявлениям бесчеловечности и вражды, потому что это, по их мнению, приблизит час их торжества.

Ненавистью к тем, кто в своих корыстных целях сеет атомную смерть, проникнут рассказ «Табу». Гневная острота обличения колонизаторов, преступно жертвующих жизнью и здоровьем туземцев, а также тонкие психологические зарисовки позволяют этому рассказу занять свое место среди лучших произведений Несвадбы.

В настоящее время Йозеф Несвадба — один из самых популярных в Чехословакии писателей-прозаиков. В своих научно-фантастических произведениях он стремится раскрыть духовный облик современников и заставить читателей задуматься над вопросами морали человека социалистического общества, которые в последнее время привлекают внимание многих художников Чехословакии.

Йозеф Несвадба высказал однажды такую мысль: «Мне кажется, мы немного забыли о фантазии, о мечтах и отважных стремлениях к будущему. Гете когда-то сказал, что человеческие стремления отражают возможности лю-

дей, что человек достигает всего, чего он отважится пожелать... У нас фантазия отстает от действительности, а она должна опережать ее». Произведения Несвадбы одушевлены верой в безграничные возможности человека, осуществляющего самые смелые мечты многих поколений, преобразующего общество, совершенствующего самого себя.

И. Бернштейн

МОЗГ ЭЙНШТЕЙНА

— Положение чрезвычайно серьезное,— заканчивая свое выступление, говорил академик Кожевкин.— За несколько предыдущих поколений техника освободила человечество от тяжелого труда, голода и войн, открыла ему путь в космос. Я еще помню времена, когда для технических институтов отбирали только лучших из лучших, когда изучение техники было мечтой каждого молодого человека. А теперь? Молодежь теряет интерес к нашей науке, ее перестали привлекать физика, математика, химия. У нас в Алма-Ате все меньше и меньше молодых людей поступает в технические учебные заведения. Возникает угроза, что через несколько лет нам придется ограничить количество исследуемых научно-технических проблем и сократить число институтов. Такое положение недопустимо. Машины не могут работать сами, заботиться о человечестве без наблюдения человека. Необходимо принять энергичные меры!

Мы похлопали академику, и он сел.

— У нас в Торонто дело обстоит, пожалуй, еще хуже,— сообщил профессор Кларк Смит-Джонс.— Мы вынуждены были закрыть отделение, занимавшееся некоторыми узкоспециальными вопросами пространства и сущности элементарных частиц. А между тем на лекциях о взглядах Гете или Гердера на искусство в аудиториях не хватает мест, и нашему профессору эстетики пришлось перейти в спортивный зал, хотя при организации университета мы чуть не забыли учредить эту кафедру. Но хуже всего то, что мы не можем понять, чем вызван такой поворот. Может быть, это извечное стремление молодежи восстать против отцов и делать все по-своему? Или некий бессознательный протест (при этих словах академик Кожевкин улыбнулся) против цифр как символов порядка, а также против авторитета родителей? Наши психологи давно, но, к сожалению, безуспешно занимаются этой проблемой.

Мы снова похлопали, и профессор вернулся на свое место. Воцарилась недоуменная тишина. Никто не хотел выступать. Боялись. А между тем причины этих явлений давно ясны. Я попросила слова:

— Не будем обманывать самих себя,— приступила я прямо к делу.— Мы зашли в тупик. Технические дисциплины в конце девятнадцатого века подчинили и заслонили все остальные науки, дали человеку возможность посвятить себя действительно весьма важным задачам. Все это мы отлично знаем. Но основных проблем люди не решили. Они по-прежнему спрашивают, что такое жизнь и зачем они живут, мы до сих пор не знаем, как возникла

Вселенная, не можем постигнуть открытое Эйнштейном четвертое измерение или вечность существования материи. Когда мы задаем эти вопросы нашим кибернетическим машинам, они отказываются отвечать на том основании, что вопросы эти якобы ненаучные, неправильно поставленные, слишком личные и частные, слишком человеческие. Но из этого вовсе не следует, что они утратили свое значение для каждого из нас.

У Джонса и Кожевкина самые совершенные лаборатории, искусственный мозг за три секунды справляется там с задачами, для решения которых виднейшим математикам понадобилась бы целая жизнь. Но машины имеют дело только с теми задачами, которые ставят перед ними люди. Таким образом, мы очутились в заколдованном кругу. Физика превращается в прикладную науку, все очевиднее ее зависимость от философии в такой же мере, в какой вязание кружев зависит от живописи. Именно поэтому мы теряем молодежь. Создаем машины, умеющие отлично стирать, варить, оперировать или летать в космос, точно так же как в прошлых столетиях наши предки создавали автоматических пианистов или искусственных медведей и показывали их в цирке. Мыслящие люди считали это игрушками, а тех, кто их придумывал, называли шарлатанами. Нам грозит такая же участь.

Мне не аплодировали: очевидно, выступление было несколько преждевременным. Джонс хмурился. Остальные коллеги переговаривались вполголоса. Шум в зале постепенно нарастал.

— Вам не нравятся мои механизмы? — вскочил Джонс. — А ведь они так же, как искусственный мозг, созданный академиком Кожевкиным, — тут он поклонился академику, — самые совершенные на свете. Ни у кого из присутствующих нет такого мозга. Даже у вас, уважаемая коллега!

— Я не могу мыслить так быстро и точно, это правда... Но я могу поставить новые задачи, могу до скончания века загрузить все ваши аппараты своими сомнениями и недоумениями и люблю заход солнца.

Джонс иронически улыбался. Словно раскаивался в том, что он, научное светило, вступил в дискуссию с таким незначительным оппонентом.

— Четвертое измерение наш мозг пока действительно не в состоянии постигнуть, — признал Кожевкин, и видно было, что он жалеет об этом.

— Именно потому я и предлагаю, — сказала я, — создать биологический мозг, который был бы ближе к человеческому, чем ваши механизмы, мозг, способный понимать. Настоящее орудие познания.

— Мозг Эйнштейна? — снова недоверчиво улыбнулся Джонс. Его шутка дала имя моему эксперименту. С тех пор его называли «аферой с мозгом Эйнштейна».

Мой план был прост, я уже раньше советовалась об этом с нашими физиологами и биологами. При помощи специальных аппаратов мы выявим три наиболее совершенных мозга недавно умерших людей и особым способом объединим их в один орган, который потом

оживим и посредством электрического раздражения заставим работать.

В избранный для проведения опыта день я снабдила своих ассистентов рациометрами и разослала их во все больницы области. Наиболее мощными оказались: мозг профессора архитектуры, разбившегося при падении со строительных лесов, и мозг малоизвестного поэта, который мы использовали, учитывая афоризм Эйнштейна, что воображение важнее знаний. А третьим был мозг Анежки Новаковой, погибшей в результате аварии. Мы долго колебались: стоит ли его брать. Это была домашняя хозяйка, мать семейства, не совершившая при жизни ничего выдающегося. И все-таки наши приборы сигнализировали, что ее мозг обладает наибольшей мощностью. В конце концов мы им поверили и приступили к длительному и сложному процессу конденсации. Нам удалось осуществить намеченный план. Теперь можно было приступить к опытам.

Я предложила мозгу решить основные физические уравнения и вызвала электрическим током возбуждение в соответствующих участках. Ток послужил неким стимулом или раздражителем, на который мозг быстро реагировал и передавал полученные результаты по специальным контакторам, укрепленным на его поверхности. Интерпретатор высокой избирательности сообщил нам решение, подтвердившее некоторые гипотезы академика Кожевкина. Я немедленно телеграфировала в Алма-Ату. Гипотезы Кожевкина были опубликованы в специальных физических журналах только недавно, а профессор архитектуры, поэт и

домашняя хозяйка наверняка не следили за подобной литературой. Поэтому можно было полагать, что мой «мозг» самостоятельно создал эти гипотезы.

Последующие недели принесли много радостей. Мозг выдал еще одно решение, стал развивать предположения Кожевкина, комбинируя их, и пришел к выводам, которые академик не публиковал. Но выявился один недостаток: мозг работал с перебоями. И это беспокоило меня. Он как бы не хотел соблюдать установленное рабочее время. Перестал быстро реагировать на раздражение. Иногда писал в ответ какую-нибудь глупость, словно хотел сострить, иногда работал ночью, когда меня не было в лаборатории, словно откладывал свою реакцию на неопределенное время.

Через месяц он вообще перестал работать. Но он «жил». Я хочу этим сказать, что в его тканях происходил сложный обмен веществ, поддерживаемый специальным аппаратом. Однако электрическим импульсам больше не удавалось заставить его работать. Казалось, эксперимент не увенчался успехом.

Между тем я получила письмо от академика Кожевкина. Он послал мне свою последнюю работу, которую намерен был опубликовать в журнале «Наука». Его выводы совпадали с результатами, достигнутыми моим искусственным мозгом. По-видимому, оба они наконец нащупали путь к решению основной проблемы. И как раз в этот момент мозг забастовал. Что же делать? Мне пришла в голову мысль сконструировать особое приспособление, благодаря которому он мог бы говорить, то есть дикто-

вать полученные результаты и сообщать о своих идеях. Я понимала, что здесь есть нечто противоестественное. Но если мы придадим ему всем известный тембр мужского голоса, например голоса телевизионного диктора, это будет, пожалуй, не так жутко. Через несколько дней мозг «заговорил». Что же он произнес? Его первые слова не имели никакого отношения к научным проблемам:

— Вы пренебрегаете мной...

Это было поразительно. Я думала, что для него вполне достаточно электрического раздражения. Теперь выяснилось, что мы не обладаем необходимой чуткостью и что электрохимическая реакция не может компенсировать ощущение заботы и благожелательности, которое дает человеку общение с близкими. Это было первым открытием, к которому привел мой опыт. Мне пришлось прибегнуть к старинному способу. Я начала сама ухаживать за мозгом. Переселившись к нему в лабораторию, я с утра до ночи беседовала с ним. В институте не понимали, что происходит. Одни уверяли, что я тайно влюблена в телевизионного диктора и потому наслаждаюсь хотя бы его голосом, другие просто считали, что я спятила.

Вскоре у нас с мозгом установились прекрасные отношения. Когда портился диктофон, я даже сама записывала его выводы. Через две недели снова начались перебои. Мне показалось, что мозг чем-то «взволнован». Совершенно разъяренный, он все время громко твердил одно и то же уравнение. Я долго и терпеливо убеждала его. Он должен быть благоразумен, раз у него такой мощный мыслительный

аппарат. И тут я поймала себя на том, что разговариваю с ним как с живым существом, а не как с изолированно функционирующей тканью. Подсознательно я поставила на его место существо с таким же мозгом.

Вот чего он добивался. Сначала ему нужны были электрические импульсы, затем постоянная забота. А сейчас ему всего этого было мало. Отдельные участки, которыми он раньше смотрел, обонял, осязал, жаждали деятельности, так же как его мыслительные способности жаждали воплотиться в организм со всеми его ощущениями, вплоть до получаемых кожей.

Считаю нужным подчеркнуть, что к дальнейшим опытам я приступила лишь после зрелого размышления. Но остановиться я уже не могла — слишком много было поставлено на карту. На факультете экспериментальной хирургии предложили сконструировать человеческое тело из новейших видов пластмасс, которые до сих пор шли на изготовление недостающих конечностей или отдельных органов. Мы только не знали, какое сделать лицо. И поэтому там, где оно должно быть, наложили повязку, так что мозг выглядел как человек, перенесший аварию.

В лабораторию мы с ним вернулись вдвоем. Он был «счастлив». Насвистывал какую-то мелодию, которую, вероятно, любил тот малоизвестный поэт. Подошел к окну, залюбовался протекавшей неподалеку рекой. И не думал работать.

— Прекрасный вид...

Мне это никогда не приходило в голову. Я всегда смотрела в книги, а не в окно.

— Тебя, вероятно, интересует, что профессор Джонс...— дипломатично начала я.

— Джонс безнадежно отстал! Это глупец! — возразил он и присел к столу.— Закажи на завтра билеты в театр.

Я пришла в ужас. Уж не намерен ли он бывать со мною в обществе? Я снова начала собирать кое-какие сведения о профессоре архитектуры. Мне сообщили, что он не любил театра. Поэт ходил только на концерты. Видно, в нашем творении мы оставили слишком большую часть мозга Анежки Новаковой.

К этому времени кое-кто уже следил за результатами эксперимента. Специалисты спорили, является ли продукт работы нашего сверхмозга каким-то неосмысленным, механическим набором слов и цифр или мы здесь имеем дело с оригинальной, невиданной до сих пор деятельностью человеческого мозга трехкратной мощности. Ответ на это могли дать лишь дальнейшие опыты. Поэтому я решила пойти с ним в театр.

Там он смеялся громче и плакал горше всех зрителей. И мне пьеса понравилась. В театр я ходила редко: в лаборатории всегда было много работы. Но после спектакля он попросился ко мне домой. Пришлось объяснить, что мне уже за пятьдесят, что у меня взрослая дочь, которую я упрекаю за легкомысленный образ жизни и не могу сама привести ночью домой постороннего человека. Я сознательно сказала «человека». Разумеется, он сразу опечалился. Угрожал, что перестанет работать — не видит цели. Только тогда я поняла, что для интеллектуальной работы ему, как и человеку,

нужны стимулы: соперничество с Джонсом, любовь ко мне, семейная обстановка.

Дочь сначала опасалась, что придет чудовище, вроде известного Франкенштейна — грозы немых фильмов-сказок, но вскоре перестала бояться. Порой мне даже казалось, что с ним она скорей находит общий язык, чем со мной. Она странная. Сначала хотела работать на одной из лунных баз, так же как ее отец, с которым я вскоре после свадьбы разошлась, потому что он был равнодушен к моей научной работе. Потом вздумала стать балериной, но для этого у нее слишком широкие бедра (так по крайней мере кажется мне). Сейчас она изучает хеттский язык. Разумеется, только для того, чтобы не заниматься физикой и не доставить мне этим удовольствия. Особенных достижений в хеттском у нее нет; я в ее возрасте уже пользовалась известностью в науке. Самое скверное, что она ждет ребенка от какого-то юноши, которого мне даже не представила.

Мой искусственный мозг работал еще меньше, чем моя дочь. В этом отношении они отлично понимали друг друга. За целый день он писал всего несколько строк, а потом отправлялся в парк или купался в реке. И все время толковал мне, что я должна любить дочь, будто это само собой не разумеется, что мне нужно измениться, что лабораторная работа далеко не все,— аргументы, которые сейчас можно услышать на любом перекрестке. Для этого не стоило создавать новую биологическую систему. Причем давал советы не только мне. Он беседовал со всеми; соседи по дому уже начали издали вежливо приветствовать его.

Он стал диктовать нечто, не походившее на уравнения, какие-то обозначения, которые еще не известны науке. Джонс утверждал, что это бессмыслица, путаные, бессвязные отрывки сведений, полученных во время предыдущих существований мозга, и опубликовал свое мнение в журнале. Это было похоже на взрыв бомбы. Меня немедленно вызвали к директору института, журналисты добивались интервью, эксперимент приобрел широкую огласку. Если он провалится, будет невероятный скандал.

Но мой сверхмозг оставался невозмутимым. В тот день он почти ничего не написал.

— Чего ты хочешь? Что тебе еще нужно? — нетерпеливо спрашивала я, готовая даже завести с ним роман, если бы только это было возможно.— Ведь ты нас просто шантажируешь!

Я положила перед ним статью Джонса.

— Ничего мне не нужно. Только, чтобы ты вела себя соответственно моим советам.

Я его не поняла. Как мне вести себя в соответствии с непонятными обозначениями и каракулями, в осмысленности которых я сама начинала сомневаться?

— Я отвечу тебе через три дня,— произнес он и умолк.

Потом он стал смотреть в окно, словно хотел сосредоточиться. Я наблюдала за ним из соседней комнаты с помощью особого прибора. За всю ночь он написал две строчки. Все время сидел неподвижно. Но ведь обещал же он ответить! Я телеграфировала обоим ученым и довела до сведения начальства, что эксперимент подходит к концу.

На следующий день он со мной не разговаривал. Сидел в своей комнате, опустив голову на руки, и слабеющим голосом шептал что-то в диктофон. За ночь он поседел. Неужели последняя фаза познания так невероятно трудна? Я не мешала ему. На третье утро он меня не узнал, вечером смотрел непонимающим взглядом и на мою дочь. Всю ночь я просидела подле него. Он только хрипел; даже самый чувствительный диктофон не мог расшифровать его слов. В три часа он «умер». В шесть прилетел профессор Джонс. В восемь — академик Кожевкин. Но слишком поздно — на похороны.

Нам пришлось его кремировать. Собственно, следовало бы выбросить его на свалку, как любую испорченную машину. Но за последнее время он подружился со столькими людьми по соседству, которым я не могла, да и не хотела объяснять свой эксперимент. Крематорий был переполнен, я стояла в сторонке с обоими учеными. Они невольно улыбались: как легко провести наших ближних! Люди пришли на похороны машины... Мне советовали повторить опыт.

Перед крематорием стояла моя дочь. Она поздравила меня с успехом.

— Неужели ты не понимаешь? Ведь он ответил тем, что умер. А до того жил — насыщенно и мудро, пользовался любовью окружающих. Разве это не лучший ответ: сама жизнь, которую нельзя ограничивать! А разве в смерти, наступившей после полноценно прожитой жизни, не заключается высшая мудрость?

Дочь представила мне своего суженого. И я поняла, почему это случилось так поздно. Он работал на той же лунной базе, где когда-то начинал мой муж. Юноша оказался приятным. Мы возвращались домой втроем. Одной семьей. Еще неделю назад я выгнала бы его вместе с ней. Не люблю селенологов. Почему? Никогда об этом не думала. Так же как многие другие, я всю свою жизнь свела к умственной деятельности. Возможно, моя дочь права. Дезинтеграция созданной мною биологической системы, может быть, явилась своего рода ответом. Но такой же ответ дал нам мозг Анежки Новаковой в самом начале эксперимента. Последнее время мы действительно пренебрегали умением жить. Между тем это искусство, а не наука, и для него необходима величайшая мудрость.

Мне стало ясно, что для такого вывода достаточно мозга среднего разумного человека. И потому я прекратила свои опыты по созданию биологических систем.

СМЕРТЬ ТАРЗАНА

Странная обезьяна

Нет, это была не обезьяна. Вокруг смеялись, галдели люди; рядом со мной плакала и корчилась, словно в судорогах, девушка; сидевший перед нею господин даже побагровел от натуги, а хохот его супруги скорее напоминал болезненные стоны. Взгляды всех были устремлены на арену. Там на маленькой табуретке сидело существо, весьма похожее на шимпанзе, и играло само с собой в карты. Оно само себя уличало в мошенничестве, само себя пыталось обворовать и даже подражать с самим собой. Ежеминутно существо делало сальто справа налево, по-обезьяньи просовывая ноги под табуретку и хватая ими карту, которую держало в руке. И все же это была не обезьяна. Существо курило толстые сигары, подобно знаменитому шимпанзе старого Босмайера, управляющего зоопарком принца Оранского. Только тот шимпанзе скорее жевал свои сигары, а это существо дымило с видом заправского курильщика, стряхивало пепел на песок и в конце концов в порыве ярости ткнуло горящим концом сигары прямо в нос

воображаемому противнику. Потом оно бросило сигару и, сделав сальто, быстро заняло место воображаемого визави, схватилось за лицо и понуро поплелось к выходу. Опираясь на одну руку, оно ловко подтягивало ноги, как обычно делают шимпанзе, желая поскорее исчезнуть. И все же это была не обезьяна. Зрители восторженно хлопали, девушка рядом со мной никак не могла прийти в себя, до того ей понравилось это подобие человека, насмешка над всем человечеством. Воспользовавшись этим, я поднялся и стал пробираться к выходу.

Мне не было смешно, я оставался серьезным, как и та обезьяна, вернее, существо, которое нам выдавали здесь за обезьяну.

— Неужели вам не нравится представление?! — догоняя меня, воскликнула запыхавшаяся билетерша в поношенном, покрытом пудрой халатике. Обязанности билетеров по соображениям экономии, видимо, выполняли артисты. Не раз уже бывало так, что перед выступлением на висячей трапедии артистке приходилось искать своего партнера где-нибудь возле кассы. Вот и сейчас ее партнер спорил с озорником, которому очень хотелось попасть на представление без билета. Номер из-за этого задерживался, и публика, конечно, возмущалась, и я подумал о том, что сегодняшнее представление цирка Кнолль, первое в нашем городе, обязательно потерпит фиаско. Однако обезьяна спасла положение. Теперь им будет легко, теперь публика станет смеяться над чем угодно. Только меня так дешево не купишь! Я в этих делах кое-что смыс-

лю. Не для того я столько лет изучал антропологию, чтобы меня можно было так грубо надуть. Очевидно, они просто-напросто загримировали под обезьяну своего клоуна. А в том, что он умеет так виртуозно работать ногами, нет ничего удивительного. Я не раз видел безруких ветеранов войны, которые ели, причесывались, одевались и даже водили машину исключительно при помощи ног. Но ведь они не были шимпанзе!

Разумеется, мне до этого нет никакого дела. Конечно, из-за того, что я встал и покинул Гильду без всякого объяснения, неприятностей потом не оберешься. Порою мне казалось, что мы с Гильдой произвели здесь бóльшую сенсацию, чем акробатические номера шакалов, показанные в начале представления. Действительно, вероятно, вся публика следила скорее за мной и Гильдой, чем за происходящим на цирковой арене. К счастью, я это знал, меня давным-давно об этом предупреждали.

— Обрати внимание на управляющего, — сказал как-то мой знакомый. — Его дочь на выданье, хотя у нее есть внебрачный ребенок.

Итак, мне было ясно, в чем дело, когда вчера ко мне явился управляющий. Мой кабинет находится в отделении пресмыкающихся и расположен у печи, обогревающей вивариум для аллигатора, которого вот-вот должны были доставить из Египта.

— Весьма рад, — начал он, — что мой музей сделал приобретение в лице такого выдающегося специалиста, как вы. Вероятно, не приходится вам объяснять, каких трудов стоило

мне доказать членам нашего муниципального совета, что такой большой город, как наш Л., должен иметь собственный музей и свой зоологический сад. К счастью, моя жена — немка. Она обошла немецких промышленников и каждому втолковала, что здесь, в северном пограничье, необходимо создать коллекции, которые по меньшей мере не уступали бы пражским, — мол, только таким путем мы завоюем право на культурно-политическую автономию. А я тем временем побывал у отцов города — чехов. Совершенно необходимо, доказывал я им, организовать у нас как музей, так и зоологический сад. Чтобы приезжие из Дрездена, или Галле, или Лейпцига, где такие заведения приобрели мировую известность, не смеялись над нами. В конце концов я все-таки добился своего. Конечно, директором музея назначили одного заслуженного профессора из Праги (его жена оказалась родственницей начальника отделения в Министерстве школ), но он редко к нам навещается — стар уже, ездить ему тяжело, и я думаю, что недалеко то время, когда в соответствии со званием я стану сам руководить своим музеем и зоологическим садом. А пока я всего лишь заместитель. Потом заместителем станете вы... Он с таким восхищением посмотрел на меня, что я невольно застегнул пиджак, единственный приличный пиджак, — его дал мне в дорогу мой дядя, который за последнее время немного растолстел.

— Буду стараться... — начал я, заикаясь. Такой уж у меня недостаток. Всегда, когда ко мне обращается кто-нибудь из вышестоящих лиц, я начинаю заикаться: уж очень я почти-

тельный. И у меня потеют руки, хотя я прекрасно понимаю, как все это глупо. По-видимому, мне не хватает мужества, но в конце концов я издавна интересовался главным образом антропологией, а не закаливанием собственного характера.

— Мы во всем должны помогать друг другу, — мечтательно заговорил мой шеф и добавил: — у меня много врагов, сынок... — и он задумался. Казалось, перед мысленным взором моего шефа проплывает бесконечная вереница грядущих дней, когда он в канцелярию и носа не покажет и когда всякими там заказами новых экспонатов, кормежкой имеющихся у нас животных придется заниматься мне и только мне одному. — Все это не так легко, — продолжал он, — господа не хотят считаться с тем, что для наших зверей требуется заморская пища, они не понимают, что необходимо привозить бананы и апельсины и что нельзя кормить знаменитую гумбольтову шерстистую обезьяну простыми помоями, как поросенка. Да они и львам готовы бросать дохлых мышей... — закончил он со вздохом.

Только львов у нас пока что не было, и весь этот зоологический сад существовал скорее в его воображении, а музей находился в очень запущенном состоянии. Вот я и начал как можно быстрее приводить в порядок наши коллекции.

Мой шеф меня нахваливал. Но, конечно, даже и не пытался чем-нибудь помочь. Однажды он привел ко мне свою дочь Гильду, костлявую угловатую девушку с голубыми глазами и пушком на подбородке. У нее были жирные

волосы, которые она не умела укладывать и поэтому выглядела так неприглядно и неряшливо, что частенько вызывала всеобщую жалость. Я тоже жалел ее до тех пор, пока она не заговорила, потому что свои шумные разглагольствования она сопровождала весьма бесцеремонными жестами — хватала меня за подбородок и била по спине, — и я уже стал бояться, что она, недолго думая, положит ноги на стол либо начнет говорить мне «ты» и называть по имени.

И я этого дождался. Именно сегодня, когда мой шеф отправил меня с ней на премьеру в цирк. Разумеется, прежде всего он хотел продемонстрировать меня городским сплетницам, которые в изобилии собрались здесь в этот вечер. И Гильда вела себя так, будто мы давно уже сыграли свадьбу. Я должен был держать ее шляпу, смахнуть пыль с кресла, раскрыть сумочку и спрятать в нее билеты, наконец, принести пальто из гардероба, потому что ей вдруг стало немного холодно, и оставить его у себя на коленях, так как ей уже было жарко, когда я вернулся из раздевалки.

И все же сегодня вечером я пришел в цирк не для того, чтоб выступать в роли жениха девицы Гильды. В таком качестве шеф не отважился бы меня послать. Ведь служебное подчинение тоже имеет свои границы. В сущности, он послал меня затем, чтобы я разузнал, не продает ли цирк каких-нибудь заморских зверей, необходимых нам для наших заведений. Кто сможет упрекнуть меня в том, что я, не извинившись, бросил дочь своего руководителя, когда передо мной возникла реальная воз-

можность приобрести столь оригинальную обезьяну — скорее это даже человек или, вероятнее всего, какой-нибудь редкий экземпляр человеко-обезьяны, которая еще бог весть когда попадет к нам в Северную Чехию?

— Вам меня не убедить, — это не шимпанзе, — с раздражением заявил я Кноллю. — Я совершенно уверен — посмотрите на его подбородок, форму черепа, на надбровные дуги. И вообще это не обезьяна.

Кноль не удивился.

— Знаю, — ответил он и потянулся, сидя в своем цирковом фургоне. На столике стояла бутылка рому. — Знаю, — повторил он. — А вам не приходит в голову, что не вы первый обращаетесь с этим ко мне. Но до сих пор никто ничего не доказал...

— И все же доказать нетрудно. Достаточно посмотреть на строение его ног, *calcaneus* и особенно на ступни.

— А как вы собираетесь на все это посмотреть? Я вас и близко к нему не подпущу. Когда профессор Пфермейер из Гейдельберга попытался к нему подойти, тот свернул ему нижнюю челюсть. Господину Райту из Манчестера он чуть ли не отгрыз все предплечье — вы бы видели его зубы! А господину Хаасе повредил позвоночник! Эта сволочь не любит людей. Но мне он нужен. Он спасает наш цирк от разорения. Сейчас кризис, мой друг, и я готов демонстрировать кого угодно — хоть безобразных уролов, хоть небесных ангелов, — мне все равно. Я своего Тарзана использую в коммерческих целях, и поэтому все законы на свете на моей стороне. Они будут охранять меня от лю-

бых придурковатых ученых! Если вам не нравится, я вас не задерживаю. Попробуйте его сфотографировать; большой пользы это вам не принесет, потому что он хочет быть обезьяной, хочет быть шимпанзе и делает это так хорошо, что никто мне ничего не докажет...

Владелец цирка рассмеялся, он был уже как следует пьян. Видимо, до сих пор дела в его цирке шли не так уж плохо, раз хватало денег на выпивку.

— Но если вы хотите испытать, милостивый государь... — робко заговорила жена Кнолля, еще минуту назад выступавшая в качестве укротительницы львов.

— Что испытать? — рявкнул Кнолль и зло посмотрел на свою жену. И укротительница львов здесь, в фургоне, сразу же превратилась в кроткую голубицу, в послушную жену, которая стала успокаивать своего мужа, забегала вокруг него, будто над ее головой защелкал тот самый бич из толстой кожи, каким она каждый вечер укрощала в клетке царя зверей.

— Что испытать?! — снова рявкнул Кнолль, рявкнул погромче, чем лев. — Хочешь, чтоб на нас обрушились несчастья? Да разве ты, корова, не знаешь, что все эти сумасбродные ученые в конце концов с нами судятся? За свои травмы они требуют денежной компенсации и готовы на тяжбу ухлопать все свое состояние. Эх, ты курица безмозглая!

И в адрес укротительницы понесся поток изощренных ругательств, в которых фигурировали уже не только домашние животные.

Я выбежал из фургона, а владелец цирка хриплым голосом все еще перечислял мне

вслед названия разных пород и семейств, известных в зоологии.

Снаружи никого не было видно. Вокруг стояли запертые темные фургоны. Большинство их обитателей находилось на арене. Время от времени до меня доносились возгласы зрителей или ржание коней в стойлах. Должно быть, выводили белых лошадей. Я раньше не обращал внимания на то, что у них есть такие лошади. Ориентируясь по запаху, я без труда добрался до клеток. В первой при лунном свете я увидел того единственного льва, изображение которого украшает цирковые афиши. Он был уже довольно стар и лыс. И сейчас, во сне, он время от времени терся о решетку, потому что его мучила парша. В следующей клетке помещались шакалы. Как ни странно, но их не мучила парша. Стоило, однако, шакалам меня увидеть, как они начали рычать. Оно и понятно: эти шакалы были подозрительно похожи на собак. Какая-то помесь волка с догом. Здесь, вблизи, я не мог ошибиться. «Хороши шакалы, ничего себе. Лучше бы ты тех шакалов привязал к конуре,— подумал я.— В общем каков поп, таков и приход! Обман на обмане». Пройдя мимо нескольких пустых помещений, мимо ящика со змеей, я наконец увидел совсем в стороне обезьянью клетку. Она была оборудована, как все обезьяньи клетки на свете. Зеркала, лесенки, велосипед и разноцветные лоскутки, будто здесь содержат обыкновенных мартышек или павианов. Обезьяна, а точнее, неизвестное существо, покоилось в углу клетки, лицом к стене. На руках у нее были цепи, какие прежде надевали заключенным, а на но-

гах — большое чугунное ядро, знакомое мне только по истории средневековых тюрем. А ведь никто во всем мире так не заковывает обезьян! Все эти металлические приспособления предназначены исключительно для людей.

Как-то Гильда велела купить для нее мятных конфет. И теперь их у меня был полон карман. Я вытащил конфетку, развернул ее, и, причмокивая, демонстративно стал сосать, а в конце концов бросил ее в клетку. Разумеется, все это время я посматривал по сторонам, как бы не появился управляющий или кто-нибудь из служителей. Казалось, все было спокойно. И только этот Тарзан — так его называли — лежал в углу, куда не падал свет луны, и не проявлял никакого интереса к моей конфете. Я снова причмокнул и на этот раз бросил в клетку целую горсть конфет. При этом я заговорил и стал его нахваливать...

— Послушай, добрейший... Brav... Nice... Roset, Kommher, Come... — пытался я привлечь его внимание, говоря на разных языках. Но он даже не шелохнулся, пока я не стал тыкать его палкой. Так обычно обращаются со зверями. Если они не слушаются по-хорошему, им делают больно. Неподалеку лежал какой-то прут. Но едва я к нему прикоснулся, как Тарзан вскочил, словно черт, стал на задние лапы, — собственно, на ноги — и начал колотить себя в грудь, как это обычно делают одни лишь обезьяны. Распространено мнение, что так поступает только горилла, но Шейнфурт, как и Пасхен, прославленный в прошлом веке охотник на обезьян, свидетельствует, что и взрослый шимпанзе может готовиться

к схватке точно таким же образом. Неожиданно Тарзан бросился на решетку с такой силой, что закачалась вся клетка. Я не успел отскочить, и ему удалось разорвать мой рукав и даже немного поцарапать меня. При этом он так перебрасывал десятифунтовый груз, который ему привязали к ногам, точно это был футбольный мяч.

В цирке, очевидно, уже знали его повадки. Из фургона выскочил хозяин, из будки служители и официанты, прибежала даже укротительница львов со своим ременным бичом. Она сразу же напустилась на Тарзана, но не успела его усмирить. Зрители высыпали из цирка, стали ее ругать, некоторые дамы громко визжали, другие осуждали нас за жестокость. По всему было видно, что я сорвал представление. Из цирка я выбежал прямо в поле, а так как до сих пор не изучил окрестностей, пришлось проплутать несколько часов, пока крестьяне не указали мне дорогу домой.

Перед домом меня поджидала Гильда. Наш музей помещался в вилле, которую нам завещала местная миллионерша. Вилла напоминала готический костел, но все еще сверкала новизной. Совсем недавно ее реставрировали. Гильда подошла ближе и вlepила мне пощечину. (Так кончилась наше знакомство. По крайней мере мне показалось, что оно кончилось.) Но Тарзану сегодня, видимо, досталось еще больше.

В тот вечер я долго не ложился спать. Решил написать письмо Кноллю с просьбой уступить удивительное животное нашему зоологическому саду. Я предложил ему баснослов-

ную цену, ибо прекрасно знал, что он все равно не согласится. Но в таком случае я мог потребовать от него подробных сведений: когда, где и при каких обстоятельствах было приобретено это животное. Если же Кнолль не объяснит его происхождения да еще и не предложит купчей, я сообщу обо всем в полицию, ибо считаю, что владелец цирка держит в клетке не обезьяну, а человека, хотя, когда его рассердят, он начинает бить себя кулаками в грудь, как шимпанзе. Кроме того, я заметил, что его одевают в какие-то смехотворные трусы и особую покроя куртки, которые должны скрыть от случайных свидетелей явные признаки его принадлежности к роду человеческому — и прежде всего отсутствие волосяного покрова. Поэтому мне кажется, что я столкнулся с каким-то загадочным преступлением. В любом случае я заставлю говорить о себе.

А ведь к этому, собственно, человек и стремится всю свою жизнь. Мне стало легче переносить несправедливости шефа. На другой же день он выставил меня из светлого кабинета в полуподвал, в отделение пресмыкающихся, что примостилось рядом с коллекциями минералов. Там целый год совсем не топили будто бы из-за того, что сталактиты могут раствориться. Шеф мой нанял также второго практиканта из здешних. Это был немец, который сразу же начал появляться с Гильдой в обществе. Вскоре он даже стал возить ее детскую коляску. Никто на меня не обращал внимания. Они терпели мое присутствие лишь потому, что работал я бесплатно. Да, тогда, в тридцатые годы, когда произошли все эти события, госу-

дарственных служащих поначалу принимали на работу как практикантов и целый год им ничего не платили. Наверняка меня собирались через год выставить и на мое место взять другого практиканта, который трудился бы столько же, а потом его постигла бы та же участь. Однако они просчитались. Все обернулось совсем иначе. И именно из-за Тарзана.

Визит незнакомки из Уэст-Энда

Я нетерпеливо ждал ответа от Кнолля и каждый день с надеждой приветствовал почтальона. А вдруг он несет мне известие, которое изменит всю мою жизнь? Но долгое время не приходило ничего. Послать еще одно письмо казалось мне смешным. Это уже походило бы на шантаж. Действительно, стоило ли идти в полицию сообщать о своих подозрениях? Мне трудно было решиться. Ведь я тешил себя мыслью, что сам стану детективом, который раскроет тайну. Неужели я вынужден буду передать это дело в руки жандармов? Лучше всего было бы съездить к Кноллю. Но его цирк как сквозь землю провалился. Вероятнее всего, трупка пересекла границу и уехала в Германию. Нигде о ней ничего не было слышно. Понемногу я стал забывать о своих проектах и начал утешаться тем, что настоящие мудрецы не вмешиваются в ход истории, что они удовлетворяются созерцанием и описанием событий. Но авантюризм у человека в крови. И мне было трудно с этим совладать.

Между тем Гильда поссорилась с новым практикантом, и шансы на успех у меня повы-

сились. Шеф стал отвечать на мои приветствия, а когда к нам однажды приехал начальник, родственник заведующего отделением, то он даже похвалил меня перед ним.

— Я вас уже простила,— заявила Гильда, появившись однажды у меня в кабинете. И тут же уселась на стол. — На вас нельзя долго сердиться, — продолжала она с обезоруживающей улыбкой, между тем как за дверью плакал ребенок неизвестного отца. — И с тех пор вы так страдаете, что мне вас жаль, Андрэ.

— Меня зовут Индржих,— возразил я.

— Ах, ты мой сладкий Индржишек...

Я должен был отступить к дверям. Лучше всего бы выскочить в окно, но мой кабинет находился в полуподвальном помещении. Я уже представлял себе, как ее папаша поджидает за дверьми, чтобы застичь нас врасплох.

Но застиг нас вовсе не он.

В кабинет вошла хорошенькая девушка в кожаном пальто и с автомобильными очками на лбу. Когда я помог ей снять пальто и она отложила в сторону свои автомобильные доспехи, передо мной оказалась не то голливудская звезда, не то парижская манекенщица. Я и не предполагал, что на свете вообще могут существовать такие красивые женщины. У нее был прекрасный овал лица, большие карие глаза, светлые волосы и греческий профиль, фигура праксителевых статуй.

— Джина Джонс...—отрекомендовалась мне посетительница. Она только посмотрела на Гильду, и та под этим взглядом сразу же присмирела и замерла, словно лягушка перед змеей.— Я приехала в связи с вашим письмом...—

Тут она закурила сигарету иностранной марки в длинном мундштуке и, не дожидаясь приглашения, села, положив ногу на ногу. Затянувшись, она еще раз поглядела на Гильду. Этого уже было достаточно.

— Не буду мешать... — бросила Гильда и чуть ли не выбежала из комнаты. Она, видимо, обратила внимание на английский акцент, с каким говорила посетительница, и поняла, что перед ней иностранка, плохо владеющая немецким языком.

— Кноль передал мне ваше письмо, — продолжала гостя. — Меня тоже интересует этот... — она секунду помолчала и добавила, подавляя, видимо, внутреннее сопротивление: — Тарзан. Я ведь тоже убеждена, что это человек. Но чем дальше идет дело, тем меньше у меня сторонников... — При этих словах она улыбнулась. Это была ее первая улыбка за все время визита, но она придала мне сил. До сих пор мне казалось, что весь этот визит наводит на нее невероятную скуку. Но теперь у меня было доказательство, что моя персона представляла для нее определенный интерес, что она приехала именно ко мне.

— Готов служить вам... — как ни странно, но весьма кстати вставил я. И вдруг почувствовал себя совсем иначе. Когда тебе улыбается голливудская кинозвезда, становишься более самоуверенным.

— Я убеждена, что Тарзан — человек, причем я знаю, кто этот человек. — Она положила на стол фотографию стройного мужчины в смокинге. — Это молодой барон Хоппе. Не хотите ли выслушать меня?

И она улыбнулась еще обворожительней. Мне ничего не оставалось делать, как принять ее предложение, ибо действительно трудно было распознать в этом светском джентльмене человекоподобную обезьяну, которую я совсем недавно видел в клетке. Все это показалось мне подозрительным. Я совсем не хотел стать жертвой какой-то авантюры.

— Видите ли, я хочу рассказать вам свою историю. В ней, собственно, нет ничего особенного. Вы, вероятно, читали в детстве «Книгу джунглей»? Разве Маугли казался вам каким-то особенным? Так вот, в Индии нередко бывает так, что из-за голода родители бросают своих детей в джунглях, и там их выкармливают и воспитывают звери. Случается, что даже львы. Говорят, три года назад в Бомбее был обнаружен мужчина, который пробыл несколько месяцев в плену у царя зверей. А из Алеппо сообщают, что два месяца назад кочевники поймали там «мужчину-газель». Он прожил в стаде много лет, питался травой и, когда его стали ловить, попытался спастись от преследователей, убегая огромными скачками. А кто знает, что происходит в Африке? Ведь там отдельные племена совсем не представляют, сколько у них народу, и не регистрируют тех, кто исчез в джунглях. Человек легко приспособливается ко всему. И если он смог приспособиться к нашей современной цивилизации, то почему бы ему не ужитья, скажем, с медведями, если родился он в определенной обстановке и с малых лет видел вокруг себя одних медведей? Что же касается Тарзана, то это — наиболее известный представитель такого

сорта людей. А барон фон Хоппе — наиболее значительный... — вздохнула она. — Ему принадлежат многие владения в Австрии, Германии и Чехии. Род его известен славными традициями, и я удивлена, что вам это не известно. Его знают во всех аристократических домах Европы. И такой человек под видом шимпанзе исполняет номера в цирке Кнолля!

Она говорила все быстрее и быстрее, будто не могла совладать с собой или просто потому, что повторяла свою историю уже не в первый раз. И все смотрела на меня и улыбалась своей манящей улыбкой. Может, ей даже хотелось взять меня за руку, но мной овладел страх, он рос. Собственно, я уже перестал считать ее сумасшедшей, я боялся другого — шантажа, боялся, что прибывшая ко мне дама хочет втянуть меня в какую-то бесконечную имущественную тяжбу. И тут мне захотелось, чтобы вернулась Гильда. Но она не возвращалась — я отлично знал, что она подслушивает за дверью.

В тот день я просидел у себя в кабинете до глубокой ночи и понял, что Джина приехала на своем спортивном «ягуаре» лишь затем, чтобы рассказать мне свою историю. Она отказалась от угощений — ей просто было нужно, чтобы я ее выслушал. В конце концов это была самая необременительная просьба из тех, что я готов был для нее выполнить. Тем более что ее рассказ меня ни к чему не обязывал, а внешность ее была приятной.

— Самое ужасное — то, что я не могу его спасти. И к вам я приехала с отчаянья. Мне, собственно, не так уж нужен антрополог. Ведь

у меня целая гора всевозможных справок и заключений ученых. Мне нужен энтузиаст, который попытался бы спасти барона, который попытался бы помочь мне. От этого зависит моя судьба. Я должна была выйти за него замуж. Я его невеста. Мы познакомились с ним несколько лет назад в одной из экспедиций сэра Уэзерола.

В черную Африку

В ту экспедицию я попала с отчаянья... Только вам расскажу все без утайки — ведь от вас я жду помощи. Мне давно известно, что я красива, известно чуть ли не с детства — об этом говорили все. Родители тоже не отставали от других и следили за каждым моим шагом, хотя я ровным счетом ничего дурного не делала. «Любой мужчина может тебя обидеть, — твердили они, — потому что ты красотка». На этом основании я находилась под охраной даже в двадцать лет. Но в действительности обижали меня вовсе не мужчины, как предполагала моя мать, а женщины. Женщины издевались надо мной, это они старались меня унижить. Все началось еще в школе с союза, который заключили против меня наша старая учительница с моими же сверстницами-дурнушками. Я не могла произнести ни слова без того, чтобы не смеялся весь класс; стоило мне сделать какое-нибудь движение, как в мою сторону устремлялись завистливые взгляды.

— Послушайте, Джонс, — не раз звучал в моих ушах злобный голос директрисы: — красота — это еще не все!

Вскоре я стала побаиваться ходить на танцы, ибо нередко получалось так, что какая-нибудь из завистниц, которой приходилось часами ожидать партнера, чем-нибудь да мстила мне — то она рвала на мне блузку, то наступала на шлейф длинной юбки, то рисовала на спине чертика, то подкарауливала в уборной, чтобы вцепиться мне в волосы. Постепенно я перестала появляться на людях, к чему моя мать отнеслась весьма одобрительно: она еще не была стара и довольно остро реагировала на то, что в общественных местах на меня обращали внимание, а на нее нет. Для окружающих я была совершенно невыносима. Само собой разумеется, меня пригласили в знаменитый салон мод — там я должна была демонстрировать новые фасоны. Но, бог мой, нельзя было сделать и десяти шагов, чтобы у меня не начинала кружиться голова под множеством враждебных взглядов, — они, словно жгучие огненные бичи, стегали меня по плечам, по груди, по всему телу. Не понимаю, почему люди так завидуют красавицам! Уверяю вас, что красота — самое ужасное бедствие, которое только может постигнуть человека, это ужаснее, чем горб. Мне и сейчас приятно, когда можно закрыть лицо, ну, скажем, автомобильными очками. Хоть круглый год я готова ездить в спортивной машине, только бы носить эти очки: чтобы меня никто не видел, чтобы никто не вертелся вокруг и я хоть на минуточку могла отдохнуть от всех этих взглядов, от всего этого проклятия.

Мужчин я боялась, потому что они готовы были взять меня силой — между тем мне сле-

довало подождать партии, подходящей для такой девушки, как я, — а женщин боялась, потому что они меня ненавидели. Все это было уже невозможно вынести, а оставаться на службе я не могла, в особенности после того, как мне предложили продемонстрировать новый фасон нижнего белья. Я взяла расчет и примкнула к экспедиции сэра Уэзерола, который готовился ехать в Африку ловить обезьян. Конечно, я собиралась туда не ради обезьян, хотя и прочитала тайком от матери немало книг по зоологии. (Надо сказать, что моя мать считала неприличным, когда красивые девушки много читают.) Явилась я к Уэзеролу и потому, что мой шеф, доктор Миллер, был очень безобразен — лицо у него испещрено мелкими морщинами, кожа на черепе, казалось, принадлежала слону или бегемоту. Экспедиция собиралась произвести нападение на так называемый обезьяний рай, где живут шимпанзе семейства «рана манжаруна»; суданские арабы называют их «баам». Как известно, вся эта местность заражена мухой це-це, и, чтобы не заболеть сонной болезнью, европейцы нашей экспедиции должны были носить маски из плотной ткани, которые предохранили бы от укусов этих насекомых. Таким образом, лица у нас были скрыты под маской, а тело — под светло-зеленым тропическим балахоном, напоминавшим скорее мешок, чем какое-либо одеяние. Все мы были совершенно одинаковы, как монахи в своих рясах. Нас даже невозможно было отличить друг от друга.

О своих намерениях я тогда не посоветовалась с матерью и написала ей уже с кораб-

ля. Сэр Уэзерол был доволен, что нанял лаборантку за невысокую плату: не всякая женщина согласилась бы принять участие в такой опасной экспедиции, а его финансовые возможности были весьма ограничены. Доктор Миллер вел себя безупречно — видимо, он меня понимал; так по крайней мере мне показалось вначале. В свое монашеское одеяние я облачилась уже на корабле, а после Канарских островов никогда не появлялась без покрывала. Я проглатывала книгу за книгой и постепенно освобождалась от страха.

В конце концов, думала я, муха це-це не может быть опаснее моих сослуживцев, которые во время последней демонстрации мод так подпоролы мое платье, что не успела я сделать и нескольких шагов, как оказалась обнаженной перед целым Альбертс-залом. Публика редела, пресса была близка к помешательству. Даже на другой день я боялась выйти на улицу: так мне было плохо. А здесь все было по-другому. Я весело бегала по пристани, по палубе, словно вновь родилась на свет божий.

— Моя главная задача — раздобыть половые железы обезьян, чтобы наладить опыты по омоложению согласно методу Воронова. Чем больше желез нам удастся раздобыть, тем больше денег мы получим, — заявил доктор Миллер. Это мне очень понравилось. Миллер говорил об этих железах как истинный коммерсант. Совсем не так, как другие. И ни разу не осмелился прикоснуться ко мне, даже когда давал подробные инструкции, как вести себя с обезьянами-самцами, с которыми мне придется встретиться, и когда рассказывал об

особенностях операции, которую я должна буду делать. Вообще это был первый инструктаж в моей жизни по столь щепетильному поводу. Мать моя, хотя и предупреждала, что нужно быть осторожной с мужчинами, но никогда ничего толком о них не рассказывала. Поэтому в мужчинах я разбиралась еще меньше, чем в обезьянах.

— Ничего, привыкнете. Обычная операция, как и всякая другая.

— Из вас получится хорошая путешественница.

— Через два года организуете собственную экспедицию.

Так говорили мужчины, которые ехали со мной. Это были сэр Уэзерол, доктор Миллер и патер Дилоуби, который хотел организовать у туземцев новую миссионерскую станцию. Он рассказывал мне, скольких чернокожих ему удалось окрестить в своей жизни. Приятно было слушать его рассказ после утренних наставлений доктора Миллера, который не задумываясь стал бы кастрировать негров, если бы только нашелся человек, готовый солидно компенсировать ему риск подобного преступления.

Предательство

Туземцы встретили нас хмуро. Они издавна слыли людоедами, и только карательная экспедиция майора Уэлса, который недавно устроил здесь такое побоище, что оставшиеся в живых оказались не в силах съесть всех мертвых, заставила их скрыть от белых людей свой варварский обычай. Да и, кроме того, по-

сле недавней резни они отнюдь не горели желанием признать белого бога, которого им навязывал патер Дилоуби. Ибо они исповедовали собственную религию, и в этой религии — о, горе нам! — человекообразные обезьяны, называемые на их языке «импунду», играли весьма своеобразную роль. Туземцы считали их лесным народом, священными животными, которых запрещалось убивать и употреблять в пищу. Очевидно, именно поэтому они и вознаграждали себя тем, что поедали своих врагов.

Вот почему нелегко было найти носильщиков для нашей экспедиции, и те несколько безбожников, которых нам все же удалось завлечь разными посулами, пришли в неопиcуемый ужас, когда узнали, для каких целей нам нужны обезьяны.

— Начнем охоту прямо на месте, — решил сэр Уэзерол. — В обезьяньем раю.

До этого места нужно было идти двенадцать томительных дней, начиная от последнего негритянского селения на реке Нелле. В пути пришлось пересечь два огромных болота, преодолеть водопад и прорубить дорогу через густые заросли лиан — ничего подобного в Африке я еще не видела. В добавление ко всему то и дело приходилось уговаривать наших проводников не бросать нас, обещать им новые подарки и открывать бутылки с дешевым виски. Я никогда и не предполагала, что утро в этих краях может быть таким студеным, и только теперь поняла, что прав был доктор Миллер, утверждая, что в Экваториальной Африке пара пустяков схватить простуду или воспаление легких. Комары и мухи це-це осаждали нас

днем и ночью. Огромные летучие мыши так шумно хлопали крыльями, кружа над нашим костром, что заглушали даже гул тамтама, которым туземный колдун беспрерывно призывал вернуться своих заблудших овечек.

Экспедиция началась скверно. Но самое неприятное ожидало нас впереди, когда, добравшись наконец до места, где некогда сэр Уэзерол построил свою базу, мы не нашли ни закопанного в землю сундука с продовольствием, ни спрятанной в металлический ящик карты. Хижина сгорела, от ящика не осталось и следа, продукты кто-то унес. Только к вечеру мы обнаружили под молодой пальмой раскрытый сундук, в котором, точно собачонки в будке, уютно устроились маленькие обезьянки. Мы их всех поймали. Только шимпанзе нам не попадались. Обезьянки не представляли никакой ценности для нашего доктора.

— Железами этих крошек не омолодишь ни одного миллионера,— смеялся он.— Не за ними мы сюда пришли...

Наши проводники смирились бы с мыслью, что мы ловим обезьян для зоопарка или охотимся на них ради шкуры — такое уже проделывали до нас другие европейцы,— но потрошить обезьян? Нет, с этим они не могли смириться. На другой день проводники сбежали, прихватив с собой все наши ружья и боеприпасы. Уже в полдень мы услышали вдалеке залпы из всех наших винтовок, точно там была ярмарка или веселое гулянье.

— Это вы во всем виноваты,— набросился на сэра Уэзерола доктор. — Надо было нанять

негров на побережье. Они понадежней. А вы, с вашей экономией..

— Зачем вы вообще нас сюда заташили?— ворчал патер.— Здесь обезьян не больше, чем в любом другом месте Африки.

Так они спорили до самой ночи.

Но нам не суждено было узнать, зачем сэр Уэзерол привел нас сюда. В тот же вечер он покончил с собой выстрелом из револьвера. Скорее всего, наша экспедиция за обезьянами преследовала какую-то иную цель, которой он так и не достиг, обнаружив пропажу карты. Мы похоронили сэра Уэзерола, как христианина. Патер Дилоуби произнес над могилой речь, и мы открыли последнюю банку консервированных ананасов с рисом, которую не успели утащить туземцы.

В наследство от сэра Уэзерола нам остался только небольшой дамский револьвер, который мог лишь раздражить взрослого шимпанзе, если мы вообще его встретим. Но патер Дилоуби был в Африке не впервые и имел опыт по части охоты. На обратном пути ему нередко удавалось подстрелить какую-нибудь живность к обеду. Вдобавок погода улучшилась, нас больше не мучили дожди, и я стала надеяться, что обратный путь будет поприятнее.

— Кто же нам теперь заплатит?— сетовал доктор Миллер.— У этого старого мошенника, конечно, не было в кармане ни гроша. Очевидно, он отправился в путешествие, чтобы поправить свои дела. Неизвестно, как мы вообще доберемся до Европы.

Да, я забыла вам сказать, что у покойника мы нашли только два фунта пять шиллингов и

три чековые книжки без единого бланка. Но мне все еще не было понятно, чего опасаются мои спутники. Я-то чувствовала себя в этих джунглях превосходно. Мать, очевидно, вышлет мне денег на обратную дорогу, но если потребуется — можно остаться здесь и на несколько лет. Мне казалось, что мы вернемся без особого труда.

Но я ошиблась. Тропинка, которую туземцы прорубили в джунглях, совсем заросла. Здесь все растет буквально на глазах. И там, где мы прошли, лианы, казалось, стали еще гуще и толще. Бывшая тропинка напоминала рану, которая затягивалась целительным и еще более крепким рубцом. А у нас не было ничего, кроме перочинного ножа и скальпеля из лаборатории.

— Ну и влипли мы в историю, — пробормотал, чертыхаясь, патер. — Почему он не взял с собой хотя бы радиопередатчик... Даже на этом хотел сэкономить. Как же теперь звать на помощь?

И он с яростью швырнул на землю рюкзак покойного Уэзерола, который мы несли по очереди.

Мне хотелось, чтобы мои спутники не щадили меня и не избавляли от обязанностей. В тот день я впервые почувствовала себя усталой. И мною впервые овладел страх. Но теперь я уже боялась не того, что меня обидят; я испугалась за свою жизнь.

Я сделала несколько шагов, но лианы преградили мне путь. Они стояли густой плотной стеной. Трудно представить, что мы вообще сможем пробраться сквозь эту чашу. Присло-

нившись к пальме, я заплакала. Попыталась разорвать лианы руками, но ничего не получилось. Ко мне подошел доктор Миллер. Он стал успокаивать меня и даже обнял за плечи. Этого еще не хватало!

— Оставьте меня в покое!—заорала я и вкатила ему две увесистые пощечины. — Неужели я убежала в джунгли ради того, чтобы уединиться здесь с вами, с таким уродом? — И я разразилась истерическим хохотом.

Патер был гораздо толще, чем обычно бывают святые отцы. Он простер надо мной руки, и несколько минут я молилась вместе с ним, словно маленькая девочка.

Мы заснули в наскоро сооруженной палатке, нимало не заботясь об охране. Пройди мимо пантера — она неплохо бы поужинала... Но пантера в эту ночь, наверное, была далеко или просто нас охранял какой-то добрый дух. Надо думать, кто-то охранял! Потому что утром, когда я встала и протерла глаза, то застыла в изумлении, увидев узкую тропинку, вырубленную в зарослях лиан. Ночью кто-то прорубил нам дорогу в джунглях.

— Смотрите-ка!—позвала я обоих мужчин.

— Чудо,—осенил себя крестом отец Дилоуби.— Ты просто святая... Дева Мария услышала твои молитвы...

— Чепуха,—буркнул доктор Миллер.

— Если не верите, можете оставаться здесь,—осадил его патер. Обняв за плечи, он повел меня в чащу леса. При этом он так прижимался ко мне, что пришлось его оттолкнуть.

Неужели и этот набожный патер туда же? Неужели ничто не спасет меня от него?

На другой день мы опять обнаружили прорубленную в зарослях тропинку. Теперь уже нас охватил страх.

— Ну вот, пожалуйста...— торжествовал доктор Миллер, который, разумеется, отправился с нами дальше.— Еще не известно, куда заведет нас этот зеленый туннель. А что, если там, впереди, алтарь не девы Марии, а здешней богини мщения, которая потребует человеческих жертв? Забавное будет зрелище: ирландский католик превращается в черного знахаря. Теперь можно ожидать чего угодно, любой ерунды: ведь мы потеряли здравый смысл.

— А по-вашему, лучше умереть с голоду?

— Это более логично. Нам нельзя рассчитывать на чью-то помощь, на разум надеяться нечего. Мы поставили на карту свою жизнь. Эрго — мы должны умереть. И вот нам дарует жизнь некая иррациональная сила, которая кажется мне еще более подозрительной, нежели эта трясина, в которую мы, чем дальше идем, тем больше погружаемся,— непрерывно бурчал доктор.

На его лице было написано явное недоверие, и все же он упрямо шагал вперед, ибо тоже надеялся на спасение, пусть даже вопреки здравому смыслу.

Внезапно у небольшой сухой поляны тропинка оборвалась, джунгли расступились. Посреди поляны стояло несколько палаток. Мы наперебой закричали и бросились к лагерю, голодные и исцарапанные. Но нам никто не ответил.

Мертвый лагерь

Я первая подбежала к палаткам, но вокруг — никого. Видимо, покинутый лагерь. Заглядываю в ближайшую палатку. Там, на кроватях, лежат два скелета, начисто обглоданные муравьями, а на голых черепах — тропические шлемы немецкого африканского корпуса. Я не могла оторвать от них взгляда. Так и стояла, будто остолбенела. Мертвый лагерь.

Как мы потом установили, люди умерли лет двадцать назад, во время первой мировой войны, а скорей всего они даже и не знали, что началась война.

Мы нашли двадцатилетней давности консервы, боеприпасы и водку. Все было в стеклянной посуде, упаковано тщательно, с настоящей немецкой аккуратностью. Даже ружья с отлично смазанными затворами и стволами нисколько не заржавели за все эти годы. В особом футляре мы нашли дневник экспедиции. В этом дневнике барон фон Хоппе прощался с миром; его, одинокого и больного, покинули носильщики. Значит, не мы первые в таком положении. И в заключение длинного письма барон выражал надежду, что кто-нибудь спасет его трехлетнего сына, которого он вынужден был взять с собой в экспедицию. Но спасители, по всей видимости, не пришли, так как дневник остался нетронутым. Детского скелета нигде не было видно.

Впрочем, мы особенно и не искали, потому что переходы последних дней по таинственной просеке в джунглях совсем отучили нас логически мыслить. Я упала на свободную кровать

в покинутой палатке, и мне было наплевать, что на соседней кровати лежат скелеты.

Меня разбудили громкие голоса: это доктор Миллер настиг в джунглях наших негров. Скорей всего они решили, что имеют дело с колдуном, потому что даже местные следопыты не могли бы так быстро пробраться через тропические заросли. Негры распростерлись ниц перед доктором и стали просить пощады. Они вернули нам все оружие и были готовы нести поклажу. Только где она, наша поклажа! Даже одежда на нас была изодрана в клочья. Мы не могли показаться носильщикам в таком виде. И тогда патеру Дилоуби, который в это время хоронил оба скелета в лесу, пришла в голову счастливая мысль. Вернувшись, он открыл сундук, в котором хранилось снаряжение барона фон Хоппе, и мы все переоделись. Оказалось, что в составе экспедиции была какая-то женщина. Мне достался ее допотопный наряд с турнюром и широкой юбкой. После такой метаморфозы нам больше не пришлось доказывать черным носильщикам нашу способность к чародейству. Они беспрекословно поверили, что доктор Миллер намного искуснее их местных знахарей, и, конечно, обещали завтра же отправиться с ним ловить обезьян.

После полудня мы принялись за дела: ознакомились со снаряжением покинутого лагеря, связали сети для ловли обезьян и подготовились к вечеру. Все были счастливы. Тем более что и немецкие консервы оказались съедобными, и водка отличной. Только мне было не по себе. Мной снова овладел безотчетный

страх. Не знаю, чего я боялась. Доктор и патер пребывали в восторге от того, что у них появились шансы на успех, и забыли, что этим шансам они обязаны бессмыслице (по мнению одного) и чуду (по мнению другого). Только я не переставала обо всем раздумывать. Думала и о том, почему меня снова охватил страх. Мне казалось, будто кто-то все время смотрит на меня, будто кто-то ходит за мной. Но кто? Мне было очень плохо.

Только во время обеда я заметила его. Сегодня, впервые за долгое время, доктор Миллер сварил горячую еду, и мы все сошлись вокруг костра. И тут я снова ощутила на себе этот взгляд. Я было повернулась в сторону леса, но вдруг решила посмотреть вверх и подняла голову. Там, на вершине дерева, висела большая светлая человекообразная обезьяна. Она держалась за ветку только одной рукой и внимательно следила за каждым нашим движением. Я точно окаменела и не могла пошевелиться.

— Что с вами, дитя мое? — спросил патер Дилоуби.

У меня словно язык прилип к гортани. Тогда патер тоже поглядел вверх. Все мы застыли недвижимо, как и негры, которые никогда в жизни не видели такой обезьяны.

— Внимание... тише... — предостерег нас доктор и скрылся в палатке.

Между тем обезьяна спустилась по лиане с дерева и медленно, на четвереньках приближалась к нам, делая круги. Негры упали на колени, решив, что сам лесной бог пришел их покарать.

Но в этот момент откуда-то вынырнул доктор Миллер и набросил сзади сеть на обезьяну. Шимпанзе сразу же перестал метаться. Теперь даже мне Миллер показался чародеем. К вечеру он построил деревянную клетку, отыскал где-то большой висячий замок и запер обезьяну.

— Вот это добыча! — говорил он. — Настоящая сенсация! Зоологические сады будут драться из-за него.

— Но он как-то странно смотрит на меня...

Я все еще была сама не своя. Даже не предполагала, что обезьяны могут до такой степени походить на людей. Мне не хотелось подходить к клетке, да и негры не отваживались на это.

— Они обратили вас в свою веру? — смеялся доктор.

— Странно только одно, — заметил патер, который немного завидовал доктору и не слишком-то радовался его успехам, — что я в жизни не слышал о светлых шимпанзе. Да к тому же еще без волос на теле!

— Значит, вы очень мало в жизни слышали, — усмехнулся доктор с превосходством естествоиспытателя, — знаменитая самка шимпанзе Масука из берлинского зоосада была абсолютно лысая, точно Гай Юлий Цезарь...

— Но у этой обезьяны совершенно особенные надбровные дуги... — продолжал патер. — И нижняя челюсть у нее такая же, как у вас или у меня... посмотрите...

Мы сидели рядом с клеткой. Шимпанзе все время смотрел на меня, хотя был связан веревками, точно новорожденный свивальником.

— Не станете же вы утверждать, что это

человек?— засмеялся доктор и швырнул в зверя дымящуюся сигару.

Зверь заревел от боли.

— Может быть, вы считаете его человеком?— со смехом спросил Миллер, когда мы отбежали от клетки.— Природа могущественна. Возможно, это какая-то мутация, какой-то переходный вид, кто знает. Этот экземпляр прославит нас. Не хотите ли выпить?— пригласил он меня, останавливаясь перед входом в палатку.

— Нет,— ответила я.

Я хотела домой. Слишком уж много неожиданного встретилось нам в этом путешествии...

Но самая больш́ая неожиданность ждала нас на другое утро. Клетка была пуста. Веревки, которыми нам удалось вчера связать шимпанзе, валялись на земле. Патер Дилоуби поднял сбитый замок.

— Он использовал в качестве рычага обгорелую палку... Никогда не слышал, чтобы шимпанзе были взломщиками...

Ни слова не говоря, доктор вытащил из кармана тяжелый пистолет.

— Подождите, Миллер, опомнитесь. Я не допущу, чтобы вы совершили преступление. Неужели вы не понимаете, что собираетесь убить человека? И к тому же человека, которому мы обязаны спасением? Кто же еще прорубил нам дорогу сквозь заросли лиан? Теперь я знаю — это не было чудом. Нас спас юный барон Хоппе, которого вырастили обезьяны... — И патер отбросил носком башмака перегрызенные веревки.— Это такой же человек, как и мы с вами.

— Кто?— Я не могла удержать восклицания.

Но доктор будто и не слышал слов патера. Он не хотел отказываться от своего намерения и стал подстрекать к бунту наших негров. Те пали перед ним на колени, дрожа от страха.

Вдруг мы увидели, что к нам спокойно приближается наш пленник в костюме доктора Миллера, очевидно, похищенном ночью. Он не боялся огня. И был сложен, точно Адонис.

Но доктор все же выстрелил в него. Тот взглянул на нас, ничего не понимая. Потом бросился бежать в джунгли. Я выбила пистолет из рук Миллера.

— Убийца!— крикнула я и бросилась вслед за бароном.

Я бежала за ним в джунгли, впервые в жизни бежала за мужчиной. Страх у меня исчез. Вдруг мне пришло в голову: вот это партия! Где я еще найду такого красавца и силача да к тому же аристократа? На бегу я сорвала с лица сетку, совсем забыв про це-це. Я должна понравиться ему!

Он стоял на ветке, совсем низко. Мгновение мы смотрели друг на друга. Мне захотелось ему что-нибудь сказать.

— Вернитесь! Произошла ошибка! Мы все благодарны вам...— прошептала я.

Он засмеялся. Я могла бы поклясться в этом. Голос у него был низкий и смех прекрасный. Потом он прыгнул ко мне, перекинул меня через плечо. Закрыв глаза, я в страхе вцепилась в него и только временами посматривала вниз. Мы перелетали с дерева на дерево, с ветки на ветку, как будто у моего похитителя

выросли крылья. Только теперь я поняла, что наделала. Кто знает, куда он унесет меня. Но было уже поздно. В конце концов я почувствовала под ногами что-то прочное и отважилась открыть глаза.

Мы стояли на вершине высокого дерева; площадка, где мы находились, была огорожена чем-то вроде перил. На расстоянии протянутой руки росли бананы, кокосовые орехи и орхидеи, внизу блестело озеро, а вокруг вились стаи колибри, пестрых птичек,—одни побольше, другие поменьше, а самые крохотные были величиной со шмеля. Синее небо раскинулось над нами, а прямо перед глазами над кронами деревьев вздымался высокий хребет, вершины которого покрывал вечный снег. Всюду была тишина и покой. Я посмотрела на барона.

— Прежде всего придется его побрить,— сказала я себе.

Обезьяний ад

Казалось, сбылось все, о чем только можно было мечтать. У меня был красавец-муж, аристократ, и мы с ним жили в раю, в буквальном смысле слова. Конечно, я и раньше знала, что обезьяны устраивают гнезда в кронах деревьев. Но у нас было не обезьянье гнездо. Отнюдь нет. Барон — я все еще не придумала для него имени — принес туда уйму вещей из покинутого отцовского лагеря. В первую очередь два длинных штыка от немецких военных винтовок, заменивших ему настоящие клыки здесь, где все звери пускают в ход зубы. Было там также

несколько книг с картинками, которые барон Хоппе взял с собой в дорогу для сына. С них-то мы и начали. Он постепенно вспоминал человеческую речь, восстанавливая представления об основных вещах. Таким образом в промежутках между любовью и поглощением тропических лакомств я стала учительницей и одновременно миссионеркой. Ведь мечта каждой женщины — воспитать мужа по-своему. Здесь мне представилась такая возможность. Этот человек мог стать для меня надежной защитой, и я уже ничего в жизни не буду бояться, никогда не почувствую себя одинокой, преследуемой, гонимой.

Но наш покой нарушили обезьяны, которых туземцы называют «чипензо», то есть копатели корней. Они приходили сначала поодиночке, потом парами. Усаживались на соседние деревья и наблюдали за мной. Потом начали что-то кричать барону, и я покрикивала на него, используя те несколько слов, которым его научила. Он, бедняга, не знал, кого и слушать.

Особенно противной была одна самка. Она бросила в меня камнем, как уличный мальчишка. Барон хотел вступить за меня, но я ему не разрешила. Нет, не из трусости, просто ему следовало внушить, что он человек, аристократ, который должен обладать чувством собственного достоинства и не может драться с какой-то обезьяной. Кстати, это была самая безобразная обезьяна, какую мне когда-либо приходилось видеть. Не понимаю, как она могла ему когда-то нравиться.

Остальные обезьяны пришли сюда не из ревности: по-видимому, они просто жили на

ближайших деревьях. По несколько раз в день они собирались вокруг большого дерева неподалеку от озера, били себя в грудь, колотили по дуплистым стволам, подымали оглушительный шум и отвратительно пахли. В общем основательно испакостили мой рай.

Барон мне все объяснил. На этих сборищах они похваляются своей силой и талантами, хвастают подвигами, которых никогда не совершали, и угрожают своим врагам — еще более крупным, но склонным к одиночеству обезьянам «нсику». Обе стаи с давних пор враждуют из-за этой рощи, хотя ее плодов с избытком хватило бы на то, чтобы прокормить еще десять таких жестай. Но они злорадны и жестоки и ничем не хотят поступиться.

Я присутствовала при их сражении. Они кусали и колотили друг друга просто из желания подраться. Дело было вовсе не в бананах или других плодах, которые они срывали и бросали в грязь или уничтожали. Обезьяны кусались, вырывая друг у друга клочья шерсти, ломая конечности, и кровь ручьем стекала в блестящее озеро. Тут-то мой барон потерял самообладание. Он опустился на четвереньки и стал кричать по-обезьяньи. Но они не обращали на него внимания. Тогда он расплакался. Да, уткнулся мне в колени и всхлипывал, как обманутый ребенок. Мне это было на руку. За несколько дней до того я обнаружила в маленьком кожаном катехизисе, который барон принес мне в гнездо, несколько случайно сохранившихся там стофунтовых банкнот — сумму, которой вполне хватит на дорогу домой и на несколько месяцев спокойной жизни.

— Тебе не место среди них,— улыбаясь, спокойно сказала я, глядя ему прямо в глаза.— Ты человек.

Он выпрямился.

— Люди никогда не дерутся из-за пищи,— убеждала я его.

Он не мог себе этого представить. Потом, когда мы уже ехали на пассажирском пароходе к Саутгемптону, он целыми днями просиживал в ресторане, наблюдая за тем, как едят пассажиры — нисколько не торопясь, не пытаясь отобрать что-нибудь у соседа, не бросая друг в друга котлетами или фруктами, не колотя и не отталкивая других от стола, как это делали обитатели джунглей. И это его очаровало.

А пассажиры были очарованы им. Я не пожалела денег, чтобы прекрасно одеть его у первого же торговца на реке Нелле. А как только мы прибыли в порт, заказала ему смокинг. Он выглядел в нем изумительно. Как киноактер. Все женщины оборачивались ему вслед и завидовали мне. Право же, на него смотрели больше, чем на меня. А я об этом мечтала всю жизнь.

В Лондоне нас окружили журналисты, мы стали сенсацией дня.

«Новый Тарзан...»

«Последний Тарзан...»

«Новые приключения в джунглях...»

Наши фотографии печатались на первых страницах газет. Моя мать была счастлива. Она больше не сердилась на то, что я уехала за границу без ее разрешения. Ведь о лучшей партии я и мечтать не могла. Он беспрекослов-

но слушался меня. И беспрестанно всему удивлялся.

В германском посольстве меня не приняли. Что ж, я получила нужные сведения в другом месте. Всем имуществом семьи Хоппе — а оно оценивалось во много миллионов — владеет сейчас пасынок покойного барона. Спустя неделю мы уже отправились в Гамбург.

Там нас никто не встретил. Ни один репортер не явился на пристань. Но зато два неприметных господина не спускали с нас глаз до самого отеля. Это было время, когда нацизм в Германии достиг расцвета. По улицам ходили толпы мужчин в коричневых рубашках, на стенах висели огромные портреты фюрера, даже в отеле нас приветствовали, подняв правую руку. Все это удивляло барона. Таких порядков в Англии он не видел.

Его брат принял нас лишь после длительных телефонных переговоров, только после того, как я пригрозила ему общественным скандалом и судом. Он сидел в кресле, прикрыв ноги большим клетчатым шотландским пледом. Нам говорили, что он на два года моложе Тарзана, но выглядел он, как дедушка. И это было, собственно, его основным аргументом:

— Вы уверяете, что это мой сводный брат? Вольфганг? Вздор! Он погиб много лет назад в Африке вместе с отцом. У меня есть соответствующее постановление суда. Не станете же вы утверждать, что этот господин — член нашей семьи?

Он ехидно рассмеялся и указал на висевшие на стене портреты своих предков.

— Размягчение костей — наследственная болезнь рода фон Хоппе, по ней можно узнать его членов скорее, чем по сходству черт лица. И вы станете утверждать, что этот господин,— он брезгливо посмотрел на мускулы Тарзана,— страдает размягчением костей? Да тут и спорить не о чем. Видимо, в его руки случайно попали реликвии, оставшиеся после моего отца. Надеюсь, что вы мне их вернете, так как в качестве законного наследника я имею на них право.

Он, пожалуй, будет еще претендовать на те несколько сот фунтов стерлингов, которые я нашла в катехизисе. Мой барон ничего не отвечал. Только улыбался. Озираясь, с каким-то отсутствующим видом, он вдруг поднялся и подошел к стене. Стал ее ощупывать.

— Что находится за этой стеной?— спросила я.

— Ничего,— встревожился его брат,— решительно ничего.

И только проводивший нас до выхода слуга рассказал, что когда-то там была спальня старого господина. Дверь в нее замуровали. По-видимому, у моего возлюбленного воскресли какие-то воспоминания детства. Но никакой суд не примет их во внимание. Пусть я убеждена, что он настоящий наследник, но ведь дело не во мне. Я попыталась объяснить барону, что его хотят обокрасть, лишит законных прав. Он не понял меня. Мои слова не доходили до него. В отеле я пошла покупать газеты, а он поторопился к лифту, в котором любил по несколько раз в день спускаться и подымать-

ся. В газетах было опубликовано сенсационное сообщение:

«В бывшей немецкой колонии в Африке найдена нефть!!!» Под заголовком было напечатано расплывчатое изображение доктора Миллера, который, улыбаясь, показывал черную от нефти руку.

Я догадывалась, что планы сэра Уэзерола не сводились к ловле обезьян. По-видимому, знал это и доктор Миллер. И сейчас осуществил эти планы. И зачем только я сбежала из экспедиции? Была бы теперь богатой. Поставила не на ту карту. В этот вечер я впервые была неласкова с Тарзаном. Мне надоело объяснять ему все, как маленькому ребенку. Его бесконечные «почему» приводили меня в отчаяние. Что толку от того, что он прирожденный аристократ, если ни один суд не признает этого? Что толку от того, что он красавец, если у него ум пятилетнего ребенка?

— Почему ты сердишься на меня?— спросил он в конце концов.

Я еще не объясняла ему, что люди могут лгать. И сейчас предпочла уйти прогуляться. Мне хотелось хоть немного побыть одной. Видимо, одиночество скоро станет моим уделом. Я купила несколько немецких газет. Там писали, что еще задолго до англичан эту нефть открыл барон Хоппе, который вместе со своей экспедицией погиб перед первой мировой войной и, если уж этот район теперь не принадлежит Германии, то он, во всяком случае, является по закону собственностью семьи Хоппе. Новости были чрезвычайно интересны.

Я вернулась в отель, но барона там не застала. Мне сказали, что за ним приехал лимужин с государственным гербом. Но куда его увезли? Этого никто не знал. Я побежала жаловаться в английское консульство. Но о каких жалобах могла идти речь, раз с самого начала мы выдавали моего друга за германского подданного? Английский консул ничем не мог мне помочь, самое большее — пригласил бы поужинать. Но узнав, в чем дело, услышав, что нацисты могут использовать барона, чтобы нанести ущерб английским имущественным интересам в Африке, сразу посерьезнел.

Вечером ко мне в отель пришел какой-то похожий на боксера человек лет сорока с повязкой на глазу, в коричневой рубашке — крупный деятель штурмовиков и еще более крупный сотрудник английской разведки. Сказал, что отведет меня к Тарзану — так его теперь все звали.

По пути я заметила, что всюду расклеивают плакаты, призывающие на митинг по поводу немецкой Африки, где выступит барон Хоппе, недавно вернувшийся из путешествия в эти края. Я начала понимать, что происходит: враждующие державы хотят использовать его в своей борьбе.

— Мы должны помешать им, — злобно сказал мужчина с повязкой на глазу, приветствуя встречных вытянутой правой рукой. — Должны их уничтожить! Хайль! — рявкнул он проходившей мимо толпе своих единомышленников и добавил, обращаясь ко мне: — Свиньи!

По-английски он говорил так же хорошо, как и по-немецки. Я никогда не видела более

странного человека. И верила ему безусловно. Недавно мне сказали, что этот человек работал, собственно, против англичан. А быть может, он уже и сам не знал, на кого работает.

Мой спутник доставил меня в отель. Через час я уже сидела с бароном.

— Не будешь же ты помогать немцам,— злобно сказала я. — Вернешься в Лондон.

Он не понимал.

— Послушай, в Африке нашли сокровище, в твоём обезьяньем раю. Оно принадлежит Англии, а не Германии. Из-за него начнется драка.

— Я думал, что у вас не бросают друг в друга ни котлетами, ни бананами...— задумчиво произнес он.

— Нет. У нас для этого есть бомбы, гранаты и газы...— Он недоумевающе, с идиотским выражением смотрел на меня.

Я с удовольствием надавала бы ему пощечин. А он только качал головой, словно не веря. Ясно — его уже подкупили, подумала я. И он будет против меня, против нас. И тут ничего не поделаешь. Придется снова работать среди ненавидящих меня людей. Мой сон кончился.

— Предатель!— крикнула я ему в лицо. — Трус, не хочу тебя больше видеть...

Он растерянно смотрел на меня, почти так же, как на ту самку «чипензо».

Вечером он выступал в большом зале, переполненном до отказа. Там можно было увидеть любые мундиры, когда-либо существовавшие в Германии. Все началось с песен. Потом на трибуну полез один поджигатель за

другим. Они похвалялись силой и талантами, хвастали подвигами, которых никогда не совершали, приписывали себе несуществующие заслуги, били кулаками в грудь и прыгали вокруг микрофона. Толпа ревела, шум стоял оглушительный. Наконец пришла очередь барона.

Еще не потеряв надежды, я продолжала стоять на галерее: мне хотелось его услышать. Может, он все-таки испугался моих угроз? Может, он все еще любит меня?

— Люди не должны драться, как обезьяны,— сказал он.— Договоритесь, разделите блага. Обезьяний рай может прокормить всех...

Его освистали, хотели вышвырнуть из зала, но драться он умел. Тут ему пригодился опыт, приобретенный в джунглях. Он размахивал штативом микрофона, как дубинкой. Штурмовики десятками падали вокруг него. Наконец, окровавленный, в разорванной одежде, он выскочил через окно и помчался по крышам. За ним гнались, но ему удалось скрыться.

Я потеряла его из виду. Ни мой знакомый с повязкой на глазу, ни его подчиненные не смогли разыскать его. Словно сквозь землю провалился. Поскольку теперь прямой наследник барона Хоппе исчез, а никому другому эту землю не отдавали, ее купила английская компания. Спор угас так же быстро, как и вспыхнул. Я вернулась в Англию, в ателье мод, где теперь демонстрирую белье для супруг толстых миллионеров. Миллионеры бегают за мной в раздевалку и предлагают все что угодно. Подумать только, я могла быть женой барона, владеть всем его имуществом и жить в Швейцарии!

Я не верила тому, что он убит, надеялась когда-нибудь встретиться с ним и жила этой надеждой.

Прошло около года, и до меня дошли сведения об обезьяне в цирке Кнолля. Я поехала посмотреть на нее. Нетрудно найти человека, который согласится подвезти меня на своей машине.

Оказалось, что это барон. Это был, несомненно, он, я сразу узнала его, когда он выполнял свой номер, а потом увидела его и в клетке. Но когда я попыталась приблизиться к нему, он укусил меня, как настоящий шимпанзе. Продать его Кнолля не захотел. Я пригласила двух антропологов, чтобы они подтвердили, что это человек. Но одному из них он свернул нижнюю челюсть, а второму ударом кулака повредил позвоночник. Он становился опасным, и пришлось его связать. Мне оставалось только вернуться домой и время от времени посылать владельцу цирка деньги для того, чтобы моего жениха лучше кормили.

— Если вы сможете ему помочь,— закончила свое повествование Джина Джонс,— я буду вам очень благодарна. Я уверена, что вы захотите сделать это: ведь вы наверняка уже влюбились в меня. Цирк Кнолля проведет зиму в Находе. Вот мой адрес. Напишите, как только узнаете что-нибудь новое. Не забывайте, что на карту поставлены миллионы, которые можно будет получить, как только мы докажем, что он человек.

Был поздний вечер. В машине Джину поджидал лысый толстяк лет пятидесяти. Недру-

желюбно взглянув на меня, он улыбнулся ей и сказал:

— Ужинать мы будем в Дрездене с моими друзьями-коммерсантами, дарлинг.— Видимо, возил ее в качестве живой рекламы.

Машина тронулась. Я остался один, с визитной карточкой в руке. Все было слишком странно, чтобы верить этому. В ту ночь я так и не смог уснуть.

Смерть Тарзана

«Он хочет быть обезьяной, хочет быть шимпанзе и делает это так хорошо, что никто мне ничего не докажет...»— будто снова слышится мне насмешливый голос Кнолля.

Я беспокойно ходил из угла в угол по холодной комнате. Хоть бы немного кофе! Но почему он решил снова играть роль обезьяны? Его обидели люди? Тогда ему нужно было бы драться с ними: ведь в своем стаде, в джунглях, он дрался не раз. Наверное, молодому самцу всегда хочется попробовать, способен ли он возглавить стадо. Почему же от людей он ждал чего-то другого? Среди обезьян он, конечно, чувствовал себя одиноким. И захотел уйти из джунглей. Он проделал путь от неандертальца до цивилизованного человека в течение нескольких недель. Но зачем? К чему он стремился? Какова сущность человеческого бытия? Чем мы отличаемся от обезьяны? Я могу перечислить все антропологические признаки, но, должно быть, отличие в чем-то другом. Я вспоминал психологию и философию, которые не изучают на факультетах естественных наук.

Может быть, ему нужна была религия, чтобы избавиться от страха смерти? Может, он хотел познать своего бога? Или тосковал по труду? Я снова и снова вспоминал о его драке с обезьянами. Почему она вызвала у Тарзана такое отвращение, почему он тогда расплакался в присутствии Джины? Ведь эти драки были проявлением эгоизма! А он, может, мечтал встретить неэгоистическое существо, возможно, мечтал о любви?

Конечно! Ведь кроме любви, ничем нельзя бороться с проклятием одиночества и чувством покинутости. Джина бросила его из-за неудавшейся тяжбы. А теперь, когда он, собственно, решился на самоубийство, когда он заживо похоронил себя в обезьяньей клетке, теперь она снова ездит к нему, — но опять-таки ради его миллионов, ради титула и приятной жизни. Опять как эгоистка. Так его не спасти.

Мне уже не было холодно. Я бегал по комнате как сумасшедший, будто призывал полный зал слушателей спасти этого Тарзана.

Ему нужно показать на примере, что такое человеческое милосердие или любовь: ведь у него не было случая познакомиться с ними. Только таким способом мы убедим его, что человек отличается от обезьяны, а не тем, что будем заковывать его в кандалы, как это делали в средние века. Тогда и Джина сможет выиграть процесс... Тут я понял, что не должен о ней думать. Конечно, необходимо его убедить, что для нас важен он сам. Мы откажемся от его имущества, я откажусь от этой красивой женщины, потому что хочу ему помочь. И, кроме того, я должен любить его.

Да, теперь моя обязанность горячо любить это странное существо из цирка Кнолля.

На следующий день я поехал в Наход. Там мне с удовольствием продали Тарзана. Вскоре я понял почему. Цирк обанкротился. Служащие разбежались, артисты ходили подрабатывать на стройку. Тарзан лежал в горячке в своей клетке, уже без памяти. Продали его дешево.

Я отвез его в больницу. В приемном покое никто не усомнился в том, что Тарзан — человек. Это само собой разумелось. Я сказал, что фамилия его Барон, что он бродячий артист. Вольфганг Барон.

Вольфганг лежал в нашей городской больнице несколько недель. Каждую свободную минуту я проводил с ним, рассказывал ему о людях. Мне не хотелось переубеждать его ни в чем. Я только брал его за руку и уговаривал, что если он выздоровеет, то узнает все о своем высоком происхождении, что мы поможем ему найти то, ради чего он ушел из джунглей. Сестры обращались с ним ласково. Конечно, он уже не был тем красивым мужчиной, о котором рассказывала Джина, но тем не менее казался интересным. О нем заботились решительно все. Обезьяны бросают своих больных, по крайней мере я так думаю. Ухаживать за чужими больными — одна из особенностей человека.

Казалось, что на Тарзана это повлияло. Наконец, я заговорил о нем самом. Рассказал, что Джина все еще любит его, что ждет его, что он снова может вернуться к людям, ничего не потеряно. И вот через несколько недель он встал

с постели, начал опять держаться прямо, как тогда, когда бежал из джунглей. Меня вызвал главный врач.

— Воспаление легких прошло, но туберкулез неизлечим. Мне кажется, у этого человека нет никакой сопротивляемости. Такие случаи встречаются только у жителей тропиков. Болезнь прогрессирует, и, к сожалению, нет никакой возможности остановить процесс.

Я вспомнил, что действительно почти все обезьяны, особенно взрослые, которых привозили в Европу, через несколько лет заболевали чахоткой. Но проблема, стоящая передо мной, не может зависеть от бактерий. Если я ее решу, то выиграю. Если мне удастся убедить его, то какая разница — скоро он умрет или нет, важно, что он умрет счастливым и не одиноким.

Я пристроил его работать дворником в наш зоосад. Достал ему фуражку и большую метлу, и он целыми днями подметал тротуары. Но для вышестоящих инстанций он числился обезьяной. Кто бы это позволил мне купить человека? Как человек он не имел бы права на несколько бананов и кило моркови, которые получали наши обезьяны за счет государства. Тогда была безработица и дворники не могли и мечтать о бананах.

Впрочем, я надеялся, что недолго ему ходить в дворниках. Я послал в Лондон телеграмму Джонс и ждал ее с минуты на минуту.

Наконец пришел ответ. Джина приглашала нас с Тарзаном в Прагу, в международный отель. Я был в восторге. Директор нашего музея давно что-то подозревал, но, к счастью, он никогда не требовал отчета, так что сего сто-

роны нам не грозило никакой опасности. Но я боялся Гильды, которая все еще с подозрением относилась ко мне и Джине. Хотя Гильда стала встречаться с новым практикантом, но я знал, что она только и ждала случая, чтобы мне отомстить.

Всю дорогу до Праги мы молчали. Тарзан вел себя, как обычный человек. В одежде простого служащего он ничем не отличался от других пассажиров, но все еще не решался сказать хоть слово. Я надеялся, что его прорвет, когда он увидит свою любимую. Я дал ему одеколон и по приезде, тут же на вокзале, сводил к парикмахеру, чтобы он произвел на нее самое лучшее впечатление. У меня было чувство, будто я везу на свадьбу родного брата.

Но в отеле нас ждала не Джина. Вместо нее нас приветствовал известный пражский адвокат Леви-Неханский.

— Мадемуазель Джина Джонс не смогла приехать по важным причинам. Но она дала мне доверенность на ведение дела о возвращении имущества господину барону и об установлении его гражданства. Ну, скажем, швейцарского...

Тарзан забеспокоился.

— Это все напрасно,— спокойно улыбнулся я.— Вольфганг не будет заниматься тяжбой, с него достаточно процессов. Его не интересует имущество.

— Как же так?—удивился адвокат и положил бумаги на стол.

Тарзан горько усмехнулся. Значит, я был прав. Он не хотел с ними разговаривать только

потому, что чувство собственности вызывало у него отвращение. Я дружески взял его за руку:

— Господин барон жертвует свое состояние на благотворительные цели. Оно не интересует его.

— В таком случае мою клиентку не интересует господин барон,— вежливо поклонился адвокат Леви-Неханский. — У нее есть сотни других прекрасных возможностей вступить в брак,— он многозначительно посмотрел на потертый пиджак моего питомца.

На обратном пути мы уже не молчали. Я уверял Тарзана, что все это какая-то ошибка, что ничего не потеряно, что Джина мне говорила, как она его любит, что адвокаты вообще порядочные сволочи, хуже, чем гиены, пожирающие падаль в джунглях. Но я не мог скрыть собственного беспокойства. И выдал себя, сказав о том, что теперь ему придется на некоторое время переселиться в клетку, совсем ненадолго, пока я не выясню, что произошло. Нужно опять играть роль обезьяны, иначе у меня будет много неприятностей, могут уволить с работы. Надеюсь, ему понятно, что все это делается только для его же пользы. Если бы вместо меня был другой практикант, Тарзану пришлось бы до самой смерти сидеть в клетке. Поэтому, мол, я прошу понять мое положение, которое так неожиданно осложнилось тем, что я поверил дурацким бредням какой-то лондонской красавицы. Проговорился! Он понял, что и я не верю Джине.

В ту же ночь он повесился в своей клетке и тем самым доказал, что он человек. Как изве-

стно, животные не кончают жизнь самоубийством.

Как я и опасался, Гильда и новый практикант все пронюхали. Меня уволили.

— Вот что получается, когда берешь на работу чехов, — упрекнул меня директор на прощанье. Он, между прочим, примкнул к генлейновцам *. — Вы или никудышный антрополог, или мошенник. Это покажет суд. Наш прекрасный город больше не нуждается в ваших услугах.

Я уезжал неохотно. Здесь среди коллег немцев было немало моих знакомых, и у меня стало создаваться впечатление, что кто-то снова подготавливает «обезьяний» процесс. К тому же меня замучила совесть. Ведь и я тоже виноват в смерти Тарзана. В решающий момент начал думать о себе и не сумел полюбить его. Сам не выдержал испытания. Меня охватила тоска по Тарзану. Теперь я возвращаюсь к своему одиночеству, так же как вернулась к одиночеству и Джина. Но по крайней мере теперь мне известно, в чем спасение. И я буду искать его вокруг себя и в себе хотя бы всю жизнь. Хочу найти его. Поезд тронулся.

Я тоже решил стать человеком.

* Генлейновцы — немецко-фашистская организация в 30-х годах в Судетской области Чехословакии.

ТАБУ

Я эгоист. Никогда этого не отрицал и не спору, когда меня в этом упрекают. Я даже очень большой эгоист и думаю только о себе. Ведь лишь благодаря своему эгоизму я смог распрощаться с окраинами Чикаго, где до сих пор прозябают мои родители, а братья работают на строительстве подсобными рабочими. Только думая о себе, я окончил университет и получил ученое звание.

Но специальность я выбрал неудачно. После второй мировой войны, когда угроза новой бойни нисколько не уменьшилась и стало очевидным, что от участия в боях избавлены только работники санитарной службы, молодые люди толпами бросились изучать медицину. Конечно, и материальные соображения играли роль. В результате развелось так много врачей, что гонорары начали снижаться; а в Корее потери среди медиков были особенно большими, потому что врачам приходилось работать на передовых позициях. Но я знал об этом только по рассказам. К счастью, в Корее я не был. И, к несчастью, зарабатывать деньги не умел.

Я очень обрадовался, когда получил место в городском родильном доме. Вскоре после моего поступления главный врач стал доверять мне тяжелые операции. Меня заинтересовали гинекологические заболевания и уродства. В городе я не приобрел ни единого друга и лишь стремился как можно скорее завоевать популярность. Через год я уже мог делать кесарево сечение с завязанными глазами. А при внематочной беременности оперировал так же быстро, как и главный врач. Я мог бы и еще быстрее, но не хотел вызывать его недовольства. Правда, однажды не удержался и попал в немилость. И вскоре мне пришлось уйти. Во всем была виновата медицинская сестра. Она походила на ангела, которому я молился в детстве. Но, видимо, мой главный врач тоже когда-то отличался религиозностью. Кроме того, у него была собственная машина. И все-таки я оказался проворнее его. И у операционного стола, и в жизни... Через три месяца нас выгнали обоих. На этот раз эгоизм сослужил мне плохую службу.

Ничего другого не оставалось. Пришлось принять предложение работать в больнице для туземцев. Всю дорогу мы с женой радовались экзотической природе и красоте местных жителей. А вышло так, что ни на шаг не отходили от больницы. Акушерское отделение оказалось в ужасном состоянии — пришлось работать дни и ночи. Да и ходить там некуда. Единственный в той местности город отстоял от нашей больницы на восемьдесят километров. А в нем всего одна улица и вокзал, соединяющий нас с внешним миром. Лишь в исключи-

тельных случаях мы ездим туда в единственный кинотеатр или в отель. Но это очень редко. Все стремятся побольше заработать и экономят: никому не хочется здесь оставаться. А пока что мы погружены в работу: лечим туземцев, не зная их языка, практикуемся на живом материале. И каждый из нас жаждет сделать какое-нибудь интересное открытие, которое привлекло бы внимание к его особе.

Я уже полагал, что нашел для себя что-то подходящее. Очень скоро выяснилось, что у здешних рожениц большой процент отклонений от нормы. Гораздо больший, чем в других местностях. Дети рождаются недоношенными. И с каждым месяцем все чаще. Я описал те случаи, которые наблюдал, и послал свою статью в столицу. Ответ долго не приходил, несмотря на мои напоминания. А между тем мне было хорошо известно, что профессор К., лекции которого я усердно посещал, очень интересовался уродствами. У него я видел всяких монстров: ребенка без головы, с головной водянкой, с опухольями, большими, чем весь плод, сросшихся близнецов, увеличенный и мацерированный плод — все это редкие случаи, которые стали здесь обычными. Фотографии их я ему послал. Мне даже удалось уговорить жену, что ей не нужен новый костюм, и на эти деньги отправиться в столичную клинику. Я поставил на карту свое имя, свое будущее. Ведь это сенсационное открытие! Но профессор К. накричал на меня. Его, мол, давно не интересуют аномалии. Он не желает нарушать из-за них свой покой. Теперь он работает над обезболиванием родов. И мне сове-

тует заняться тем же. Он почти выгнал меня из своей квартиры, сверкавшей новизной и роскошью. А всего несколько лет назад он принципиально пользовался газетами вместо носков и жил на чердаке.

В редакции сначала вообще не хотели вернуть статью. На меня накинута какой-то секретаришка, так что у него пенсне подсакивало на носу. Неужели я вообразил, что такой серьезный научный журнал станет печатать любое сообщение о совершенно непроверенных фактах. Если я свою работу как следует углублю, приведу источники и даты, статистические материалы и цитаты из трудов специалистов, дам теоретическое объяснение, то через год-другой, при наличии авторитетных отзывов, можно будет поговорить и о публикации. Я вырвал рукопись из рук этого болтуна.

Тем временем мою жену посетили два господина и чрезвычайно вежливо спросили, правда ли, что ее дядюшка был арестован за мошенничество и почему она не сообщила об этом при поступлении в больницу. Жена ответила, что просто ее никто ни о чем таком не спрашивал. Господа высоко подняли брови, попрощались и ушли. Но Мария расстроилась. После моего возвращения у нее не осталось денег на костюм, а я не прославился. Рукопись и фотографии лежали в портфеле на моем столе. День был необычайно душный. Вентилятор на потолке не работал. Уж не помню, кто из нас двоих пообещал позаботиться о его ремонте. Мы поссорились. Это была наша первая ссора.

На следующий день меня вызвали к управляющему. Он был первым лицом в больнице и до того едва отвечал на мой поклон. Стоя в ожидании у двери его роскошного кабинета, я чувствовал себя неважно. Обе секретарши не хотели сказать, в чем дело, и мрачно отвечали на мои шутки.

Но управляющий хохотал во всю глотку. Он усадил меня в кресло, предложил сигару (он курил сигары потому, что боялся рака легких, который, по его мнению, вызывается обугливанием сигаретной бумаги). И заговорил. Это был поток комплиментов. Он, мол, вообще не знал, какой замечательный специалист работает в его больнице, поражен моей скромностью и немного обижен, что свои научные работы я не показываю в первую очередь ему. Неужели я воображаю, что рентгенолог неспособен понять интересные проблемы акушерства? Его интересует все. И предложил напечатать мою статью в местном журнале. Конечно, в сокращенном виде и со своими комментариями. Он, мол, хочет подкрепить этой работой собственную теорию вырождения туземцев. Даже предложил мне в свободное время пользоваться его автомобилем. Я поблагодарил.

И вот я уже в машине управляющего поджидаю жену у лаборатории, где она работает. Ждать пришлось долго. Все это время я думал над причинами такого быстрого вырождения этих бедняг. Ведь число аномалий растет с каждым месяцем! Просто невероятно...

Мы с женой поехали за город на нашу первую прогулку и быстро помирились: сердиться

она не умеет. Жена призналась, что местность ей не нравится. С самого приезда она чувствует себя какой-то усталой и грустной, ей плохо, все окружающее гнетет ее. Унылый край. Я огляделся. Правда, во время работы я тоже сильно уставал, но объяснял это переменой климата. Да и что за разговор об унынии? Когда мы ехали сюда, все нам завидовали. Путешественники рассказывали, что здесь рай земной. Вскоре мы приумолкли. Неудачная получилась прогулка. Мы встретили нескольких животных, но они даже не убежали от нас, не знаю отчего — то ли были очень кроткими, то ли замученными.

Наконец мы остановились в одной деревне. Я хотел заpastись там бензином, но нигде не нашел колонки. Перед одним из домов играл маленький щенок. У меня мелькнула мысль: может, Марии будет с ним веселее? Я решил купить этого щенка. Он был какой-то смешанной породы — с длинными ушами и коротенькими ножками. Милое создание. Но его владельцы и слышать не хотели о продаже.

— Почему? Разве он какой-нибудь редкой породы? — спросил я.

— Каждый щенок здесь в диковинку, — грустно ответил туземец и махнул рукой в сторону деревни.

Я был потрясен. Неужели здесь и собаки вырождаются? На обратном пути я все время молчал, хотя жена немного развеселилась.

Потом мы встретили вереницу грузовиков. Я остановился у последнего. Хотел попросить бензину. Там были солдаты в особой белой

форме, какой я никогда раньше не видел. И ни один из них не улыбался.

— Куда вы едете? — спросил я. Но они сделали вид, будто не понимают. Лишь один посмотрел на меня с кислой, почти насмешливой улыбкой и ответил:

— По грибы!

И тут же кто-то прикрикнул на него. Они везли странные предметы, покрытые брезентом, разные на каждой машине. Нечто, напоминавшее колоссальный, устремленный к небу указательный палец, длинные лестницы, какие-то странные сосуды, похожие на огромные детские строительные кубики. Машин было несколько десятков. Пришлось довольно долго ехать, чтоб их обогнать.

— Что он имел в виду? — с тревогой спросила жена. Но я не стал пугать ее понапрасну. Было совершенно очевидно, какие грибы он имел в виду. Взрывы. Я оглянулся. Колонна осталась позади, она медленно ползла по долине, как огромная серо-зеленая ядовитая сороконожка. Первое ядовитое насекомое, встреченное мною в этой стране.

Хлынул дождь. Когда мы подъехали к дому, я не хотел выпускать жену из машины. Она настаивала. Ей, мол, необходимо готовить ужин, убирать квартиру, послушать телевизионную передачу. Мы едва не поссорились. Не мог же я выпустить ее во время этого смертоносного дождя. И вдруг она начала целовать меня, по-своему объяснив мое упорство. Правда, в тот момент я не думал о поцелуях, но моя жена очень красива, и мы все еще влюблены, словно неженаты. Мы оставались

в машине, хотя дождь уже давно прекратился.

В больнице меня не ждали. Обычно роды принимали ассистенты. Нельзя же было к каждой роженице вставать мне самому, я никогда бы не высыпался. Да при нормальных родах врач и не нужен, необходимо лишь некоторое наблюдение. Многие тысячелетия человечество обходилось без акушеров. И в таких случаях я часто кажусь себе свидетелем поразительной мистерии. Свидетелем, который может не столько помочь, сколько что-нибудь испортить. Я пришел не из-за родов. Мне нужен был статистический справочник — регистрация родов за два последних года. Процент аномалий. Но книга так и не нашлась. Оказалось, что еще год назад ее забрала дирекция.

Странное дело, говорят, что чем культурнее народ, тем сильнее кричат женщины во время родов. Здесь население на очень низком уровне развития. Роженица уже почти перестала кричать. Я остался подле нее. Она так сжала мою руку, что мне стало страшно. Словно в моих силах было спасти ее. Я распорядился, чтобы ей дали кислород и сделали инъекцию для усиления схваток. Ибо в акушерстве иногда из милосердия усиливают боли.

Родился ребенок, у которого было лицо, но череп не развился. Через несколько минут после рождения он умер. Мать разрыдалась. Она тихо всхлипывала, стонала и причитала, а потом стала проклинать нас на своем языке.

Я побежал к управляющему. У него были посетители: важные офицеры и три старика — профессора физики, которые были мне знако-

мы по газетным фотографиям. Они заехали к нам по пути. Сначала я говорил медленно и обдуманно, потом быстрее, быстрее и, наконец, стал кричать. Совершенно испортил им вечер.

— До каких пор вы намерены скрывать эти аномалии? Вы сами выродки...

Они не дали мне договорить. Начали меня успокаивать. Никто, мол, до сих пор не доказал, что это следствие взрывов.

— Я докажу! Дайте мне сведения о количестве и силе взрывов, дайте мне статистику, и я докажу, что все опухоли, лейкомии...

И затем, если даже я прав, то испытания проводятся в высших интересах. А кто важнее — туземцы или человечество? Испытания проводятся в интересах обороны и защиты всего человечества, серьезно наставлял меня старый профессор в очках, такой старый, что, видимо, сам верил тому, что говорил. Он посвятил себя спасению человечества. А столь великая задача требует жертв. Он хочет сохранить мир.

— Ну этого-то вы достигнете! Ведь мертвые воевать не захотят. Да и умирающим трудно...

Я ушел. И, кажется, даже хлопнул дверью.

На улице меня остановили два вежливых господина. Спросили, помню ли я о своей супруге и о ее дядюшке. Известно ли мне, что он утаил доверенные ему деньги. Не прячет ли он их случайно у своего нового родственника?

— Нет! — возмущенно ответил я.

Они поблагодарили меня, обратив внимание на то, что я (в связи со следствием по делу этого дядюшки) должен быть готов ко всему. Даже к самому худшему. И вежливо попросились.

Дома меня поджидал управляющий. Он не сердится, хотя я испортил ему приятный вечер. Спасение человечества, над которым работают эти люди, — великое дело. И не все доросли до понимания этой задачи. Он предложил мне наилучшие условия в лучшей столичной больнице.

— За что?

За то, чтобы я перестал заниматься аномалиями. Я вспомнил профессора К. и его новую роскошную квартиру. И выбрал обезбоживание родов.

— Прекрасно, — согласился управляющий. — Можете завтра же уезжать.

Я расписался в том, что забуду обо всем.

А потом откупорил бутылку и начал пить бокал за бокалом. Я не знал, где пропадает моя жена, и сам принялся укладывать вещи. Их немного — всего два чемодана. У нас вообще почти не было имущества. Теперь все изменится. К чему заботиться о человечестве! Я эгоист и утверждал это всю жизнь. Пусть все подышают! Кто позаботился бы обо мне, если бы я умирал? Заранее известно — только плюнули бы. Да и как можно сопротивляться? Как?! Я настолько завишу от других, от общества... Ведь зажигая спичку, поворачивая выключатель, открывая консервы или надевая ботинки, я тем самым даю обет покорности обществу, прояв-

ляю свою зависимость от него, признаю свое рабство. Мы вынуждены быть колесиком, которое медленно вращается в этой машине. Может ли одно колесико изменить направление, в котором движется огромный танк? Мы движемся к пропасти, а скорость неуклонно нарастает.

Открываю дверь в спальню. Оказывается, моя жена никуда не уходила. Она как раз проснулась. На столике подле кровати лежит груда лимонов.

— Мне бы хотелось огурец. Или анчоус с луком...

— К чему тебе?

— К завтраку,— виновато ответила она.

Только акушер не догадывается, что означают такие прихоти у собственной жены. Только акушеру надо объяснять, почему едут в город к его коллеге для выяснения диагноза. Только акушеру надо прямо сказать:

— У нас будет ребенок.

Я обомлел. Вспомнил о дожде, о том, сколько времени мы уже живем в этих местах, обо всех аномалиях. Я не хочу иметь ребенка без головы! Не хочу мертворожденного! Даже когда-нибудь в будущем! Потому что я эгоист. Оттого и пишу эти строки. Потому что я даже очень большой эгоист и думаю только о себе.

Не удивляйтесь тому, что я не назвал местность и больницу, где все это произошло. Это может случиться где угодно. И очень скоро!

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ КАПИТАНА НЕМО

Собственно говоря, фамилия его была Пержинка. Лейтенант Пержинка работал на линии, связывавшей земные космодромы со Второй лунной базой непосредственно или с пересадкой на Космических станциях номер тридцать шесть и тридцать восемь. Это была такая однообразная работа, что уже тогда многие предлагали заменить живых людей на таких ракетах автопилотами, которые гораздо быстрее и точнее человека отмечают приближение метеорита или малейшую неисправность механизмов, а главное никогда не утомляются.

Но вот произошла известная авария на ракете-цистерне 272 БФ: она не сумела пристать к Космической базе номер шесть. Каждую минуту ракета могла взорваться, база погибла бы и связь между Землей и Луной нарушилась бы на несколько недель. Тогда бы остановились крупнейшие заводы на Земле, фактически полностью зависящие от дешевой и высококачественной лунной руды. Долго ли продержится без доставки продовольствия персонал

лунных баз? Много ли у них запасов? Сколько времени они будут отрезаны от Земли? Эти вопросы волновали решительно всех; ведь не было семьи, у которой на какой-нибудь из лунных баз не нашлось бы родственников. Главное управление астронавтики подвергли жестокой критике, и его председателю грозила отставка.

И вот тогда вдруг было опубликовано сообщение, что никому не известный лейтенант Пержинка, рискуя жизнью, причалил к потерпевшей аварию цистерне на почтовой «космической ванне-4» — так называли маленькую пузатую ракету, предназначенную для полетов на небольшие расстояния. Пержинка исправил управление ракеты-цистерны и привел ее на одну из лунных баз. Затем ему пришлось пролежать несколько недель в больнице, так как он совершил свой подвиг в легком тренировочном скафандре. После выписки его принял сам председатель Главного управления астронавтики и, поблагодарив за проявленный героизм, предложил новый пост.

Так лейтенант Пержинка стал капитаном Пержинкой, а затем капитаном Немо. Дело в том, что мировые телеграфные агентства всячески коверкали его чешскую фамилию. А после сообщения о том, что Пержинка будет командиром новой ракеты «Наутилус», которой предстояло раскрыть тайну Нептуна, его немедленно окрестили капитаном Немо, так как романы Жюль Верна в те времена были широко известны и популярны. Правда, агентство Рейтер предлагало другое прозвище, что-то вроде аристократического титула «кэптен Пер-

жинка оф Нептун», но этого предложения никто не поддержал.

Мировая общественность быстро привыкла к имени капитана Немо, который раскрыл тайну Нептуна, привез с Урана живые бактерии и во время большого землетрясения, точнее, планетотрясения на Юпитере не потерял присутствия духа. Какой бы неожиданный или несчастный случай ни произошел на просторах солнечной системы, где бы ни понадобилось рисковать жизнью — капитан Немо всегда был тут как тут. Он подобрал экипаж из подобных себе храбрецов, большей частью своих земляков из Скалиц, и стал идеалом всех мальчишек на Третьей планете, как некогда ученые называли нашу Землю.

Но развитие автоматике и технические усовершенствования на Земле все более сокращали возможности проявления героизма. Пержинке-Немо, ставшему командиром спасательных дружин, уже несколько лет не представлялось случая совершить подвиг. Приключения Немо и его экипажа служили темой для произведений многих литераторов, скульпторов и художников. А сам Немо обучал молодежь и потому часто менял место своего жительства, да и своих подруг. Женщины любили его. Он был красив, хорошо сложен, бороду и виски чуть посеребрила седина.

Но все знали, что в семейной жизни он не был счастлив. Собственно, потому-то он и стал героем. Во всяком случае, некий психолог, написавший научную работу «Заметки о связи между самоубийством и героизмом», в под-

тверждение своей теории ссылался на биографию капитана Немо.

«Если бы этот замечательный космонавт был счастлив в браке, — утверждал психолог, — если бы он женился не на уроженке города Жатца, края хмеля, а на девушке из Скалиц, вспоенной соком виноградной лозы, будь у нее не такой педантично научный склад мышления (жена Немо работала геологом) и немного больше воображения и, наконец, если бы их сын пошел в отца, капитан Немо оставался бы товарищем Пержинкой, сидел бы у домашнего очага, и мир не слышал бы о нем. Но вышло так, что он не очень дорожил жизнью, наоборот, словно стремился избавиться от нее. Сын его страдал врожденной близорукостью, с детства носил очки с толстыми стеклами и был музыкантом. Писал какие-то симфонии, которые никто никогда не исполнял, стол его был набит партитурами; кроме того, он иногда играл на арфе и в музыкальных кружках обучал любителей игре на этом всеми забытом инструменте. Сын героя — арфист! Это уж, во всяком случае, не могло вдохновлять капитана Немо. Вот он и искал счастья на стороне».

Его последним увлечением была юная негритянка, математик из университета в Тимбукту. Но все понимали, что и эта двадцатилетняя девушка не сумеет его надолго удержать. Немо славился своим непостоянством, бывшим в те времена относительно редким явлением, потому что люди вступали в брак по размышлении зрелом, после консультации с соответствующими специалистами, так

что у них были все основания рассчитывать на счастливую совместную жизнь. А специалисты, разумеется, всегда старались учитывать интересы влюбленных. Постепенно подвиги перестали быть чем-то вроде профессии, они превратились в события из ряда вон выходящие. Теперь героями начали считать инженеров, изобретавших новые машины или решавших новые проблемы. Больше не было нужды рисковать жизнью. И вот в этом мире, где капитан Немо неоднократно выступал в роли спасителя, он оказался не то иностранцем, не то музейным экспонатом, вызывавшим восхищение женщин, которые жаждали волнующих переживаний и еще не забыли, что любовь и деторождение — единственное, что мало изменилось с тех пор, как человек вышел из джунглей.

Пержинка и его экипаж получали любовные письма из самых отдаленных уголков не только земного шара, но и всей нашей солнечной системы. Разумеется, это не способствовало укреплению супружеских уз. Наоборот, Немо стремился к новым героическим полетам, чтобы, возвращаясь на Землю в ореоле славы, одерживать все новые и новые победы. Но так как надобность в героических путешествиях все равно отпала, негритянка из Тимбукту в конце концов размечталась о том, чтоб заполонить Немо, подобно тому как это ранее удалось уроженке Жатца. Но капитан Немо не поддавался. Это означало бы конец всех приключений, начало старческих немощей. Он не представлял себе, что делать со счастливым супружеством — пришлось бы снова расстро-

ить его, чтобы появилось основание для новых полетов, для риска жизнью, необходимого ему, как необходим пьянице повод для выпивки.

Немо знал биографии всех великих искателей приключений и создал свою теорию, по которой в противовес техническому прогрессу, создающему для человека тепличные условия существования, каждый мужчина должен развивать в себе воинственные наклонности, ему нужны приключения, чтобы сохранить способность к продолжению рода. Значит, рисковать жизнью в космосе или в любом другом месте совершенно необходимо для блага последующих поколений. Это была довольно своеобразная философия. Количество ее последователей все уменьшалось, да и аргументов у ее автора становилось все меньше — ведь в течение последних лет экипаж капитана Немо бездействовал. Ребята были недовольны и потому обрадовались, когда однажды ночью, как в старое доброе время, капитана по тревоге вызвали в министерство.

Пираты

— На этот раз, капитан, — торжественно начал министр, — речь идет о чрезвычайно загадочном и грозном явлении. Опасность угрожает не только Земле, но и самому Солнцу — источнику жизни всей нашей системы, всего окружающего...

Он кивнул своему заместителю по научной части, чтобы тот продолжил разговор. Немо со своим помощником сидели напротив за большим столом. Никого, кроме них; в прос-

торном кабинете не было. Заместитель министра подошел к карте звездного неба.

— Вначале мы сами этому не поверили. Однако сведения, которые я вам сообщу, совершенно достоверны. В прошлом году в один из университетов была представлена работа молодого ученого, исследовавшего условия появления новых звезд. Работа была тщательно аргументирована. Автор ее ссыался как на древнеегипетские карты звездного неба, составленные двадцать столетий назад, так и на новейшие наблюдения в созвездии Омега-Центавры и в туманности Андромеды. Он пришел к выводу, что Новые вспыхивают по какой-то определенной системе. Молодой ученый высказал предположение, что во Вселенной по неизвестной нам орбите движется нечто, то ли космический корабль, то ли планета, уничтожая отдельные звезды, встречающиеся на его пути. Любопытно, что с подобной гипотезой мы встречаемся и в античных источниках. Автор работы предполагает, что ближайшая цель этих космических пиратов — наша солнечная система. Поэтому вблизи Юпитера была срочно сооружена наблюдательная станция, чтобы следить за продвижением неизвестного небесного тела. Были получены некоторые сведения, и сегодня они расшифрованы... — заместитель министра взял длинную указку и подошел к карте звездного неба. Не в силах сдержаться, министр вскочил и воскликнул:

— Они приближаются к нам! Мы засекали их путь, — задыхаясь от волнения, он вытер носовым платком пот со лба. — Презренные

пираты!.. — И снова сел. Его возбуждение было вполне понятно.

— Если древнеегипетские данные верны, то неизвестное тело странствует по Вселенной уже около девятист тысяч лет, — продолжал заместитель министра. — Нам удалось рассчитать сложную трассу его полета. Тело обладает собственным источником энергии.

— Собственным источником? Значит, это ракета? — воскликнул молодой помощник капитана Немо.

— Оно в семь тысяч раз больше любой ракеты, какую мы сейчас можем сконструировать, — уточнил заместитель министра, — и поджигает звезды с огромного расстояния. Через год наше Солнце окажется в пределах его досягаемости. Выходит, через год они смогут взорвать нашу солнечную систему.

— Какие будут приказания? — деловито спросил Немо, вынимая блокнот, словно борьба с кораблями, в семь тысяч раз превосходящими наши ракеты, была для него повседневным делом.

— Приказания?! Не сходите с ума... — снова вскочил министр. — Не можем же мы приказывать вам сражаться с ними. Это все равно, что послать муравья против слона.

— А если муравей окажется хитрым? И у него будет достаточно кислорода? — усмехнулся Немо.

— Мы не успеем создать для вас какую-нибудь чудо-ракету, — продолжал министр.

— Придется предоставить вам военную ракету последнего образца, оснащенную атом-

ным оружием. Но ей уже больше ста лет, — сказал заместитель министра.

Молодой помощник капитана Немо нахмурился.

— Надеюсь, мы будем вооружены не луком и стрелами? — Немо любил остроты и славился тем, что мог рассказывать анекдоты в моменты величайшей опасности.

— Дело очень серьезное, капитан, — прервал его министр.

— Я понимаю. Вашим автопилотам оно не по плечу, — на таком расстоянии ими невозможно управлять, не так ли? Справиться с этим может только человек.

— Конечно, — мрачно подтвердил заместитель. — Поэтому ваш полет организуется на добровольных началах. О нем никто не должен знать, не стоит пугать людей — ведь еще очень мало поколений прожило, не зная страха войны. Мы сообщим о вашей экспедиции, только если вы потерпите неудачу.

— Если нам не удастся их обезвредить?

Министр объяснил капитану, что задача не в том, чтобы обезвредить неизвестных пиратов, а в том, чтобы договориться с ними; не следует, мол, наживать себе в космосе врагов. Но, зная героизм Немо и его благоразумие, он не хочет ничего предписывать ему заранее. Если пираты повернут вспять и удалятся от нашей солнечной системы, задача будет решена.

— О результатах, вероятно, мы должны вам сообщить? — спросил помощник.

— Ну, это вряд ли, — возразил Немо.

— Почему? — Помощнику только-только минуло двадцать лет. Остальные — министр, его заместитель и Немо — удивленно посмотрели на юношу.

— Милый мальчик, вы забываете о теории относительности. Вы полетите почти со скоростью света; через полгода, когда вы подойдете к этому неизвестному телу, здесь, на Земле, пройдет свыше тысячи лет.

— Тысячи лет?! — повторил помощник и подумал, что тысячу лет назад в Чехии правил Оттокар Пршемысл.

— Друзья мои, в эту экспедицию отправятся только добровольцы.

— Это будет замечательное приключение...

— Боюсь, что оно станет для нас последним, — заметил капитан Немо. Он встал, повоенному щелкнув каблуками, и предложил перейти к обсуждению деталей экспедиции.

— А что нам сказать дома? — спросил помощник.

— Не станете же вы пугать свои семьи разговорами о том, что через два года кто-то поожжет наше Солнце? Отправитесь, как в обычный рейс, а через месяц мы сообщим о вашей гибели. Уж не думаете ли вы, что близким будет легче, если они вас прождут до самой смерти? Даже ваши внуки не будут ничего знать о своем дедушке, а через тысячу лет о вас никто и не вспомнит.

— Если мы победим пиратов, — улыбнулся Немо. — В противном случае все мы скоро увидимся.

— Вы верите в загробную жизнь? — рассмеялся министр.

— У искателей приключений бывают всякие причуды, — ответил капитан. — Но если вас это интересует — нет, не верю. И люблю приключения именно потому, что при этом человек ставит на карту все.

— Какое тут приключение, — взволнованно перебил его помощник, — практически это верная смерть. Мы не можем уничтожить тело, которое за несколько десятков столетий подожгло с большого расстояния немало солнц. А если даже мы его и уничтожим, то вернемся в чужую страну, к людям, ничего не знающим о нас.

— Вы будете единственными из живущих теперь, кто увидит далекое будущее, — сказал министр.

— Конечно, полетят только добровольцы, — снова подчеркнул заместитель. — Если вы можете предложить иное решение проблемы, пожалуйста. Всемирный совет уже не один час ломает себе над всем этим голову...

— ...И вспомнил о нас. Это замечательно! — Капитан был польщен. — Теперь давайте перейдем к деталям. — Он подошел к заместителю министра с таким видом, с каким подходит начальник артиллерии к командующему наступлением.

Прощание

— И почему только людям не дают покоя?! — ворчала пани Пержинкова, укладывая мужнин чемодан. — Неужели не могли послать кого-нибудь помоложе? Я уже надеялась, что человека перестанут трогать, если ему под

пятьдесят. Мечтала, что хоть теперь, на старости лет, немного проживем спокойно. Можно было бы поселиться в горах, соседи собираются снять там домик, мы отдохнули бы...

— Отдохнем в могиле, — зевнул капитан, с самого возвращения домой лежавший на диване.

Перед каждой экспедицией он целые сутки валялся на диване и спал, — по его словам, впадал в зимнюю спячку. И не было лучшего места для этого, чем собственный дом. Жена уже знала: раз он пришел домой, значит, наступило время прощания. Правда, последние годы он приходил домой также по воскресеньям и на рождество.

— Ну скажи, Лацек, до каких пор ты будешь вести себя как мальчишка? Когда наконец вернешься к нам?

Капитан Немо вскочил.

— Не понимаю, почему ты не даешь мне отдохнуть? Если бы ты знала, какая это важная экспедиция...

— То же самое ты говорил перед полетом на Нептун, на Юпитер, перед лунными бурями и во время метеоритных дождей. Всегда это оказывается самой важной экспедицией и поводом для того, чтобы уехать из дома.

— Да что это за дом?! — он оглянулся вокруг. — Мальчишку я с утра не вижу.

Жена объяснила, что сын нашел наконец какой-то оркестр, который исполнит одну из его симфоний, и со вчерашнего дня они ее разучивают.

— Значит, он даже не придет проститься со мной? Ему не сообщили?..

— Но у него будет премьера, понимаешь, — оправдывала сына мать.

— У меня тоже, — съязвил Немо, не зная, как назвать свой последний спектакль. И все-таки отправился разыскивать сына, чтобы послушать хоть репетицию.

Зал был почти пуст, лишь в последних рядах дремали несколько пожилых людей. Оркестр издавал странные звуки, молодой Пержинка дирижировал наизусть, увлеченно закрыв глаза, и не заметил знаков, которые отец подавал ему из боковой ложи. Он слышал только собственную музыку, словно был в зале один. Немо раздраженно хлопнул дверью. У выхода он встретил старичка-капельдинера.

— Нравится вам эта симфония? — спросил его Немо.

— Новаторская, надо признать, — ответил капельдинер.

— Я спрашиваю, нравится ли она вам?!

В это время из зала донеслись громкие, пронзительные, особенно противные звуки. Немо бросился вон. Перед дверью его уже поджидала девушка из Тимбукту. Она прилетела утром на специальной ракете. Немо вспомнил, как она плакала, когда он наотрез отказался жениться на ней.

— Лечу отремонтировать одну установку между Меркурием и Венерой, — смеясь, сказал Немо. — На этот раз предстоит жаркое дельце. Когда вернусь, мне и зной в Тимбукту покажется морозом.

— Я знаю, что ты не вернешься, капитан. — Она всегда называла его капитаном. — Ведь я сама рецензировала это сообщение...

— Какое сообщение?

— О пиратах, — улыбнулась она. — И сразу подумала, что такое приключение в твоем вкусе. Я могла бы просто отвергнуть это сообщение — его принес нам молодой студент — и таким образом выиграть для нас немного времени. Но, как ты любишь говорить, долг прежде всего...

— Конечно.

— На старт я не приду. Хочу проститься с тобой наедине.

Вот так и получилось, что Немо больше не вернулся к пани Пержинковой и не повидал сына перед отлетом. Помощник, который тщетно разыскивал его дома, принес ему на космодром чемодан. Немо явился немного осунувшийся и бледный, экипаж это заметил, но капитан частенько приходил на стартовую площадку в подобном виде. Это вызывало лишь добродушный смех.

На сей раз министерство устроило торжественные проводы. Об экономии никто и не помышлял; прибыли члены Всемирного совета, семьи экипажа и множество почитателей: женщины, девушки, юноши. Лица почитателей сияли восторгом, семьи, уже привыкшие к подобным событиям, были спокойны, а посвященные в тайну полета — серьезны и озабочены. Во время торжественного тоста у министра дрогнул голос. Он не знал, как благодарить экипаж, заверял, что человечество никогда не забудет их подвига. Когда он стал прощаться с Немо, руки у него затряслись и он даже заплакался.

После ухода родственников и любопытных состоялась еще одна, секретная встреча экипажа с представителями Всемирного совета.

— В ваших руках наша жизнь, жизнь ваших родных, детей, внуков, всех грядущих поколений. Люди нередко и подчас напрасно умирали ради своих потомков. Но ваша гибель не будет напрасной. Таково наше единственное для вас утешение. Сожалею, что не могу лететь с вами, но это вызвало бы слишком большое волнение, не стоит допускать паники. Поверьте, легче сражаться, чем ждать и быть жертвой.

Затем для экипажа, состоявшего из представителей различных национальностей, исполнили старинные военные марши, которые, как и следовало ожидать, никого не взволновали. Никто не прослезился при звуках Кастальдо или марша Радецкого. И тут дирижера осенила спасительная мысль: исполнить заключительный хор из Девятой симфонии Бетховена, насколько его помнили трубачи. Это было самым торжественным моментом проводов; каждый внезапно ощутил, что в эпоху, когда все люди давно стали братьями, вдруг снова родился страх.

Полет

В течение получаса они развили необходимую скорость, так как в последний момент их ракету усовершенствовали и приспособили для выполнения новых задач. А через час помощник принес капитану сообщение радиостанции с Земли, где за это время прошло уже

несколько лет. Было опубликовано коммюнике о гибели «Наутилуса-III», как называли их космический корабль.

— Итак, мы окончательно умерли.

— Сообщить экипажу? — нерешительно спросил помощник.

— Конечно. Здесь между нами не должно быть секретов.

Сначала экипаж ответил на это сообщение смехом. Говорят, что кто переживет собственную смерть, будет долго жить. И вправду, если они переживут встречу с космическим телом, то вернутся тысячелетними старцами по земному времени. Старцами в расцвете сил! Но когда эта тема была исчерпана, начались явления, частые при космических полетах: экипаж стал замкнутым, капризным, усталым, раздражительным. Если в таких случаях не помогала шутка, оставалось лишь одно средство. (Немо часто говорил: «Ведь раньше людей не расстраивало, что при полете из Праги в Москву они старели на два часа, почему же вас огорчает, что вы постареете на несколько лет? Важно, что вы этого не чувствуете».) Итак, если шутки не помогали, приходилось менять распорядок дня, создавать напряженную обстановку. Бесцельные размышления быстро вытесняются голодом и страхом. Капитан выдумывал несуществующие неисправности в идеально работавших механизмах и сообщал, что плохо работает какое-нибудь устройство. На ходу осторожно меняли одну деталь за другой и потом радовались спасению. А то возникала «опасность» столкновения с метеоритом. Тогда часть ракеты, находящуюся под

угрозой, спешно освобождали от запасов; потом выяснялось, что ракета уклонилась от столкновения, и все возвращали на старые места. Или вдруг оказывалось, что экипажу угрожает инфекция, которую якобы занесли при посадке, и всем поголовно начинали заново делать прививки. Или обнаруживали порчу продуктов и целых два дня держали всех только на хлебе и воде. Капитан разнообразил жизнь экипажа небольшими неприятностями, чтобы люди не поддавались влиянию безделья и бесплодных размышлений, что, как показал опыт, к добру не ведет.

Но в жизнь самого Пержинки такого разнообразия не вносил никто. Ему приходилось самому справляться с ощущением бессмысленности полета и собственного бытия, с полным одиночеством, с отчаянием из-за невыполнимости взятой на себя задачи, от перспективы, которая ждет их по возвращении на Землю. Он сам договорился с судовым врачом и как только впадал в глубокую депрессию, врач определял у него приступ желчнокаменной болезни и заявлял, что больного необходимо положить в изолятор, чтобы растворить эти камни специальным облучением. Пока капитан, не признававший никаких лекарств, кроме сливовицы, жил в кабинете врача, ракетой командовал его помощник, для которого в этих коротких периодах заключалась основная цель путешествия: если он справится с обязанностями командира, то в следующий раз сможет стать капитаном корабля. Спустя два дня, стряхнув похмелье, Немо снова появлялся среди экипажа и придумывал новые осложнения,

чтобы, преодолев их, люди могли торжествовать победу.

Но вот прошло последнее похмелье, и капитану Немо уже ничего не надо было придумывать. Приближалась встреча с космическим телом, оно уже виднелось — сигарообразная ракета, напоминавшая воздушный корабль величиной с небольшой планетоид, этак с половину Луны; она медленно плыла к нашей солнечной системе. Не было никаких сомнений — она направлялась к солнцу.

Немо приказал немедленно сообщить об этом на Землю. Весьма сомнительная попытка при таком огромном расстоянии, хотя ракета и оснащена специальными передатчиками. Затем была объявлена боевая готовность. Члены экипажа посменно дежурили у приборов, спали в космических скафандрах с оружием в руках. Немо приказал нацелить на гиганта дальнобойные катапульты и уменьшить скорость.

Встреча

Возникло несколько вариантов встречи с телом; штаб рассматривал их, а электронно-вычислительные машины давали все новые и новые комбинации. Но сводились они в общем к альтернативе: либо сразу атаковать ракету, либо договориться с ее командой. Большинство членов штаба, учитывая то, что пираты натворили во Вселенной, были за немедленную атаку. Все еще хорошо помнили экспериментальные взрывы и понимали, что во Вселенной нет ничего, могущего противостоять

силе расщепленного атома. Но выдержит ли атакующее суденышко взрыв такой огромной массы материи? Переживет ли «Наутилус-III» подобную катастрофу? На эти вопросы трудно было ответить, ибо никто не знал, из какого материала сделана таинственная ракета. К тому же можно предположить, что экипаж сверхракеты обладает разумом, высокоинтеллектуален и пойдет на переговоры. Ну а что, если пираты захватят в плен и убьют парламентаров? Второй вариант был рискованным. И все-таки в первом случае рисковали больше — тогда могли погибнуть все.

Наконец Немо решил, вооружившись до зубов, подлететь со своими ближайшими соратниками к загадочному кораблю и попытаться вступить там в переговоры. Они отправились в той самой старомодной «космической ванне», на которой капитан впервые отличился.

Путники с изумлением увидели, что сверхракета очень напоминает некоторые из построенных на Земле звездолетов, только она во много раз больше их. Немо со своими товарищами несколько раз облетел вокруг сверхракеты, словно был ее маленьким спутником, — никакого эффекта. «То ли у них нет наблюдателей, то ли они ждут парламентаров, а может, все вымерли», — подумал Немо.

— Пристанем к главному входу.

Немо указал на огромное углубление, зияющее в передней части ракеты. Главный вход никем не охранялся, и можно было легко проникнуть внутрь. Пять человек, соединенные с «ванной» веревками, решили спускаться в

ракету по одному. Первым туда проник помощник капитана. Вскоре он вернулся. Насколько можно было разглядеть сквозь толстое стекло скафандра, глаза у него были вытаращены, и он харкал кровью. Его тут же отослали на «Наутилус». Больше никому не хотелось спускаться в зияющее углубление. Вся команда с небольшими моторами в руках, которые облегчали передвижение, и автоматами за спиной замерла в нерешительности.

Наконец Немо стал медленно спускаться. Не прошел он и трех метров, как ему почудилось, словно кто-то рядом нашептывает:

«Мы друзья, мы друзья, мы друзья», — хотя в действительности он ничего не слышал. Подобно мотиву, назойливо преследующему человека, или пластинке, которая вертится на одном месте, эта фраза без конца повторялась в его голове.

Чем громче звучали слова о дружбе, тем сильнее охватывало Немо чувство страха. Наконец он ощутил под ногами ровную поверхность и очутился перед стеной толщиной в несколько метров, которая тотчас же начала раздвигаться. Казалось, здесь готовы к приему гостей. Немо быстро прошел вперед, освещая себе путь узким лучом фонаря. Минуты через три в глаза ему ударил мощный поток света.

Немо остановился у входа в огромный, просторный зал, противоположный конец которого терялся где-то вдали. Там он увидел несколько чудовищ. По крайней мере они показались капитану чудовищами, хотя, несомненно, он сам был для них страшилищем. Но особенно его удивило то, что все они разные.

Одно из них, величиною почти с кита, походило на раздутую инфузорию, у другого из тела торчали какие-то отростки, у третьего было восемь ног. Внутри их прозрачных тел пульсировала — у каждого по-разному — какая-то странная жидкость. Чудовища были неподвижны. Если бы Немо не видел, как бьются их сердца, он счел бы их мертвыми.

«Они спят, они заморожены и сразу проснутся, как только ты их согреешь», — вновь зазвучало в голове Немо. Он уже догадался, в чем дело: это телепатия. Немо тут же выключил фонарь. Он не хотел будить чудовищ, не хотел согревать помещение даже теплом своего фонаря. Капитан торопливо дернул за веревку. Едва его вытащили, как изоляционная стена за ним захлопнулась.

— Они и в самом деле чудовищны, — бросил он своим спутникам и тут же глотнул сливовицы. — Мальчишкой я однажды рассматривал в микроскоп каплю воды. А это капля, увеличенная в несколько тысяч раз, — добавил Немо и сам поверил в это.

Все быстро сели в свою «ванну» и полетели к ракете. Там они созвали совещание штаба.

— Предлагаю, — сказал помощник, уже пришедший в себя, — сейчас же укрепить на поверхности сверхракеты все взрывчатые вещества, которые у нас только найдутся, поставить часовой механизм так, чтобы взрыв произошел на будущей неделе, и немедленно, на максимальной скорости лететь обратно на Землю.

— А что если они на самом деле друзья, — возразил Немо. — Мы не имеем права уничто-

жить их без предупреждения. Вдруг они везут нам какую-нибудь весть или хотят предостеречь нас?

Капитан решил заминировать гигантский корабль с этими огромными инфузориями, но прежде попробовать договориться с ними.

— Кто пойдет со мной парламентаром? — спросил Немо.

Он смотрел на своих товарищей, но все эти закаленные искатели приключений отводили глаза в сторону. Впервые за долгие годы скитаний в космосе они испугались. Помощник, говорили они, был в ужасном состоянии, когда его привезли к врачу: он все время кричал о каких-то чудовищах, страшилищах и, видимо, пережил что-то страшное.

— Я сам пойду, — к удивлению окружающих вызвался помощник. — Мне нужно исправить свою ошибку.

Сфинкс

И вот Немо со своим помощником снова оказался в огромном помещении около инфузории, напоминавшей кита, и слоноподобной водоросли; гигантское щупальце третьего чудовища было откинута назад. Остальных они не разглядели, да и не стремились к этому. В их ушах снова зазвучали слышанные ранее слова. Немо принес приборы, которые начали постепенно согревать помещение. Не прошло и часа, как циркуляция жидкости в теле инфузории ускорилась, щупальце странного создания дрогнуло, а водоросль стала лениво и томно потягиваться.

До этого момента экипаж «Наутилуса-III» наблюдал за ходом событий, так как помощник взял с собой телевизионный передатчик, но как только щупальце вновь зашевелилось, изображение на экране затуманилось, словно подернулось водой, а затем связь была прервана.

Тотчас же было созвано совещание штаба. Поскольку оба парламентаря никак не реагировали на подергивание веревки, которой они были обвязаны, стали обсуждать, не следует ли атаковать гиганта. Но все-таки решили прежде послать вторую группу, которая установила, что раздвижная стена закрыта и не раскрывается, несмотря на все попытки, не разрезается привезенными с космических баз автогенными аппаратами, которые, как известно, режут любой материал. Было принято решение подождать еще час у входа в ракету, а затем перейти в наступление.

Ровно через пятьдесят девять минут из ракеты вынырнули оба парламентаря. Сели в «космическую ванну», вернулись на свой корабль, и Немо, собрав экипаж, отдал приказ возвращаться на Землю.

— А как быть с взрывчаткой?

— Можете ее оставить при себе. Все равно им об этом известно, — ответил Немо и заперся с помощником и врачом в своем кабинете. Там они совещались целых десять часов.

Между тем экипаж обнаружил, что команда гигантской ракеты не бездействует. Колоссальная сигара как бы переломилась, затем снова выпрямилась и стала с огромной скоростью удаляться от нашего Солнца. Соб-

ственно говоря, «Наутилус» выполнил свою задачу. Но загадка таинственного корабля так и не была решена. Все жадно ожидали, что им скажет капитан. И потому явились к вечернему сбору, полные нетерпения.

— Боюсь, что разочарую вас, — начал Немо. — Нам удалось обменяться с этими посланниками из другого мира (а они лишь посланники) всего несколькими мыслями. Они связывались с нами посредством телепатии, в которой, видимо, достигли значительно большего совершенства, чем мы, земляне. Конечно, нас интересовало, летят ли они к нашей солнечной системе и зачем. Они рассказали, что их уже очень давно послали в космос с заданием посетить нашу планету — насколько им известно, единственную во Вселенной, населенную мыслящими существами, познающими себя и окружающий мир.

Мы спросили, чего они хотят и зачем предприняли столь длительное путешествие, не можем ли мы им чем-нибудь помочь, не намерены ли они переселиться на нашу планету, и тут же привели причины, по которым это невозможно. Нам казалось, что лишь смертельная опасность могла заставить эти существа пуститься в такой трудный и долгий путь.

Они объяснили, что ищут ответ на основные вопросы бытия... — говоря это, капитан покраснел, как пойманный с поличным школьник. — Я понимаю, что вам это покажется смешным, мне очень неприятно, но они действительно так сказали...

Он оглянулся на своего помощника, тот кивнул и повторил:

— Сказали, что хотят узнать, как мы отвечаем на основные вопросы бытия...

— Разумеется, мы их не поняли, — продолжал капитан, — подумали, что они имеют в виду смысл жизни. Всякому ясно, что он в преобразовании окружающей нас природы. Но их, по-видимому, волновало не это. Тогда мы решили, что, может быть, их интересует, насколько мы познали жизнь. Показали им материалы, подготовленные нашим доктором: ведь научились же на Земле создавать живую ткань, продлевать жизнь человека, восстанавливать тяжело пострадавшие организмы. Но их интересовало не то. «Основные вопросы бытия», хором кричали они, подобно толпе на стадионе или лающей своре взбесившихся псов. Требовали ответа. А мы не понимали...

— Основные вопросы бытия, — перебил капитана его помощник. — Мы подумали: уж не уловка ли это, не норовят ли они просто задержать нас под предлогом философского диспута. Ну, с чего бы им иначе рассказывать, что летят они не восемьсот, а по крайней мере двести тысяч лет из своей проклятой спиральной туманности, взрывая по пути одну звезду за другой и таким образом подавая своим весть о том, что полет продолжается? Придумывать, будто они добровольно пошли на то, что их наполовину умертвили, погрузили в искусственную спячку — и все это только затем, чтоб узнать ответ на вопрос, которым у нас занимаются лодыри, пьяницы и всяческие философы? Не хотят ли они захватить нас в плен и тем временем уничтожить нашу ракету? Я попытался передать приказ...

— Вот и зря! — раздраженно крикнул Немо. — После этого ближняя инфузория сразу открыла изоляционную стену и вышвырнула нас! Передайте вашим, что номер со взрывчаткой не пройдет, — сказала она. — Мы видим, что живые существа в вашей солнечной системе еще далеко не разумны.

— Если бы вас задержали еще на минуту, мы бы их атаковали.

— Дураки! — отрезал капитан. — Тупицы! Ничего бы у вас не вышло. Неужели вы не понимаете, что техника у этих существ бесконечно совершеннее нашей? Мы были полностью в их власти, и они пощадили нас. Просто потому, что уже давно никого не убивают и не уничтожают. Их интересует другое... — Он помолчал мгновение, потом стал оправдываться перед экипажем. — Вы знаете, я никогда не кричал на вас. Но это было потрясающим событием, а я старею. И мне все кажется, что эти чудовища могли бы нам о многом рассказать, многое мы упустили. Видимо, чем совершеннее цивилизация, тем больше возникает вопросов.

— Главное, что мы спасли нашу родину — Землю, — заметил второй помощник.

— Спасли? От чего? Вопросы ни для кого не опасны.

— Они не летят к себе домой! — воскликнул прибежавший с наблюдательного поста доктор, врываясь в комнату без положенного приветствия и рапорта. — Они не возвращаются к Андромеде, а продолжают свой путь по Вселенной. И снова уменьшили скорость.

— Значит, надеются где-нибудь найти ответ на свой главный вопрос...

— Основной, — поправил капитана помощник.

— Основной... — Немо, все еще злившийся на него, обернулся к экипажу и вполголоса прочел приказ на следующий день. Никогда еще он не говорил со своими людьми так тихо.

— Старееет, — подумали они. И ошиблись — просто их капитан стал мудрее.

„Наутилус-300“

На обратном пути уже никто не придумывал для членов экипажа мелких затруднений. Капитан целыми днями сидел в своем рабочем кабинете и смотрел в окно, вглядываясь в темноту, в пустое пространство, в загадочные бездны вечности. Повара начали готовить вкуснее, дисциплина ослабла, приказы оглашались лишь в тех случаях, когда все собирались, никто всерьез не помышлял о своих обязанностях. Сначала это всем нравилось, потом стало пугать. Люди потеряли аппетит — почти никто не являлся к столу, они плохо спали, их преследовали странные мысли. В таком состоянии они прибыли на Землю. Разумеется, ракета приземлилась в том же месте, с которого стартовала. Был поздний вечер, и никто не заметил на космодроме особых изменений. Тотчас же после посадки от ангара к ракете подкатили транспортные автобусы старинного образца. Путешественникам показали, где надо выходить и садиться в автобусы. Люди в комбинезонах улыбались

им, сердечно пожимали руки. Прием был очень дружеский. И все. Ни толпы встречающих, ни репортеров, ни зевак. Не было даже правительственной делегации с оркестром. Ничего. Совершенно обычная встреча, словно они вернулись из регулярного рейса на Марс.

— Разве вы не знали о нашем прибытии? — спросил уязвленный капитан.

— Еще бы не знать. Вы нарушили движение на главной транспортной линии, связывающей нас с Меркурием. Нам пришлось отменить пять рейсовых вылетов, так как неизвестно было, окажетесь ли вы точными.

— Мы всегда точны! — раскричался капитан. Потом, сдержавшись, спросил:

— Что же никто из высшего командования даже не явился поблагодарить нас?

— Завтра, завтра они придут к вам в общежитие, — ответил человек, с которым Немо беседовал.

Это был долговязый юноша с пепельно-бледным, нездоровым цветом лица. Он пригласил в автобус весь экипаж. Путешественники захватили только самые необходимые вещи. Ехали растерянные. Не так представляли они возвращение на спасенную Землю.

— Можно было спокойно пустить сюда тех чудовищ. Может, они внушили бы им больше почтения...

Едва машина выехала на магистральное шоссе, позади раздался взрыв: на космодроме подожгли «Наутилус». Капитан быстро оглянулся. Как раз взорвались резервуары. Немо возмущенно закричал, его поддержал весь

экипаж. Стали колотить в дверцы, но машина только увеличивала скорость.

— А мы-то, дурни, ни одной винтовки с собой не взяли, — пожалел второй помощник.

Первый помощник, высунувшись, попытался на полном ходу пропороть покрышку заднего колеса. Тогда сопровождающий заговорил в мегафон:

— Прошу вас, будьте благоразумны. Учтите, что вы явились из эпохи, когда в космос отправлялось по несколько ракет в день. Если мы станем сохранять все ракеты, которые возвращаются на Землю, скоро некуда будет приземляться. Вы—трехсотый экипаж, вернувшийся на этот космодром спустя сотни лет. Мы не знаем, почему в ваши времена люди так стремились улететь во Вселенную, нам трудно это понять, хотя мы и стараемся. Постарайтесь же и вы понять наши трудности.

Между тем автобус подъехал к общежитию. Это было несколько низеньких зданий, обставленных в стиле тех времен, когда космонавты покидали Землю. Подбежали носильщики и взяли багаж. Все они были очень бледны. Жилье капитану понравилось.

— Я хотел бы поблагодарить вашего командира, — сказал он шоферам.

— Завтра, — смущенно улыбнулись они. — Завтра утром. — Попрощались и уехали.

Подходя к спальне, Немо услышал смех. Он открыл дверь. Члены его экипажа стояли у кроватей притихшие и растерянные, а в углу на постели корчился от смеха небритый парень в рваном космическом комбинезоне.

— Он говорит...

— Он уверяет...

— Что это не люди...

— Какие-то роботы... Черно-белые слуги... Серые двойники...

Немо быстро подошел к хохочущему чудаку и влепил ему две звонкие пощечины. Тот вскочил, сжав кулаки. Но оценил ширину плеч капитана и убедившись, что вся комната против него, только присвистнул.

— Здесь о драках тоже давно забыли. И не любят, когда деремся мы.

— Кто это «мы»? — спросил капитан.

— Мы? Экипаж небольшой частной ракеты, вылетели из Калифорнии, чтобы посмотреть, нельзя ли чем-нибудь поживиться на Меркурии. Но вышло из строя управление и мы долго блуждали между Меркурием и Землей, пока нас не заметили и не помогли приземлиться. Мы тоже были поражены, когда убедились, что наши спасители, которые всю дорогу играли с нами в карты и пили грейпфрутовый сок, лишь машины, изготовленные на заводе. Впрочем, друзья, завтра доктор Эразмус объяснит вам все это. Подождите до утра.

Основные вопросы бытия

— Вы прибыли в эпоху, когда техническое развитие закончилось, — сказал им на следующее утро доктор Эразмус. Он был еще бледнее, чем черно-белые слуги. — Люди изобретали машины, чтобы избавиться от рабского труда. Человеческий труд был, конечно, иде-

альным, ибо человек, как мыслящее существо, умеет работать наилучшим образом, но он не переносит рабского унижения. И вот, когда изобрели машины, которые могут стать великолепными слугами, начали думать об их внешности. Решили, что не стоит делать их идеальными красавцами — человек мог бы влюбиться в такого слугу или возненавидеть его, наказывать или мстить, словом, относиться к машине как к живому существу. Предлагали также, — я упоминаю об этом просто для полноты картины, — придать слуге облик обезьяны или собаки. Но облик обезьяны сочли нецелесообразным, а собака, которая, правда, издавна считается другом человека, не обладает необходимыми свойствами: неспособна ухаживать за ним, не может освободить его от работы, заботиться о человеке так, чтобы он мог посвятить себя только творчеству и размышлениям, единственным занятиям, достойным его. Наконец согласились на том, чтобы сделать слуг черно-белыми, и каждый человек получил похожего на себя как две капли воды серого двойника, выполняющего за него всю механическую работу и полностью заботящегося о нем. Если вам у нас понравится и вы приспособитесь к условиям нашей эпохи, тоже получите такого двойника. Вам не надо будет о нем беспокоиться, это он станет заботиться о вас; управляет двойниками центральный механический мозг, который руководствуется общей установкой: «Заботьтесь о людях». Таким образом, технические проблемы были окончательно решены и человек навсегда избавился от рабского труда.

Если же вы предпочтете жить по-старому, — а то ведь некоторые не способны на старости лет привыкнуть к новшествам, — то можете остаться здесь, в резервации, созданной специально для тех, кто возвращается из космоса.

Все это было очень странно.

— Так чем же теперь занимаются люди? — спросил Немо.

— Могу вам показать, — ответил доктор Эразмус и включил телевизионный экран на стене.

Перед глазами возник сад, по которому прогуливался двойник доктора Эразмуса, беседуя с друзьями. Лишь тогда капитан Немо и его экипаж поняли, что видят на экране человека, а разъяснения им дает его серый двойник. Эразмус на телевизионном экране вдруг оглянулся, помахал им рукой и возобновил прерванный разговор, словно ничего более важного на свете для него не существовало.

Экипаж «Наутилуса» решил посмотреть, каков новый мир. Двойник Эразмуса улыбнулся.

— С этого начинают все. Но, к сожалению, не у всех хватает энтузиазма до конца.

Прежде всего капитан отправился в Институт истории. Попросил дать материалы о своем путешествии: дату отлета и дату сообщения о гибели «Наутилуса». Но ничего обнаружить не удалось. Никакого упоминания о космических пиратах также не сохранилось. Очевидно, министр так боялся паники, что забыл оставить хоть какой-нибудь документ, который теперь мог быть полезен экипажу «Наутилуса».

— Ну так найдите мне капитана Пержинку! — Серый двойник недоумевающе посмотрел на капитана. — Ладислава Пержинку, прославленного героя, прозванного Немо... — продолжал капитан, озираясь по сторонам, опасаясь, как бы его не услышал кто-нибудь из знакомых.

Но серый двойник только недоуменно покачал головой.

— Вы, вероятно, имеете в виду Игоря Пержинку? — Игорем звали подслеповатого сына капитана. — Дворжак, Яначек, Пержинка? Три величайших музыканта Чехии? — вежливо переспросил он.

— Музыканта?

— Я хочу сказать, композитора... Пержинка, конечно, величайший из них. Это знает теперь каждый ребенок. Дом, где он жил, сохраняется уже тысячу лет в том же виде, как и при его жизни. В нем проводятся концерты и дискуссии по вопросам музыки, вы найдете там массу людей... — он подчеркнул слово «людей».

Итак, спустя тысячу лет капитан Немо отправился к себе домой.

К счастью, в этот день там не было никого. Немо опасался, что даже после стольких лет ему не выдержать кошачьего концерта сына. Их домик стоял теперь посреди парка, все соседние виллы снесли. Еще издали капитан увидел на фасаде две сверкающие золотые доски. Одна, посвященная памяти его сына, прославляла произведения, которые он здесь написал, и его музыкальные заслуги. На второй — он с сердцебиением приблизился к ней — увековечили имя его жены. В память капитана Немо

мемориальной доски здесь не было. Он перечитал надписи еще раз, но своего имени так и не нашел.

— Она умерла за год до первого исполнения концерта Игоря в Рудольфине, — сказал кто-то. Немо испуганно оглянулся. Из-за кустарника вышел его собственный помощник. — Ей приходилось ухаживать за вашим сыном, потому что он совершенно ослеп. Она ходила за ним двадцать лет, и умер он у нее на руках. А славы его она так и не дождалась. Признание пришло через год после ее смерти. Она была святой, капитан.

— Почему вы мне это говорите?

— Потому что я любил ее.

— Но вы никогда об этом не заикались...

— Неужели вам не казалось странным, что я хожу к вам домой, радуюсь каждой возможности побыть около нее. А вы изменяли ей с той черной девушкой, которая вышла замуж через неделю после нашего отлета.

— Это неправда!

— Нет, правда. У нее было двенадцать детей. Можете установить, кто ее потомки. Их сейчас около сотни. Ведь я летал на «Наутилусе» только из-за вашей жены, хотел доказать ей, что не так уж трудно быть прославленным героем и я способен на то же, что и вы, хоть я и уже в плечах. Но она любила только вас. А вы любили ту девушку.

— Вот еще одна из странностей жизни, не так ли? Еще один вопрос.

— Это не вопрос, а констатация факта. Ваше поведение было позорно.

Помощник еще никогда не говорил с ним в таком тоне. Немо повернулся и ушел. Необходимо было снова что-то придумать для экипажа, снова найти для себя и для них какую-нибудь задачу, потому что такое времяпрепровождение слишком напоминало ничем не заполненные дни полета во Вселенной.

Но в Управлении по астронавтике ему ничего не могли предложить.

— У нас все задания выполняют экипажи, состоящие из роботов. Не понимаю, зачем вам рисковать жизнью? Зачем делать то, с чем могут справиться автоматы, и пренебрегать задачами, посильными только для людей?

— Посмотрите мои документы,—настаивал Немо, уподобившийся назойливому просителю, который теряет последнюю надежду. — Я могу вести воздушный корабль не хуже, чем это делают ваши машины. И у меня команда из ребят, которые пойдут за мной в огонь и воду.

— Никакой человеческий организм не выдержит нашей космической программы. Мы просто не можем использовать вас. Сейчас мы исследуем искривление пространства, свойства света, возможность достижения еще больших скоростей. Такие задачи непосильны для вас. Займитесь философией, искусством или эстетикой. Сейчас это самое важное...

— Я уже стар для этого, — сказал капитан и встал.

Серый чиновник выразил свое сожаление. Тут стена кабинета раздвинулась и показался его двойник, человек лет пятидесяти, одетый как художник, с кистью и палитрой в руках.

За его спиной виднелась огромная, едва начатая картина.

— Когда кто-нибудь утверждает, что для него еще не наступило или уже прошло время занятий философией, — произнес он звучным голосом, — это все равно, как если бы человек заявил, что для него еще не наступила или уже миновала пора блаженства. Слова Эпикура, друг мой. Изречению этому уже три с половиной тысячи лет. Выберите любой вид творческой деятельности. У каждого человека есть какой-нибудь талант, дающий ему ощущение жизни, возможность самому себе доказать факт своего существования и лучше всего себя выявить. А технические игрушки оставьте детям и машинам. Кого они могут теперь интересоваты! У нас более серьезные задачи. Сейчас важнее всего решить основные вопросы бытия...

Такие разговоры Немо уже слышал.

— А хоть кто-нибудь их решил? — спросил он.

— Человечество еще слишком молодо, чтобы ответить на такие вопросы, друг мой. Это вам не то, что расщепить атом или облететь вокруг Юпитера. Для решения их нужны время и терпение, надо отдаться им целиком, на них отвечают не только словами, но всем своим образом жизни...

— Мне уже не переделать себя. Явлюсь завтра с экипажем на старый космодром, — окончательно решил капитан.

Художник пожал плечами, словно пожалев о времени, потраченном на разговор. Он снова повернулся к своему полотну, и стена за ним

закрылась. Его серый двойник поклонился капитану.

— Как вам будет угодно, я предупредил вас. Это было бы самоубийством,

Окончательный ответ

Капитан не спал и едва дождался утра. Вспоминал, как вчера члены его экипажа не проявили особого энтузиазма, не все они были убеждены, что лучше всего для них было бы снова сняться с якоря. Но все-таки ему удалось уговорить их, и они поняли. Обещали явиться. Немо вышел из дому еще затемно. Побрел на космодром пешком, но все равно явился слишком рано. Правда, работа там шла полным ходом. Ракета, которую роботы готовили к отлету, вообще не походила на ракету, скорее на какой-то мешок или на шар. Она даже чуточку пугала Немо. Механизм старта тоже совершенно изменился, и капитан больше не разбирался в нем. Серые роботы не чинили ему препятствий — Немо мог всюду ходить, все осматривать. Но при этом они как-то чудно, снисходительно улыбались, словно не подобало человеку, который выглядит столь разумно, заниматься такими пустяками, как механизм ракеты.

Немо вернулся на стартовую площадку и увидел в утреннем тумане, что его команда приближается. Все они были в своих старых комбинезонах. На этот раз они вылетят без музыки, без торжественных проводов. Что ж, тем лучше, лучше для всех: ведь жить на Земле

они не могут, к такой жизни нельзя привыкнуть...

Что-то в этом роде сказал он им на небольшой лужайке. Утренний туман душил его, и капитан закашлялся. Потом стал называть их имена, и каждый подходил к капитану, рапортовал и пожимал ему руку.

Но все это были двойники, серые слуги членов его экипажа, которые послали их вместо себя. Ни один из этих неблагодарных, проклятых сукиных сынов не явился. Капитан вытер глаза. Во всем виноват туман, говорил он себе. И присел на ближайший камень — у него перехватило дыхание.

— Капитан Пержинка? — склонился над ним широкоплечий парень. Он был в красивой, сверкающей форме, какой капитан никогда в жизни не видел.

— Да, — ответил Немо, всматриваясь в его лицо.

— Меня послали из Генерального штаба. Если разрешите, я приму командование.

Немо узнал самого себя. Конечно, это был он. Только чуточку серее.

— Как вам угодно. Раз они хотят... — произнес капитан, почувствовав себя побежденным. Его двойник вежливо отдал честь и щелкнул каблуками точно так, как это обычно делал Пержинка. Спустя несколько минут с ракеты к нему донесся его собственный голос, резкая, энергичная команда, рапорты и ответы, все, как в былые времена. Вскоре ракета мягко отделилась от земли (и откуда они только получают энергию?) и медленно поднялась к облакам. Немо помахал ей вслед, но

тут же быстро оглянулся: не наблюдает ли кто-нибудь за ним? Глупо махать рукой четко работающим автоматам.

Он повернулся и побрел к своему старому дому. На этот раз там было много народу. Исполняли симфонию его сына. Немо узнал странные звуки, повергшие его тогда, перед полетом, в состояние ужаса. Сейчас он вслушался, и они уже не показались ему такими необычными. Немо остановился подле дерева, поодаль от слушателей, и ветер доносил до него обрывки звуков. А в высоте исчезала ракета.

Вдруг капитану пришло в голову, что, окажись тогда перед посланцами из далекого созвездия его сын, он сумел бы ответить на их вопрос.

Скажу им, подумал он, чтобы для выяснения основных вопросов бытия не посылали ракет во Вселенную. На них надо ответить на Земле.

Оркестр стал играть тише, и слышались звуки арфы, напомнившие капитану Немо о чем-то прекрасном.

ЗЛОПОЛУЧНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Это был каскад смеха. Он смеялся долго и громко. Время от времени он переводил дыхание, а потом снова хохотал. Порой можно было подумать, что он просто кричит, но это был смех — победоносный хохот тридцатипятилетнего человека. Он сидел один в холле своего домика, перед ним стояли пустые бутылки из-под водки, горлышко еще одной он только что отбил. Он глотал этот непривычный для него напиток, как воду в жаркий день. Потом, пошатываясь, поднялся и сбросил с полки книги, растоптал магнитофонные ленты с записью поставленных им перед собой проблем. До того он уже успел расправиться с телестеной, ультразвуковой плиткой, инфракрасным радиатором, беспроводным телефоном и старинной радиолой. Перед домиком собралось несколько соседей. Доносившиеся оттуда загадочные звуки встревожили их. Бауэров всегда считали такими спокойными людьми, и вообще в этом поселке, построенном правительством для научных работников еще в шестидесятых годах, обычно царила

тишина. Но стены домиков прозрачны только для сидящих внутри, снаружи ничего нельзя было увидеть.

В конце концов пани Навратилова все-таки отважилась открыть дверь. Но едва она это сделала, как в нее полетел том технической энциклопедии. Книга была увесистая, по меньшей мере килограмма на два. Навратилова кинулась в свою квартиру и позвонила Бауэровой, которая работала в биологическом институте у Забеглиц, так что ждать ее пришлось довольно долго. Она приехала в старомодном бесколесном автомобиле с реактивным двигателем; он на ходу приподымался над землей почти на метр. Даже не взглянув на счетчик, расплатилась с шофером и вбежала в дом. Дверь захлопнулась перед самым носом у любопытных. Бауэр сразу перестал хохотать. Наступила тишина. Соседи постепенно разошлись по домам.

— Вот она, благодарность, — проворчала пани Навратилова. — Даже спасибо не сказала! А я получила шишку сама не знаю за что!

— Чокнись со мной, — твердил Бауэр, пока его жена с изумлением разглядывала разбитые предметы. — Ты должна выпить. Я куплю все новое и самое современное. А кроме того, специальный вертолет для воскресных прогулок к морю или в Татры, а тебе шубу из синтетики и целый набор драгоценностей.

— Но что случилось?

Он как бы сразу протрезвился. И произнес тихо, словно вообще не пил:

— Получилось. Представляешь, Ирена, все получилось.

— И поэтому надо было разбивать бабушкину радиолу? Такую дорогую, старинную вещь?

— Я не мог бы больше и дня прожить в этой обстановке. Десять лет я тут корпел над своими чертежами, а теперь, понимаешь ты, теперь все должно быть по-новому. Я победил, Ирена, мы победили, и теперь я самый великий, самый заслуженный, самый талантливый, самый замечательный, самый своеобразный, самый... словом, творец будущего! Так сказал Коваль после сегодняшних испытаний, вот! — Он ударил себя кулаком в грудь. — Сегодня я создал будущее... — и, сорвав со стены последний чертеж, который не успел уничтожить, уткнулся лицом в письменный стол. Пришедшая в отчаяние Ирена, повернув рычаг, спустила сверху кровати и хотела перетащить мужа в спальню, но он был слишком тяжел, и пришлось постелить ему на полу, положив под голову «Основы кибернетики» и «Историю физических проблем». Затем она бросилась к телефону.

— Профессора Ковалья. А где он? На заводе? — Ирена не поняла. Но твердо знала одно: она должна с ним поговорить, немедленно должна поехать к нему. Вывела из гаража свой летающий велосипед. И уехала.

Профессор Коваль был директором Научно-исследовательского института автоматике. Ирена разыскала его в большом цеху. Он стоял на каком-то низеньком помосте с несколькими ассистентами и представителями завода. Из-за грохота машин приходилось кричать.

— Я Ирена, жена Шимона Бауэра...

— Поздравляю, — улыбнулся Коваль. — Что вы на это скажете?

— Это ужасно!

— Что?

— Больше я не смогу с ним жить. Я пришла предостеречь вас...

Коваль недоуменно посмотрел на нее и поспешно увел в соседнее помещение, где когда-то работал мастер, отгороженный от заводского грохота стеклянной стеной.

— Кого вы имеете в виду? — спросил профессор.

— Шимона. Он ужасный человек. Я хотела предупредить вас. Сегодня он напился пьяным и болтал о каком-то изобретении. Ведь это неправда?

— Нет, почему же, правда. Ваш супруг решил проблему, стоявшую перед нашим институтом. Вы не заметили, что эти машины теперь работают сами? — он сделал жест в сторону цеха. Только сейчас это дошло до ее сознания. Сырье подвозилось, обрабатывалось, собирались детали и из них монтировались наисовременнейшие ракетные автомобили. — Еще вчера здесь работало около трехсот человек. И это сделал ваш муж. Теперь нам не надо строить новые автоматические заводы. Благодаря его изобретению мы сможем автоматизировать любой цех. Он решил величайшую проблему нашего времени. Надеюсь, вы понимаете, что это значит. Бауэр — гений.

— Он ужасный человек, профессор. Я предупреждаю вас. Он эгоист. И это окончательно испортит его, — твердила она в отчаянии.

— Вы намерены развестись?

— Не осуждайте меня. Я вышла за него по любви. Я знаю, что он умный, талантливый. Но он женился на мне только потому, что мой отец был заслуженным работником, и благодаря этому ему удалось сразу попасть в ваш институт.

— Было бы очень жаль, если бы он оказался в любом другом месте.

— Но, прежде чем попасть к вам, он должен был бы в другом месте показать, на что способен, как вы этого не понимаете? Он думает только о себе. Сколько я с ним спорила из-за нашей обстановки! Он жаждет иметь только самое лучшее, думает только о выгоде и славе, не способен ни на какие жертвы, даже ради меня. И детей не хочет иметь, потому что ему пришлось бы в чем-то себе отказать. Он работал над своим изобретением только потому, что хотел прославиться. Он эгоист.

— Знаете ли, я не люблю клевету, — нахмурился профессор. — Для меня важно, как он ведет себя на работе. Он мой лучший ассистент.

— Он притворяется.

— Прощайте, — сказал профессор и распахнул перед ней дверь.

Лишь сейчас она заметила само изобретение. Оно стояло на помосте и походило на небольшой радиопередатчик. Какие-то лампы в нем то загорались, то гасли. Вокруг толпились рабочие.

— Он действительно никогда не испортится? И никому не надо за ним наблюдать?

— Нет, действительно не надо, — объяснял молодой инженер. — В него вмонтирован контрольный прибор. Он самостоятельно производит ремонт. А если возникнет проблема, которую он не сможет решить, он остановит работу и при помощи специального устройства вызовет нас.

— Значит, мы больше не нужны, — сказал старый рабочий в белом комбинезоне. — Я работаю на этом заводе с пятидесятих годов. Своими руками помогал его строить. Лопатами работали. Вы еще помните, что это такое?

— Что с нами будет? — спрашивали другие.

Подошел Коваль.

— Спокойно. Такие опасения возникают везде. Но вы не волнуйтесь. Первое время завод будет по-прежнему выплачивать вам заработную плату. Благодаря введению автоматов продукция возрастет во много раз и ваша зарплата будет незначительным расходом. А между тем вы найдете себе другую работу.

— Но пройдет время, и вы введете эти аппараты повсюду.

— Неужели вы ничем не увлекаетесь? Можете учиться, заниматься спортом, искусством или ремеслом, кому что нравится. Не все может сделать машина. А новая работа тоже будет вас радовать.

— Ничем я не увлекаюсь, — возразил старый рабочий.

— Как, а твой аквариум? — засмеялись остальные. — Вуалехвостки и кометы? И на футбол ты ходишь каждое воскресенье. Мог бы стать тренером.

Но он недоверчиво покачал головой. Коваль взял его под руку и вывел из цеха. Рабочие пошли за ними. Ирена осталась на помосте почти одна. Некоторое время она наблюдала за тем, как работают машины, как загорается свет в этом странном ящичке, созданном ее мужем.

— Мне становится страшно, когда я смотрю на это, — сказала она молодому инженеру.

— Вы не разбираетесь в технике?

— Нет. Я занимаюсь биологией. Как вы думаете, это хорошее изобретение?

— Вы хотите знать, будет ли аппарат хорошо работать? Безусловно. Ведь его создал Бауэр. Это наш лучший работник, — гордо произнес он.

— Я Бауэрова. — Он с уважением посмотрел на нее. — И мы разводимся.

На следующий день приехал представитель правительства, чтобы официально принять новое изобретение, которое немедленно оценили по достоинству. Перед собранием все были настроены торжественно. Восторгались даже враги Бауэра. Ведь благодаря ему институт выполнил свою основную задачу. Еще до восьми часов все собрались в большом зале заседаний. В восемь, точный как всегда, явился Коваль. Еще через пять минут вошел министр в сопровождении своей свиты. Подали кофе. Воцарилась напряженная тишина. И только Бауэра не было.

— Он всегда очень пунктуален, — уже в который раз уверял министра Коваль. — И знает, что вы придете. Я звонил ему ночью.

— Его жена сказала, что он уже с час назад уехал, — доложила секретарша.

Все посмотрели на часы. Минуты шли. От нечего делать министр принялся просматривать планы работы. Коваль вдруг вспомнил, что у него не подведены итоги за прошлый месяц. Еще наживешь неприятностей из-за этого парня. Мысленно он всегда называл Бауэра парнем: ведь тот поступил в институт сразу после окончания учебы. Коваль подошел к министру и стал объяснять ему принцип действия автомата. Всем было неловко. Остальные работники стояли возле больших окон и смотрели во двор. В углу секретарша уже в пятый раз звонила в проходную, чтобы там поторопили Бауэра.

— Уж не умер ли он от радости? — спросил глуховатый доцент Шуба, который работал в институте с давних пор и сейчас его просто терпели из уважения к прошлому. Так иногда бывало...

— Вот он! — воскликнул вдруг кто-то.

Министр поднялся и тоже подошел к окну. Коваль последовал за ним. Молодые инженеры кусали губы.

Бауэр медленно шел по двору с толстой папкой в руках; он был в свитере, хотя всех предупредили, что надо явиться в парадном виде. Брел он очень медленно; видно было, что он насвистывает и озирается по сторонам. Около него суетился привратник, видимо, что-то ему втолковывая. Он показывал Бауэру на вертолет новейшего типа, на котором прилетел министр, и, очевидно, с удовольствием сгреб бы его в охапку и отнес на заседание. Но

Бауэр был невозмутим. Министр быстро отошел от окна и вернулся на свое место.

— Он добросовестный и точный человек. Прекрасно сознает свой долг, — снова и снова повторял Коваль. — Я просто не понимаю...

Все сели. Воцарилось торжественное молчание. Наконец в дверях появился Бауэр.

— Привет! — бросил он министру с порога и снисходительно помахал ему рукой. — Здорово, — кивнул остальным.

Тут уж всем было не до смеха. Никто ничего не понимал. Поднявшись на кафедру, Бауэр положил перед собой папку, раскрыл ее и заговорил:

— Все вы знаете, что удалось создать в нашем институте. Вы видели вчера мое изобретение. Что оно принесет народному хозяйству, каждому ясно. Производительность всех заводов фантастически возрастет, если мы как можно скорее установим повсюду мои автоматы. Десять лет назад, когда я только начинал работать, некоторые смеялись и говорили, что это абсурдная идея. Сейчас эта идея воплощена в жизнь. Автоматизация у порога. Полная и абсолютная. И это моя заслуга, имейте в виду. В первую очередь моя. Мы живем в обществе, где каждого вознаграждают по заслугам. Меня интересует, как оценят мои заслуги.

Об одном частном вопросе мне хотелось бы договориться сейчас. Я должен стать директором нашего института. Знаю, что для этого я молод и получится так, что многих обгоню. Но у меня есть заслуги. А профессору Ковалю уже пора на пенсию. Все мы отлично знаем, что он отстал в научном отношении. Единст-

венное, в чем он пока еще разбирается, это политика. Но сейчас век специалистов. Профессор Коваль уйдет. Наш институт должен переключиться на новые проблемы. Так как проблема автоматизации машин уже решена, мы должны заняться вопросами координации. Мы должны добиться, чтобы машины сами производили себе подобные, контролировали и управляли производством. Оно не должно быть обременительным для человечества. Вот наша первоочередная задача. После моего назначения займемся решением частных проблем. Я отберу для себя людей, не все вы здесь останетесь.

Что касается материального вознаграждения, не стоит уточнять сумму. Надеюсь, что правительство должным образом оценит мои заслуги. Вот условия, которые я ставлю. Это моя декларация. После ее обсуждения я готов передать свое изобретение на службу обществу...

Он поклонился и сел во главе стола. Министр даже не поднялся и говорил сидя.

— Головокружение от успехов — явление не новое. Действительно, вы добились многого и имеете право на изрядное головокружение. Менять руководство института мы не будем. Именно сейчас на решающих местах нам понадобятся сознательные люди. Техники, лишённые широкого кругозора, никуда и ни к чему не придут, это вы и сами поймете, пан Бауэр. Товарищ Коваль останется на своем посту. Вам мы заплатим, сколько захотите. Хоть миллионы. — Он улыбнулся и встал. — Если они вам понадобятся. Среди нас уже

много людей, удовлетворяющихся радостью, которую приносит выполненная работа. Пойдемте, — сказал он Ковалю и направился к двери. Захлопнул ее за собой. Все молчали.

— Вы все еще пьяны, Бауэр? — спустя некоторое время спросил Шуба.

— Тогда и я ничего не обязан им давать, — опомнился вдруг Шимон, вскочил и выбежал во двор.

Вертолет министра как раз готовился взлететь. Коваль обернулся к Бауэру:

— Ваша жена была права. Как это могло случиться? Сколько раз вы провозглашали, что я гениальный математик? Кто вас дергал за язык? Зачем это было нужно? Неужели вы думали, что без ваших славословий я выгнал бы вас из института? Я знаю, вы талантливы. Но вы лицемер.

— Вчера вы называли меня творцом будущего!

Шимон уехал домой и стал укладывать чемодан. При этом ему пришлось перешагивать через разбитые накануне вещи. Он с сожалением смотрел на них, так как в трезвом состоянии был скуповат. Позвонил жене:

— Итак, я лицемер? Прощай!

Она уговаривала его. Он должен измениться, так жить нельзя, ему самому придется в этом убедиться... Шимон раздраженно повесил трубку. Знал, что так же, как он, живет немало научных работников, считал это совершенно естественным и не видел ничего дурного в том, что люди хотят получать вознаграждение за свои заслуги. Разве это не закон социализма?

«Уйду, — говорил он себе. — Хватит с меня разговоров. Больше не стану притворяться перед самим собой!»

Он отправился на аэробусе в Роудницу, к своей первой любви. Там, на высоком берегу Лабы, у ее отца, когда-то оптового торговца мануфактурой, был большой дом с обширным садом. Шимон застал Яну в саду. Узнал ее сразу, хотя за эти годы она немного изменилась. Располнела. Он вскоре понял, почему: по саду бегало двое детей, которых Яна окликала по имени.

Когда он подошел к калитке, Яна воскликнула: Шимон! — и сразу повела его в дом. Снова, как прежде, они сидели на красивой веранде, откуда открывался вид на далекие окрестности, и она снова открыла бутылку вина.

— Словно ничего не изменилось за эти десять лет.

— Если не считать моего замужества. Кроме того, я работаю чертежницей...

Значит, у нее муж, работа, дети... Наверное, и не вспоминала о нем.

— Я часто думал о тебе.

— Почему? Ты свой выбор сделал.

Он объяснил, что другого выхода у него не было — ему хотелось пробиться, попасть на научную работу, и дочь оптового торговца была бы для него обузой. Во всяком случае, так ему тогда казалось. Но он любил ее больше всех.

— Хоть теперь не оскорбляй меня, — возразила она. — И себя в первую очередь.

Бауэр так и не понял ее.

— Ты изменилась, Яна. Я хотел сказать... приехал спросить, не согласилась бы ты теперь, спустя столько лет... Сейчас я уже не стану считаться ни с чем.

Она рассмеялась и побежала в сад — улышалась, что ее младшенький плачет.

Шимон встретился с ее отцом. Пан Мрачек был все тот же. Смакуя, отпил несколько глотков вина.

— Во всем виноват ее муж. Вышла за какого-то организатора. Он не испугался такого тестя. Но я всегда предпочитал вас. Мы лучше понимали друг друга. Пойдемте! — Они вышли. За домом стоял большой обшарпанный вертолет. — Разъезжаю. Как в былые времена. Иной раз удается неплохо заработать. Особенно если подвернется что-нибудь новенькое. Слышали вы уже о новых рубашках из искусственного волокна? Это поэма; могу вам уступить одну по дешевке.

— А вы все еще мечтаете иметь много денег? — усмехнулся Бауэр. Мрачек не понял. — Ну, сумели бы вы истратить, скажем, миллионы?

— А у вас они завелись? Если вы не знаете, что с ними делать, обратитесь ко мне, я посоветую. Тратить тоже надобно умеючи, голубчик, в этом деле нужны опыт и размах, а у кого они сейчас есть? Мы, старики, вымираем, а кто идет нам на смену? Совершенно некультурные парни. Я бы вам все организовал: отдых на юге, зиму в Египте, круглый год — вечную весну, к завтраку икру. Если понадобится — приходите ко мне. У меня когда-

то действительно были миллионы. Могут показать вам свои чековые книжки.

— Я знаю, — сказал Шимон. Он уже много раз видел довоенные обесцененные чековые книжки Мрачека.

Яна так и не появилась, и Мрачек проводил Бауэра на вокзал. Итак, здесь ничего не вышло. Возвращаться ему некуда. Он отправился в Прагу курьерским ракетным поездом. Это было удобнее, чем переполненные аэробусы.

Шимон не знал, где бы ему остановиться. К жене он возвращаться не хотел. Собственно, у него родилась неплохая идея: взять годичный отпуск. Отдыхать целый год где-нибудь у моря. Он это заслужил. И там на досуге обо всем спокойно поразмыслить. Год каникул. Нет, два года. Он никогда не любил Жюля Верна. А кончил тем, что стал изобретателем. Вот как. Шимон остановился в отеле и там роскошно пообедал. Потом взял из банка свои вклады: накопления у него были солидные. На улице он заговорил с двумя барышнями, которые оглянулись на него. Накормил их обедом, а в пять часов угостил чаем. У одной из них был серебряный зуб. Другая все время несла чепуху. В свой отель он вернулся в одиночестве. Был уже порядочно пьян. Заказал в баре французский коньяк, но больше шести рюмок не одолел и стал путать бутылки с барменшей. Видно, всего не выпьешь, даже если ты миллионер. Мрачек, пожалуй, неправ. Голова у него кружилась. Официанту пришлось отвести его в комнату.

Утром Бауэр отправился в институт. Может, они там по зрелом размышлении все-таки согласятся на его условия. Он представлял себе, как заведет там свои порядки, как заставит их ходить по струнке! Увидим. Заглянул к инженеру Мартену. Этот брюзга получил в институте последний патент. Рационализировал использование изотопов. Интересно, сколько он за это получил?

— Не знаю, — ответил Мартен и как-то странно посмотрел на Бауэра. — Право, не знаю.

— Хочешь сказать, что ты и не поинтересовался? — Бауэр вспомнил, что у этого чудака нет даже старомодного автомобиля.

— Да. Деньги мне, собственно, ни к чему.

Мартен не только чудака, он просто глупец. Шимон пошел к Ковалю. Но тот, не глядя на него, прочел постановление. Бауэру предлагались какие-то проценты. Автомат будет применяться и за границей. Сумма получается огромная. У Бауэра дух захватило. Он поблагодарил и направился к двери. Но тут же вспомнил, что хотел попроситься в отпуск.

— А как же ваше изобретение? Я думал, что вы по крайней мере добросовестный работник.

— Разве поступили какие-нибудь жалобы? Аппарат работает неточно?

— Жалоб нет. Но вас, наверное, заинтересует, что через два дня после вас заявку на подобный патент подал Вельдеси из Будапешта.

— Но первым-то все же был я!

— Бесспорно. Это ваше изобретение. Все газеты об этом пишут. Журналисты, как обыч-

но, фантазируют вовсю. И Вельдеси приглашает вас в свой институт. Надеюсь, что вы поедете.

Между двумя столицами курсировали ракетные самолеты. Путешествие было удобным и отняло меньше времени, чем поездка из института в отель. Шимон едва успел просмотреть газетные заголовки. Его фотографии красовались на первых страницах. Министерство позаботилось, чтобы рядом поместили также Ковалья — в качестве его учителя и консультанта. Это можно бы опровергнуть: Коваль ничего не знал о его работе. Но как ему, Шимону, все-таки повезло! Еще немного, и пришлось бы застрелиться. Бедняга Вельдеси! Работал ли он тоже целые годы над своим изобретением? И почему ни разу не приехал? Наверное, какой-нибудь бирюк.

С аэродрома его отвезли прямо на завод. Венгры только сейчас начали испытания своего автомата. Завод выпускал часы. Это был эксперимент в небольшом масштабе. Миниа-турный автомат, установленный в большом помещении, должен был управлять системой сложных механизмов. Сначала все шло очень хорошо. Журналисты старались перекричать друг друга, рабочие аплодировали. Бауэр восхищался их темпераментом. По сравнению с ними рабочие пражского завода были хладнокровны, как рыбы. Но через четверть часа автомат стал подавать тревожные сигналы, машины начали повторять одни и те же операции снова и снова, запасы деталей росли, с конвейера сходили сдвоенные и строенные предметы, какие-то сиамские близнецы руч-

ных часов. Вельдеси, согнувшись, бегал вокруг автомата, толстый, побагровевший, пыхтящий; зрители встревоженно притихли, только Шимон не удержался от усмешки. Все неприязненно посмотрели на него. Вельдеси выключил ток.

— Очень сожалею, — сказал он. — Но вы видели, двадцать экземпляров часов было изготовлено без малейшего дефекта. Значит, мы на правильном пути. Говорят, что инженер Бауэр изобрел автомат, который работает вот уже несколько дней. Для нас будет большой честью, если он расскажет о своем изобретении.

Он не мог им отказать. Разумеется, самого главного говорить не стоит. Но почему бы не блеснуть перед слушателями? Бауэр привык выступать без подготовки. Он решил сделать обширный доклад и приглядывался, на ком из публики лучше сосредоточиться. Слушатели сидели перед ним, его лицо большим планом проецировалось на противоположную стену, и Бауэр сам мог следить за каждым своим жестом. Говорил он по-русски, так что почти все его понимали. Но так и не нашел, на ком бы сосредоточиться. Кроме одного человека.

Это была девушка, сидевшая во втором ряду, с краю. Она была одета ультрамодно — в какую-то шерстяную тунику с рискованным вырезом, обнажавшим значительную часть груди. Была смуглой и красивой, напоминала Яну, Яну в молодости, когда он был в нее влюблен и отказался от нее ради карьеры.

— Кто эта девушка во втором ряду с краю? — спросил он у Вельдеси в перерыве. Тот нахмурился.

— Экая наглость! Сейчас распоряжусь, чтобы ее немедленно вывели.

— Почему?

— Она дважды проваливалась на переходных экзаменах. Вообще не готовилась к ним. Воображала, что покорит меня своим модным видом. Она работает манекенщицей. Говорят, что она самая красивая девушка в Венгрии. Но физики, бесспорно, не знает — провалилась. Даю голову на отсечение, что из вашего доклада она вообще ничего не поняла. Просто явилась посмотреть на вас. Пришла, как в цирк. Барышня, послушайте...

— Погодите, — остановил его Бауэр. — Я хотел бы с нею поговорить. — Вельдеси удивленно взглянул на него. — Мы немного знакомы.

Так Шимон познакомился с Ольгой.

Он решил остаться в Будапеште. Во-первых, Вельдеси пригласил его, а во-вторых, Шимон влюбился в Ольгу. О первом соображении он сообщил Ковалю. И в тот же вечер отправился на демонстрацию моделей. Там он установил, что самые модные и эффектные туалеты как две капли воды похожи на те, что носили в шестидесятых годах, когда он был еще студентом. Видно, не могут придумать ничего действительно нового. Все модели, которые демонстрировала Ольга, он ей купил. А счет отправил в посольство, приложив к нему первые страницы пражских утренних газет. В Прагу его уже никто не звал. Он посе-

лился у Ольги. У нее была уйма родственников. Всех их он кормил и одевал. Венгерская кухня ему очень понравилась. Иногда он ходил к Вельдеси. Никто не решался спросить его о чем-либо. Из института Шимону прислали письмо, подписанное только секретаршей. Его спрашивали, когда он собирается приступить к работе. Затем сообщили, что серийное производство его автоматов уже наладилось. Но Шимона это больше не интересовало. Мрачек, давая советы, забыл об одном: влюбленный всегда найдет применение своему богатству. У Бауэра было на кого тратить деньги... Ольга по праву считалась прелестным созданием. Красивейшей женщиной страны. Она дважды выходила победительницей на конкурсах красоты. У нее были праксителевские пропорции. Тратить с нею деньги было одно удовольствие.

Но через месяц за ним прислали Ирену. Им, наверное, пришлось заставить ее поехать. И вот эта скромная, трудолюбивая женщина уже стояла в комнате Ольги, не зная, где присесть, так как у Ольги был восточный вкус и она выбросила из своей комнаты все стулья. Бауэр указал Ирене на ковер, но она отказалась. Он рассмеялся.

— Ты соображаешь, что делаешь? — спросила Ирена. — Живешь как бродяга, как лодырь. В Прагу приезжают делегации со всего мира, хотят познакомиться с гением, а гений валяется бог знает с кем!

Бауэр обиделся. Но Ирена возразила, что знает репутацию Ольги, навела о ней справ-

ки. У Шимона есть обязанности по отношению к собственному таланту.

— Что хочу, то и делаю! — почти крикнул Шимон. И тоже встал. Он знал, что Ольга лежит в соседней комнате и все слышит. Хотел, чтобы она любила его. А ведь она на пятнадцать лет моложе. — Я взял, наконец, отпуск. Использую его впервые за десять лет. Мои автоматы дадут человечеству возможность жить в раю, в новом золотом веке. И я имею право первым вступить в него.

«Неужели Шимон так представляет себе рай и счастье? Неужели он думает, что в этом цель человечества?» Ирена презрительно посмотрела на старинные турецкие украшения и брезгливо понюхала духи на туалетном столике.

— Мне жаль тебя, Шимон...

Видимо, она уж не знала, как бы посильнее его оскорбить. Шимон был счастлив, когда она ушла.

Закончив, наконец, работу у Вельдеси, которому он помог автоматизировать производство, Шимон улетел с Ольгой к морю, пригласив с собой всех высвободившихся рабочих часового завода.

— Наступил золотой век, «*Aurea prima sata est aetas, que vindice nullo*», — продекларировал он по-латыни, так как любил подчеркнуть, что он не такой односторонний, как его коллеги-техники. Но никто с ним не поехал, и они отправились вдвоем к морю, в Болгарию.

Ему казалось, что он обрел счастье. Настоящее, неподдельное, вдвойне голубое — как

небеса и как море. Счастье для него заключалось в вилле, купленной на самом берегу моря, с аквариумом, который он себе устроил, счастье в вечерних танцах при луне под стрекотанье цикад, счастье с Ольгой, которая ежедневно меняла платья, сшитые в лучших салонах, и отправлялась за покупками, потому что она любила покупать вещи, умела их выбирать и учила Шимона пользоваться жизнью. Люди относились к ним почтительно, время от времени их посещали репортеры, и он беседовал с ними, сидя в качалке под пальмой, на террасе своей виллы, как настоящий миллионер. Да он, собственно, и был миллионером. Ему рассказывали, что некий Пятикин в Киеве изобрел такой же автомат, как и он, через неделю после Вельдеси и что этот автомат работает быстрее. Но и Пятикин опоздал.

Вставал Шимон в полдень и, пока Ольга ходила за покупками, читал газеты. Его изобретение меняло облик мира. Промышленные товары с каждым днем стоили все дешевле. Когда ввели автоматы и в шахтах, стали падать цены на сырье. Труд не стоил ничего, последним капиталистическим государствам — Швейцарии, Андорре и Йемену — пришлось ввести планирование хозяйства. И все это было делом его рук. Он выпивал кофе, апельсиновый сок, съедал гренки, потом спускался по собственной лестнице на пляж и бросался в воду.

Но его счастье оказалось недолговечным. На курорт понаехали новые люди. Теперь, когда всю работу на предприятиях выполняли автоматы, многим пришла в голову та же

фантазия, что и Шимону. Эти люди селились вокруг них, и вскоре пляж оказался переполненным. Прогнать их нельзя, хотя денег у них меньше, чем у Бауэра, и нет таких заслуг, но права такие же... Ольга теперь сидела дома, жаловалась на головную боль и не хотела никуда выходить. В городе открылись новые магазины, где распределялись — практически раздавались даром — важнейшие товары. Вскоре у всех женщин появились элегантные наряды из хороших тканей, некоторые шили туалеты сами, так как умели делать это лучше, чем местные портнихи. Ольга скучала в одиночестве, и теперь ее единственным развлечением было мучить Шимона. Ему приходилось ухаживать за ней, по несколько раз в день вызывать врачей — то она пугалась, что у нее не бьется сердце, то оно билось слишком быстро. Просто скучала, как аристократка перед французской революцией. Ей надоело жить в раю, тем более что он оказался доступным для всех. Она настаивала на том, чтобы Шимон вернулся в Прагу, привел там в порядок свои денежные дела, а затем отправился бы с нею в такое место, где они снова оказались бы одни, где счастье принадлежало бы только им. Он долго колебался, но, когда она стала приглашать на свои вечеринки молодых людей и целыми ночами пить с ними, даже не представляя ему своих гостей, решил окончательно объясниться с Ковалем. Его требования должны быть удовлетворены.

С воздуха он даже не узнал Праги — вокруг города выросли новые большие районы. В жилищном строительстве все еще применял-

ся человеческий труд, потому что всякий хотел построить себе дом по собственному вкусу и старался хоть как-нибудь видоизменить поставляемые заводами крупные блоки. С аэродрома Вауэр уехал в автоматическом такси. Его поразила быстрота, с которой его изобретение приспособили к автомобилю. Он сказал в микрофон, укрепленный над рулем, адрес своего адвоката, и автомобиль мягко покати́л.

— Вы, бесспорно, самый богатый человек на свете. Рокфеллер по сравнению с вами ничий. Тем более что он действительно обеднел. Ваши автоматы — единственный товар, который пока что еще в цене. У вас колоссальное состояние. Как вы намерены им распорядиться? — улыбнулся адвокат.

Он был одет с головы до ног в вещи, поставляемые распределителями товаров широкого потребления, и жил, собственно, уже не нуждаясь в деньгах.

— Это мы посмотрим, — решительно заявил Шимон. — Что-нибудь придумаем.

По пути в институт он увидел столовые, в которых кормили бесплатно. Те, кто раньше работал в промышленности, занялись сельским хозяйством, а так как машин хватало, производительность за год настолько повысилась, что склады ломились от продовольствия, излишки которого раздавали даром. Автомобиль объехал центральные площади стороной, но Шимон видел, что там было многолюдно, как во время демонстрации. Все тихо сидели и слушали лекции: на Староместской — курс математики, на площади имени Каэтана Тыла — курс элементарной физики, перед хра-

мом св. Людмилы — курс кибернетики. Вацлавская площадь была свободна.

В институте Шимона приняла секретарша.

— Профессор Коваль в Индонезии. Я теперь уже не секретарь, а его заместительница. Что вам угодно? — Она была официальна и строга. — Институт расширился, построено восемь новых зданий. Ваше прежнее место занято. Если хотите работать у нас, подайте заявление. К нам ежедневно приходят сотни желающих. Вельдеси и Пятикин усовершенствовали ваш автомат, он работает теперь гораздо быстрее и точнее. Если у вас возникли какие-нибудь новые идеи, изложите их на бумаге и подайте в комиссию по изобретениям. Предупреждаю, что ждать придется не менее месяца. С тех пор как прежние виды труда исчезли, это у нас самый загруженный отдел. Не хватает мест ни в художественных кружках, ни в спортивном клубе. Теперь вам, инженерам, приходится ждать.

— Я не собираюсь вступать ни в какой кружок, — возразил Шимон и ушел.

Рабочее время стало ничтожно коротким. Люди проводили большую часть дня в кружках и клубах. Шимон увидел, как на спортивной площадке перед институтом группа работников тренировалась по прыжкам в длину. А проходя мимо будки привратника, услышал монолог тени отца Гамлета и мог поклясться, что узнал голос доцента Шубы. Наверняка актер из него такой же плохой, как и физик. Нет, ему, Шимону, такая жизнь не по вкусу. Он проходил мимо самых роскошных магазинов на Вацлавской площади и раздумывал,

что бы подарить Ольге. Ведь осталось же хоть что-то, сохранившее свою ценность. Сначала он хотел купить какой-нибудь замок или базу на Южном полюсе, но вся недвижимость стала общественным достоянием. Шимон остановился на золоте.

Выбрал чудесное, модное украшение, действительно роскошное. Его обслуживали две продавщицы — одна поопытнее, другая по красивее. Обе смутились, когда он хотел заплатить.

— Но почему? — спросил Шимон. — Неужели драгоценности тоже раздаются бесплатно?

Старшая продавщица откинула штору и показала ему мастерскую. В маленьком помещении находилось человек двадцать.

— К нам отовсюду идут бывшие токари, сварщики и специалисты по точной механике. Ювелирная мастерская кажется им землей обетованной. Они обеспечены, работают здесь безвозмездно. И как замечательно! Выбранное вами украшение сделано бывшей работницей-текстильщицей. Золота у нас сколько угодно — это дешевый металл.

Бауэр понял: научные исследования, ремесла, искусство и спорт — теперь главные области приложения энергии. И люди довольны, если могут работать, потому что скука от безделья — самое страшное, что можно вообразить. Как там, на вилле у моря, так и здесь, в центре города, наводненного товарами. Даже обслуживание покупателей может стать удовольствием, если это занимает только шесть часов в неделю; тогда радуешься ра-

боте, потому что видишь при этом новые лица, получаешь новые впечатления.

Когда он возвращался на аэродром, газетчики выкрикивали последние новости. По привычке он взял газету. Взглянул на заголовки, и на мгновение у него потемнело в глазах: «ДЕНЬГИ ОТМЕНЕНЫ!» Его счет в банке погиб. Он, Бауэр, будет таким же, как Мрачек с его обесцененными чековыми книжками. Деньги отменены!.. Он стал обыкновенным человеком. Презренным лодырем.

В приморской вилле его поджидал Мрачек. Уже подвыпивший. Шимон даже не удивился тому, что он здесь. Между Мрачком и последними новостями была какая-то связь. Но Бауэра ожидало нечто худшее. Ольга покинула его. Она ушла с каким-то молодым модельером. Они вместе демонстрируют индивидуальные модели. Этот юноша задумал поднять портняжное ремесло до уровня искусства, для каждого человека создать одежду из специального, своеобразного материала, соответствующего его характеру и внешности. Он пользовался большим успехом, даже когда предлагал для приморского пляжа римские тоги, а для Нюрнберга легкие, прозрачные латы. Залог его успеха в том, что он индивидуален и неповторим, никакой автомат его не заменит. А Ольга любит преуспевающих людей.

Бауэр несколько дней пил с Мрачком. Лишь через неделю старик отважился высказать свою просьбу:

— Прекрати все это, Шимон. Верни нас обратно. Ты этих дьяволов выдумал, ты их и уничтожь.

— Вы ничего не смыслите в физике, — печально усмехнувшись, ответил Бауэр. Он уже понял, что его изобретение обернулось против него.

Бауэр откупорил новую бутылку коньяку. Мрачек рассказывал, что ему удалось продержаться довольно долго. Когда уже невозможно было спекулировать новыми промышленными товарами, он занялся кружевами, потом антикварными вещами и, наконец, картинами. Но в городе открыли массовые курсы рисования, и теперь каждый встречный разбирается в картинах лучше Мрачека. За несколько месяцев в Роуднице обучили около двадцати новых художников; среди них один определенно талантлив.

— Наступил конец света! — выкрикивал пьяный Мрачек. — Наступил конец света! Отменили деньги. Пошли против человеческой природы.

В ту же ночь Мрачек покончил с собой. И не он один. Многие не выдержали бесконечных каникул у моря. А так как они умели только конкурировать со своими ближними или обманывать их, им пришлось уйти. Они вымирали как динозавры, как животные четвертичного периода при изменении климата. Шимон понял, от чего его хотела уберечь Ирена. Понял, что золотой век требует от каждого своего вклада. Эгоизм сейчас смертельная болезнь.

Шимон долго не мог найти работы — она стала редкостью. Пойти в институт к Ковалю он не решался. Ирена занималась биологическими исследованиями на Высочанах: там для

нее оборудовали несколько освободившихся заводских складов. Наконец его приняли туда для работы над физико-химическими проблемами.

— Я рада, что ты вернулся, — сказала Ирена.

— Почему?

— Потому что многие утверждают, будто люди не могут изменить свой характер, будто они никогда не приспособятся к веку изобилия, о котором всегда мечтали. А ты доказал, что это неверно.

— Выполнил роль морской свинки? Провел опыт на самом себе!

Он все еще чуточку жалел себя. Но не хотел кончить как Мрачек. Хотел жить. Ирена улыбалась ему. «Быть может, она простит... Живет ли она все еще в нашем домике?»

Ирена проводила Шимона в лабораторию. Заведующий, совсем еще юноша, внося его в список, переспросил:

— Бауэр? Шимон Бауэр? Занятно! Вас зовут так же, как изобретателя автомата. Интересно, какова судьба этого человека?

Бауэр ничего не ответил.

СТЕЛЛА С „ТРЕТЬЕЙ ЗВЕЗДЫ“

Сразу же после окончания института моего друга направили на работу в Западную Чехию. В те дни—весной пятьдесят второго—международная обстановка была особенно напряженной. В Корее и Вьетнаме шла война, в Западной Германии проводились бесконечные «большие маневры», и пограничный городок, в который попал наш доктор Z, походил на огромную казарму. Гражданского населения там почти не осталось, и лишь в горах еще ютились люди. Добираться к ним приходилось в санитарной машине, а в зимнюю непогоду на тракторе-тягаче или в санях.

Однако история, которую я передаю со слов моего друга Z, произошла с ним вовсе не зимой, а солнечным июльским утром. В это утро настроение у доктора Z было особенно скверным. Еще бы! Ему скоро двадцать семь, и похоже, вся жизнь пройдет в этом медвежьем углу! И только дежурства в областной больнице приятно нарушают монотонное течение жизни. Тогда прием на медпункте вместо него ведет его коллега, доктор Кминек. Увы,

Кминек постоянно находит всевозможные отговорки, чтобы увильнуть от работы: то у него болен ребенок, то жена затекает стирку, и он должен ей помогать, то ему необходимо ехать в Моравию к старикам-родителям. Все это Кминек преподносит с добродушной улыбкой, мило извиняясь, и отказать ему невозможно. Он старше и к тому же обременен семейством. Вот и сегодня у Кминека лекция на какой-то фабрике, и опять мой друг доктор Z не осмеливается протестовать... Но по этой причине у него было скверное настроение. И тогда он твердо решил: тряпкой больше не быть и обо всем заявить начальству! С какой стати он, доктор Z, должен приносить себя в жертву многочисленному семейству Кминека? Он отметил про себя, что этот человек неискренен, груб с медицинскими сестрами, по скупости вместо обеда ест лишь рогалик с колбасой и вообще — противный тип! Мой друг не переносил его. По какой причине — трудно объяснить. Он уже предвкушал удовольствие, готовясь немедленно позвонить заведующему. Но в этот момент два пограничника ввели в его кабинет странную особу.

С т е л л а

Ей было года двадцать три, не больше, объяснялась она по-немецки и по-английски, одета была в нижнюю сорочку, халатик, на ногах шлепанцы, крашенные волосы взлохмачены, словно она только что встала с постели.

В таком виде она и предстала перед глазами сержанта Горжейши: женщина шла по

запретной зоне, от границы в сторону городка. Сержант долго наблюдал за ней в бинокль. Странно! Ему уже приходилось видеть, как пытаются перебраться через границу в водолазных костюмах, подземными ходами или по воздуху, но никогда еще ни один нарушитель не появлялся в запретной зоне в халатике и шлепанцах... Сержант вызвал патруль, и неизвестная была задержана. Иностранка не пыталась бежать и не подняла руки вверх, как это обычно делают диверсанты; нет, она бросалась пограничникам на шею, обнимала всех по очереди, громко и с явным облегчением смеялась и кричала: *Freundschaft, friendship, Liebe...* — словно была на митинге, а не на границе под дулами автоматов.

Ее отвели в штаб. Женщина говорила по-немецки и по-английски с резким американским акцентом. Допрашивали ее недолго. Через несколько минут стало ясно, что она представляет интерес скорее для врача, чем для пограничников, так как переутомлена и находится во власти странных, бредовых идей. Вот так эта иностранка попала в кабинет доктора Z. Неизвестная понемногу приходила в себя: в штабе ее напоили крепким кофе, накормили плотным солдатским завтраком.

Она закурила сигарету «Честерфилд» и начала свой рассказ. Молодая женщина говорила спокойно и связно и лишь иногда с опаской поглядывала в окно.

Родилась она по ту сторону границы, в Баварии. При крещении ее нарекли Элизабет, но все звали ее просто Бетти, а после капитуляции, когда появились американцы, стали

именовать Бэсс. Потом Бетти попала в Бостон, и ей дали новое имя — Стелла — звезда. Ведь она была блондинкой, и вообще гёрлс всегда носят подобные имена. Во время войны Бетти вступила в Союз немецких девушек. Война окончилась, пришли американцы, ей было семнадцать, она встречалась с Гельмутом, и они хотели пожениться. Родители возражали. Гельмут был беден, а Бетти получила изысканное воспитание. С детства ей внушали, что она красива, и мать не сомневалась, что однажды за ней явится сказочный принц и увезет из деревни в золотой карете. И принц действительно явился. Был он уже не первой молодости, этот лысый коммерсант, приехавший в «шевроле». Он заметил Бетти в местном офицерском клубе, куда та ходила на танцы, и предложил ей ангажемент в Бостоне. У нее были длинные ноги, а публика требовала длинноногих, узкобедрых, мальчишеского типа девиц. В те времена в Германии можно было нанять девчонку и за тарелку супа... Тарелку супа и мечту о земле обетованной, где на каждом углу тебя ждет жених в роскошном авто с букетом цветов. Бетти раньше брала уроки ритмики, как это принято среди бюргерских семейств, и потому имела некоторое представление о своей будущей профессии. Родители были довольны. Почти вся деревня вышла провожать Бетти. Все, кто не одобрял ее любви к Гельмуту. Америка уже не казалась им враждебной и чужой. Богатые американские дядюшки открывали перед ними богатые перспективы. Гельмут остался один. Он вернулся с войны обмороженным, и

на прежнюю работу его не взяли. Гельмут обладал достаточно острым умом, чтобы понять всю жестокость судьбы и будничность своего существования.

Бостон, конечно, оказался совсем не таким, каким Бетти создала его в своих мечтах. Она утверждала, что ей там пришлось несладко.

Три года Бетти — Стелла выступала все в том же ревю «Огни Марса». Она была «летающей тарелкой», о чем говорил огромный круглый головной убор, смахивавший больше на велосипедное колесо или торт, чем на тарелку. Этот убор был ее единственной одеждой... Стелла так ни разу и не отважилась послать в свою католическую деревню ни фотографии этих «шоу», ни тем более свою расчетную книжку. Платили ей до слез мало, а надежды выйти замуж не было никакой. Она обнаружила, что здесь молодые мужчины ведут себя точно так же, как некогда вела себя она: для них брак лишь выгодная сделка или выгодный обмен личных качеств и богатства на женскую красоту. Главное в подобной коммерции — не прогадать. Стелла могла предложить им лишь длинные ноги, но ее ноги были ничуть не длинней, чем у остальных девиц кордебалета. Все они были одиноки и в лучшем случае заводили себе пожилого покровителя... В конце концов такого же «папашу» заполучила и Стелла. Он снял для нее — наконец-то! — скромную квартирку в высоченном доходном доме без лифта на окраине Бостона, на самом последнем этаже. Сам он карабкался сюда, выбиваясь из сил, потому что был толст и астматичен. Папаша заявлял-

ся к Стелле раз в неделю, и открывал дверь своим ключом. Частенько он наносил неожиданные визиты, чтобы убедиться в ее верности, хотя сам отнюдь не был праведником...

— Однажды вечером, весной этого года, — ах, что она говорит, — это было вчера вечером, — продолжала Стелла свой рассказ, — она возвращалась из театра домой...

— В Бостоне? — спросил доктор Z, будто невзначай, подсчитывая, как быстро может долететь до Европы новейший пассажирский самолет.

— Конечно.

— Вчера вечером? Значит, семнадцать часов назад? Стелла на минутку задумалась:

— Пятнадцать, — сказала она. — Пятнадцать с половиной. — ...Она распрощалась с подружками, которые по обыкновению тащили ее покутить, купила бутылку вина, опрокинула у стойки несколько рюмок виски и весело поднялась к себе на последний этаж. Захлопнула дверь и сразу поняла, что у нее гость.

— Ты опять за свое! Все шпионишь! — крикнула Стелла из прихожей вместо того, чтобы броситься ему на шею, как делала раньше. — Зря волнуешься... — кричала она из ванной комнаты, переодеваясь и поспешно прополаскивая рот, чтоб он не почувствовал запаха алкоголя.

— Я не какая-нибудь авантюристка... — Стелла набросила вот этот халатик и влезла в стоптанные шлепанцы. На ходу застегивая пуговицы, она вошла в комнату. — ...А сам вот уже два месяца не платишь за мою кварти-

ру... — Тут Стелла подняла глаза, взглянула на него и остолбенела. Он сидел на своем обычном месте, в кресле-ракушке, и, как всегда, курил гаванскую сигару. Но это был вовсе не он, а мужчина в комбинезоне, какие носят шоферы или механики, много меньше ростом, чем ее друг, и намного моложе его. Миндалевидные глаза делали его похожим на южанина, на итальянца из эмигрантов. На голове у незнакомца был шлемофон, как у танкиста, на коленях лежали наусшники.

— Что вы здесь делаете? Кто вы такой? — набросилась на него Стелла. — Я закричу, подниму на ноги весь дом, — пригрозила она.

Стелла всегда умела отбрить нахальных молодчиков с бесстыжими глазами, что пристают к девушкам; она знала, как охладить их пыл. Но этот! Влезть прямо в квартиру!

— Как вы сюда попали? Это разбой! Я вызову полицию!.. Откуда у вас мои ключи?

Замок в дверях, насколько она помнила, был в порядке. Но вместо ответа маленький человек протянул ей шлем.

— Что за шутки? Немедленно отвечайте или я закричу! Сейчас придет мой друг, у него связи в самом конгрессе, он вам покажет! — Стелла начинала бояться. Незнакомец поднялся и медленно направился к ней, держа шлем в руке; так дикарь приближается к белому человеку. Он протягивал ей шлем, словно демонстрируя свои добрые намерения. И вдруг Стелла услышала, что из него несутся звуки. Она осторожно взяла его в руки. Сочный и низкий мужской голос обращался к ней на безупречном английском языке:

— Извините, мисс, что я вас напугал, но у меня не было иной возможности познакомиться с вами, а я вас так люблю... Люблю, — подчеркнул голос из шлема, и человечек, который стоял напротив, покраснел.

— Кто со мной говорит, вы? — недоверчиво спросила она.

— Конечно. Ведь здесь нет никого, кроме меня...

— А почему вы не открываете рта, вы — чревоушатель?..

— Что вы, — молчащий человек не смог сдержать улыбки, — что вы, это я просто демонстрирую вам наше давнишнее изобретение...

— Довольно. Не утруждайте себя... Она попыталась сорвать наушники. — Я каждый день спускаю с лестницы десяток коммивояжеров, которые шляются по домам со всякими изобретениями. Но те по крайней мере хотят сбыть полезные вещи: пылесосы, шейкеры, холодильники. Предлагайте эту свою чепуху миллионерам...

— Умоляю вас, мисс... — заклинал Стеллу рассудительный голос, а его обладатель держал ее за руки. — Не отказывайтесь от моего подарка. Я не прошу у вас ни цента. Мне хотелось бы вам предложить... Я хочу вам подарить... Он покрылся испариной и снова снял ненадолго шлем, чтобы отереть платком лоб.

— А не можете ли вы сказать все это по-человечески? Может, вы меня разыгрываете? Меня не проведешь, не слишком-то я верю всякому, кто утверждает, что влюблен в меня...

Стелла бранилась до тех пор, пока на глазах у человечка не появились слезы. Он был, как видно, нервный, то улыбался, то пускал слезу, совсем как малое дитя. А потом окончательно сразил ее:

— Ведь я наблюдаю за вами еще с самой Германии. Я был так рад, что вы разошлись с Гельмутом.

— Откуда вы это знаете?

— Мне известно о вас все, иначе я не посмел бы явиться сюда. Кто, как вы думаете, вот уже два месяца задерживает вашего друга на фабрике? Я подсовываю ему всякие дела, только чтоб он не мог прийти к вам.

— Вы, очевидно, хотите испортить мне жизнь? — поинтересовалась Стелла.

— Нет, хочу сделать вас счастливой. Такой, какой вы были, когда приехали сюда... Помните ваши пирушки? Со мной вы сможете жить, где только пожелаете.

— Я никогда не пью.

— А бутылки в ванной? Я знаю о вас все.

— Но откуда? И почему? Уж не шпик ли вы часом? — испугалась Стелла. — Как вы могли следить за мной? Я всегда очень осторожна... Из-за моего друга. Я без конца оглядываюсь...

— И это я знаю, — шелестел голос в наушниках. Но вы никогда не смотрите вверх... — и он подвел ее к окну.

Стелла жила на самом последнем этаже. Рядом с пожарной лестницей, ведущей к трубе, трепыхалась на ветру веревочная лесенка, а между двумя домами в тени небоскреба парила летающая тарелка, точная копия той, что

Стелла каждый вечер напяливала на голову. Только побольше да постарей, словно покрытая слоем пыли. Стелла только присвистнула.

— Уж вы поверьте, джип, на котором меня когда-то возил капитан Вальтер, был поприличнее, — невозмутимо изрекла Стелла. С военными она привыкла иметь дело. — Вот было веселье — однажды в клубе...

— У нас еще повеселее... — заверил ее голос, и человечек поклонился. Стелла окинула его взглядом. Коротышка! Но помоложе ее «папашки». А главное, у военных есть много преимуществ перед штатскими. Стелла знала, как с ними обращаться.

— Вы специалист? — заворковала она. — Из спецотдела? Я встречалась с одним радистом. Но он не смел позволить себе ничего лишнего...

— Да, я из спецотдела... — печально улыбнулся военный.

— Офицер?

— Конечно...

И тогда она разрешила увести себя. Справедливости ради следует заметить, что по дороге домой она уже пропустила не одну рюмочку и что у нее был опыт общения с офицерами оккупационной армии.

Похищение

Апартаменты, в которые ее привез человек, были намного респектабельней офицерского клуба в Оберкайзерне. Мундиры офицеров сверкали золотом и серебром, а туалеты дам отличались роскошью. На их фоне Стелла выглядела совсем Золушкой, но вид ее

никого не шокировал, а даже если и так, все равно Стелла ничего бы не заметила, потому что общество за столом, включая дам, было в шлемах. Все женщины казались иностранками, среди них была даже молоденькая негритянка. Негритянка за одним столом с белыми? — удивилась Стелла.

Стелла уже давно обнаружила странную закономерность: определенный тип мужчин избирает определенный род войск, существует какое-то внешнее сходство между пехотинцами, танкистами, не говоря уже о летчиках... Но собравшиеся за этим столом особенно походили друг на друга. Все они были похожи на невысоких, с удлинёнными глазами итальянцев... Наверное, потому подбирают маленьких, чтобы они могли уместиться в летающих тарелках, — решила Стелла. — «Ведь и знаменитые жокеи тоже невысокие и легкие». У нее когда-то был и жокей. Он, конечно, не носил такого роскошного мундира и не мог пригласить ее к столу со столь изысканными яствами и шампанским...

Стелла была голодна. Она не заставила себя упрашивать — основательно выпила и закусила, развеселилась и принялась обучать собравшихся песенке, что поет их хор в «Огнях Марса». Ее кавалер успел снять промасленный комбинезон и привел ее в восторг своим сверкающим мундиром. Впрочем, ей нравились все, даже негритянка. Однако Стелла заметила, что ее веселья никто не разделяет. Мужчины, правда, учтиво подтягивают, но лица женщин похожи на застывшие маски. Она собралась было влезть на стол и исполнить

свой танец среди бутылок и рюмок, но тут поднялся пожилой, сидящий офицер, как видно, хозяин, и все смолкли. Стелла тоже замерла. Одна нога — на столе, халатик распахнут... Пожилой господин подошел к ней и торжественно, словно все это происходило в костеле перед конфирмацией, провозгласил:

— Примите наши поздравления. Я вижу, вы решили остаться с нами. Люблю отважных женщин.

— Подумаешь, что же тут такого? Я с Бобом каждую субботу ездила в Гармиш-Партенкирхен кататься на лыжах. Я знаю, что в армии часто меняют гарнизоны. Мне не впервой встречаться с вашими военными.

— С нашими военными? — удивился офицер, который оказался командиром этого гарнизона. — Едва ли... — и он галантно помог ей убрать ногу со стола. — Мы не земляне, мы совсем с другой планеты, — добавил он, словно извиняясь.

— Уж не с Марса ли? — расхохоталась Стелла. — Я знаю, как выглядят марсиане: мозг здоровенный, а тельце хилое, я их каждый день в нашей оперетке вижу...

— Чепуха, вымысел. Марсиане выглядят точно так же, как земляне. При определенных условиях жизнь во Вселенной развивается в одном направлении, сохраняя одни и те же формы...

Стелла вдруг все поняла и пришла в ужас. Они такие же, как и мы, вовсе не бесформенная протоплазма, не обнаженный мозг на паучих ножках и не зрячие стальные чудовища. Это показалось ей еще более страшным.

— Нет, не может быть, — она пыталась стряхнуть с себя алкогольный дурман, проти-
рала глаза и наконец обратилась к негритянке:

— Это правда? — Вы-то уж никак не мар-
сианка, или на Марсе тоже есть негры?

— Я из Гарлема, — ответила девушка. Но
я останусь здесь. Хватит с меня земных ра-
достей.

— Смотрите! — и она показала Стелле
свою руку, на которой не хватало двух паль-
цев. — Кому нужна калека? ...Я поеду с ними...

— Никуда я ехать не желаю, это похище-
ние, есть же на свете законы, только попро-
буйте меня заставить, я буду жаловаться,
ишь вообразили! — Стелла разошлась вовсю,
она кричала на командира, не стесняясь при-
сутствующих. — Ничего мне от вас не нужно,
немедленно отвезите меня обратно... Сейчас
же! — и она плотнее запахнула свой халатик,
словно ей вдруг стало холодно. Командир
молча повернулся к ее похитителю, вlepил ему
две звучные пощечины и закричал что-то на
противном скрипучем языке, полном шипя-
щих и гортанных звуков. Человечек лишь пе-
чально посмотрел на Стеллу и вышел. Ужин
окончился.

— Вашу просьбу мы обсудим. Я не пред-
полагал, что вы ничего не знаете...

Военные ушли, и женщины остались одни.
Они медленно расходились по своим комна-
там. Напрасно Стелла пыталась их удер-
жать — француженки, полька, норвежки и да-
же эскимоска из Гренландии, эскимоска,
очень похожая на марсиан, — они не понима-

ли ее. Все ушли, в комнате остались лишь Стелла да негритянка. По узенькой лестнице они поднялись в комнату негритянки, больше похожую на каюту. Воздух сюда поступал по узкой трубке под потолком.

— Ведь здесь нет воздуха, вот они его и делают, — объяснила негритянка и глубоко вдохнула слабый лесной аромат, подобный духам, которые когда-то разбрызгивали для полноты иллюзии в кинематографах.

— То есть как делают? — ужаснулась Стелла.

— Ведь мы очень далеко от Земли, своего воздуха здесь нет... Это база для их летающих тарелок.

— А вы-то как сюда попали?

— Им нужны женщины, а здесь женщин нет. Может быть, их жены не выносят космических перелетов, не знаю. Каждый уже себе кого-нибудь подыскал, только ваш...

— Мой? — вспыхнула Стелла. — Как он посмел? — Она вспомнила того узкоглазого, что увез ее из дома.

— Теперь, конечно, он жалеет, — сказала негритянка. — А вот машины у них гораздо совершеннее наших, и вообще они знают такие вещи, о которых у нас даже не подозревают. Но и жестоки они, скажу я вам, как средневековые инквизиторы. Моего командир приказывает иногда за чепуховую провинность бить до потери сознания. Обратите внимание, как дрожат у них руки. Они могут уснуть, только если надышатся каким-то специальным газом. Мой завидует, что я сплю сколько влезет, что у меня не болит голова, что я спокой-

на. И вообще — они слабые мужчины, — сказала она со вздохом.

— А как же они смогли все это построить? — огляделась Стелла.

— Наверное, именно потому и смогли...

Их беседе помешал командир. Он явился в комбинезоне, точно таком, какой она впервые увидела на своем похитителе. Очевидно, это была их рабочая одежда.

— Как вы решили, мисс? — зашелестел в наушниках его голос. У них у всех был совершенно одинаковый, неотличимый один от другого голос. Шлемы делали их похожими на гигантских муравьев... Командир стиснул руку Стеллы, будто они сидели в кино, и восхищенно взглянул на нее.

— Мы очень, очень не хотели бы потерять вас. Мы все, и я особенно.

— А я хочу домой, сейчас же вернуться домой!

— Извольте... — Командир поклонился и доставил ее в какой-то огромный гараж. Здесь стоял настоящий новенький «мерседес».

— Куда мы можем добраться на этом автомобиле? — возмутилась Стелла. — Я ведь отлично знаю, где мы...

— Я отвезу вас домой... Кому вы верите, мне или этой черной шлюхе?

Оказывается, расизм существует и на Марсе... Стелла влезла в машину и захлопнула дверь.

— Куда вас везти?

— Домой...

Двери гаража распахнулись, и через секунду они уже очутились возле Оберкайзер-

на. Стоял теплый июньский вечер, все было так, как она себе всегда представляла: толпа родственников, кузина с кислой улыбкой... Кузина после войны осталась дома, растолстела—ни в одни двери не влезает — и наплодила кучу детей с глазами навывкат, как у папаши.

«Мерседес» притормозил у костела, на пороге появился пастор, учтиво поклонился. Стелла хотела выйти, но командир вдруг нажал на газ.

— Тебя ждут дома, — сказал он.

Они помчались по аллее к деревне, где уже звонил колокол. Все было точно так, как Стелла себе представляла: она возвращалась с помпой, богатая, в роскошном автомобиле! Настроение у нее поднялось, она была счастлива... и сама взяла шофера за руку.

— Гельмут... — произнесла она. И вдруг взглянула на него. Действительно, возле нее сидел Гельмут...

— Гельмут! — удивленно воскликнула она. Но машина вдруг понеслась, все вокруг замелькало, как при ускоренной съемке: встреча с семьей, объятия отца, поспешное благословение, и при всем этом почему-то она не вылезала из автомобиля. Все время что-то скрипело, кто-то гундосил на марсианском языке, и вдруг стало совсем темно. Стелла лежала у Гельмута на груди, страстно целовала его, шептала его имя. Внезапно рядом раздался звук, словно лопнула какая-то стальная пружина. И Стелла поняла, что целует командира, что оба они сидят все в той же машине, на том же самом месте. Вокруг «мерседеса» метались два вспотевших механика,

а командир ругал их через плечо Стеллы. Она оттолкнула его. Командир осторожно вывел ее из автомобиля.

— Вы можете каждый день возвращаться домой. Этот автомобиль исполнит любое ваше желание. И в следующий раз не испортится. Мы придали ему тот прекрасный внешний вид, который так нравится вашим женщинам...

— Не желаю! Это же разврат...

— Так оно и есть, дорогая... — усмехнулся командир.

— Не желаю!

— Я знаю, сейчас вы скажете, что все это лишь подделка, но поверьте, мы уже вполне свыклись с таким порядком. Каждые десять дней мои подчиненные получают разрешение на такую поездку.

Он привел ее в зал, из которого во все стороны разбегались коридоры. У стены сидел дежурный, ноги его были прикованы к полу. Стелла робко поздоровалась с ним. Командир распахнул дверь в смежную комнату.

— Вот ваше жилье. Прошу...

Апартаменты, как в первоклассном отеле. Никакого сравнения с комнатухой негритянки. Ванна и три воздухопровода, закрепленные в разных местах. Великолепная спальня с широкой супружеской кроватью. И вдруг Стелла поняла: ведь тот человек, дежурный, прикованный к полу, был ее похититель. Ей стало страшно.

— Не желаю. Я заявила вам об этом достаточно ясно. Не останусь, даже если вы предложите мне Дворец наций! Я хочу уехать.

Тогда старый господин пришел в негодо-

вание: «Пусть она наконец поймет, что должна его благодарить! Ведь он предлагает ей спасение от катастрофы, помогает избежать страшного конца...» — кричал он. В какой-то момент ей показалось, что он сейчас набросится на нее с кулаками.

— Известно вам, какой конец ждет вашу планету в будущей войне? — вопил он. — Я это вам сейчас продемонстрирую! Глядите! — и он повернул ручку телевизора, стоявшего в углу. Это был большой телевизор, репродуцировавший предметы в натуральную величину.

Стелла увидела пейзаж, напомнивший ей окрестности Оберкайзерна, где они побывали минуту назад. Вокруг — ни души. Все выжжено и покорежено, все ядовито-желтого цвета, а по земле низко стелется черный дым. Лишь камни поблескивают. — Они расплавлены... — усмехнулся командир. — Камень превратился в стекло. Все исчезло, все, даже воздух...

— Но ведь это не Земля. Это не Оберкайзерн... — тихо заметила Стелла.

Командир выключил телевизор. Ухмыльнулся.

— Нет. Это то, что осталось от моей родины. Страна, где не сбылись мечты. Здесь сгорели мои возлюбленные, моя жена и дочери. Бомбы у нас оказались слишком мощными. Но вы вселяете в нас надежду. Вы — единственные во всей солнечной системе. Скоро. Скоро люди на Земле взаимно уничтожат друг друга, и на их место придем мы. Ваше оружие еще не настолько совершенно, чтобы уничтожить живые существа и не отравить атмосферу. С радиоактивностью умеем бороть-

ся только мы. Вот и заселим вашу планету. Долго это не протянется, поэтому мы спокойно ждем и выбираем себе страны. Страны и женщин. Где вы хотите жить? Мы одни можем занять целый континент и поселиться там. И скоро...

— Откуда вы знаете, что это будет скоро? А что если люди договорятся?

Командир опять ухмыльнулся.

— Я уже говорил вам, что люди не любят перемен. В определенных, одинаковых условиях общественное развитие протекает одинаково — это всеобщий закон. Вас ждет тот же конец, что и нас. Только оружие у вас не такое мощное. Из всех людей, которых вы знаете, уцелеете вы одна. Теперь понимаете, что вам предлагают?

— Я выхожу замуж — там, внизу, — солгала Стелла.

— Я знаю о вас все. И никуда не отпускаю, — он резко повернулся на каблуках и, сжимая в руке ключ, решительно шагнул к двери.

— Постойте... — задержала его Стелла.

Побег

Если даже рассказ Стеллы и был правдив, свою роль в этой истории она все-таки приукрасила. Ей хотелось показать себя в более выгодном свете. Удивительно — она совершенно хладнокровно объявила, что собиралась танцевать на столе, но упорно подчеркивала, что ни разу не обняла своего командира и ни в чем ему не уступила. Однако она созналась, что разрешила ему, поцеловать себя — «только по-

целовать» — настаивала она, словно марсиане были какими-то нечистыми животными. Поцелуй или кое-что иное, — но факт остается фактом: маленький диктатор, командир марсианской базы летающих тарелок, на следующий день разрешил Стелле вернуться домой.

— Я привела неоспоримый довод, — объясняла Стелла доктору Z.

— Вдруг меня словно осенило. Ведь здесь нет ничего из моих вещей! Не стану же я бегать раздетая только из-за того, что понравилась командиру. Даже у негритянки, и у той есть вечерние туалеты. Мне пообещали одежду с их складов, но я-то прекрасно понимаю, что у них может быть лишь военная форма.

— Я не собираюсь вступать в вашу армию, — ответила я. — Внизу, на Земле, я на всем сэкономила, чтобы купить себе что-нибудь попримочней. Нет, если хочешь, чтоб я ехала с тобой, отпусти меня за вещами. — И он отпустил.

Мне дали в провожатые пожилого лысого человечка; он все время подмигивал одним глазом и беспрестанно отирал со лба пот. В его глазах застыла тоска.

Лишь теперь, садясь в летающую тарелку, Стелла поняла, как же пьяна была она вчера, если не испугалась этих странных приборов на пульте управления, этого магического ока и световой сигнализации! Как она сумела вылезти из своего окна на десятом этаже и подняться по веревочной лестнице? Сегодня на такой подвиг она бы уже, конечно, не отважилась. Итак, Стелла заявила, что хочет в Оберкайзерн. Там можно приземлиться на равнине, и

она будет чувствовать себя уверенней. Ей давно уже хотелось побывать дома, но всегда было жалко денег; теперь она извлечет из своего похищения хоть какую-то пользу. Стелла немного трусила, когда ее усадили рядом с пилотом.

Вскоре перед ними вынырнула Земля; она блестела, словно Луна — ведь тарелка находилась на одинаковом расстоянии и от Земли и от Луны, а через минуту Земля превратилась в глобус, совсем такой, какой стоял у них в школе, в географическом кабинете. Она могла бы поклясться, что это именно он. Скандинавия была окутана туманом, а над Сибирью шел снег. Так ей объяснил пилот. Больше они ни о чем не разговаривали.

Когда Стелла увидела под собой внизу Европу, с итальянским сапогом на Юге, на глаза у нее навернулись слезы. Потом она узнала Рейн и Дунай. Сердце сжалось от тоски. И вдруг она поняла: нет, люди не смеют погибнуть так глупо, как эти сумасшедшие марсиане: люди мудры.

— Почему бы вам не попытаться заселить какую-нибудь другую планету? — спросила она пилота. — Скажем, Юпитер? Здесь ваш номер не пройдет. Никому не хочется из-за вас умирать.

— Мы пытались занять Венеру, — ответил он, — но дело обернулось скверно. Большие потери. Нас осталось мало. И потому мы должны ждать.

— Жаль. Думаю, вы не дождетесь...

— Время терпит. Вот уже несколько поколений наших блуждает по Вселенной. Наши

предки собирались переселиться на вашу планету еще давно, когда у вас шла тридцатилетняя война. И зря не переселились. Рапиры были бы нам не страшны...

— И давно вы шпионите за нами? — обозлилась вдруг Стелла, будто кто-то признался, что уже долго подглядывает, как она раздевается.

— Говорят, что наш командир помнит англо-бурскую войну, битву при Тобруке. Я, знаете ли, хотел бы поселиться в Африке. Люблю тепло и потому с особенным интересом наблюдаю за этим континентом.

— Вы вроде ангела-хранителя? — съязвила Стелла.

— Да. Охотнее всего я отправил бы своих подопечных на небеса, как вы правильно изволили заметить. Пора нам и отдохнуть.

В этот момент они очутились у Оберкайзерна, но по недосмотру пилота приземлились у холма на чехословацкой стороне границы.

— Доктор Z, скажите солдатам, чтобы они открыли огонь! Чтобы послали самолеты. У вас будет первая в мире летающая тарелка. Вы станете знаменитым! Убедите их, что я не сумасшедшая, скажите им это. Если вы не уничтожите тарелку, меня снова украдут, вы же сами понимаете, теперь они будут меня стеречь. Мне и шагу не дадут ступить одной. Вернусь к Гельмуту, он меня спасет, я никуда больше не хочу, хочу жить с ним, хочу быть здесь, как моя кузина, пусть у нее лупоглазые дети...

— Значит, вам кажется, что вас преследуют... — снова спросил доктор Z и стал быстро перелистывать справочник.

— Подходит... — сказал он сам себе вполголоса. — Это подходит; у нее психическое заболевание...

— Не ройтесь в своей книжке, а скажите им, пусть бегут к холму и сами во всем убедятся...

— Трудно, — сказал доктор Z, — гора, на которой, по вашему утверждению, вас высадили, находится на самой границе. Мы не имеем права; может быть спровоцирован пограничный инцидент.

— Но ведь решается наша общая судьба. Мы должны между собой договориться, ведь не хотим же мы погибнуть, как они, как их планета...

— Итак, вас преследуют, — сказал доктор Z. — А доказать вы ничего не можете. И при этом абсолютно убеждены... Абсолютно... — Доктор Z принялся уговаривать ее. Может быть, она убежала от какого-то офицера, с той стороны...

— Тогда ваши увидели бы меня раньше, у самой границы...

— Может быть, вы убежали откуда-нибудь из окрестностей?

Личность ее установить было невозможно, документов при ней не оказалось, она показывала лишь пачку «Честерфилда», но сколько их попадает к нам! Подчеркивала свое американское произношение, но сколько женщин говорит здесь по-немецки или по-английски с американским акцентом! Она демонстрировала свой нейлоновый халатик, но такие вещи уже давно встречаются и у нас. Требовала, нако-

нец, чтоб мы помогли ей связаться с американским послом. Отказать ей в этом мой приятель, естественно, не мог. Остановка была за малым: захочет ли американский посол связываться с ней. Она дала свой точный адрес в Бостоне и в Оберкайзерне... А потом доктор Z проводил ее в свою комнату на втором этаже виллы, дал снотворного и пожелал спокойного сна. Обругав недоверчивых чехов, она легла, зевнула и тут же уснула. Затем моему другу, доктору Z, позвонили из местной психиатрической лечебницы. Оттуда никто не сбежал, но они посылают специалиста... Из посольства сообщили, что выехал четвертый секретарь. Случаем заинтересовались высшие военные круги в Праге. А что если это какая-нибудь новая форма шпионажа? Не так уж трудно соорудить вертолет в форме тарелки и посадить его в пограничных горах; диверсанты спустятся вниз, а дурацкая история послужит ширмой, чтобы сбить с толку пограничников.

Обо всем этом доктор Z, естественно, не знал; он продолжал свою обычную работу. Пациенты роптали. Иностранка — иностранкой, а когда человек болен, он прежде всего думает о себе. После обеда приехал специалист из психиатрической лечебницы. Внимательно выслушал подробности. Этот врач был сверстником моего друга, но уже посматривал на сельских медиков эдак свысока.

— Случай ясный, коллега. У меня нет и тени сомнения. Зря тратили время, учили вас. Или, может быть, вы сами подвержены таким же галлюцинациям? — Он скорее готов был заподозрить доктора Z в душевной болезни, чем

на мгновение допустить правдоподобность этой истории...

— А объяснение...

— Объяснение — это уже не мое дело. Солдаты сами должны узнать, как она сюда попала. До тех пор пока вы не перестанете верить в марсиан, во все эти преследования и радиошлемы, марсиане всегда будут к нашим услугам, — он громко и высокомерно разглагольствовал, поднимаясь по лестнице на второй этаж вместе с доктором Z и санитаром. — Вы могли бы ее послать прямо... — и он отворил двери.

Все смолкли.

Комната была пуста. Постель беспорядочно смята, подушка отброшена в угол, все покрыто перьями, окно распахнуто настежь...

— Значит, за ней все-таки явились. И как я об этом не подумал? — прошептал мой друг доктор Z.

— Кто? Я ничего не вижу. За кем? Что вам мерещится? Коллега, вам следует поехать с нами, вам, вероятно, самому нужна медицинская помощь...

К счастью, подоспел автомобиль пражского командования и лимузин из американского посольства. Прибывшие лишь пожимали плечами. Не было никаких фотографий, ни каких-либо других доказательств, кроме показаний свидетелей да окурка сигареты «Честерфилд».

— С точки зрения медицины случай исключительный; будем наблюдать, не появится ли что-либо подобное в округе, — заявил врач из психиатрической лечебницы и уехал.

— Рафинированная шпионка, — провозгла-

сил полковник из Праги. Задержала вас своими баснями, а в это время ее сообщники проникли на нашу территорию и потом вытащили ее через окно. Их миссия выполнена. Поздравляю!

— Наверное, ее тут успели обратить в коммунистическую веру, — подумал четвертый секретарь посольства. — Одна из тех сумасшедших, скучающих баб, которые воображают себя Матой Хари и рвутся за железный занавес. Наверное, в конце концов решила работать на них, вот почему им теперь о ней «ничего не известно»...

И лишь мой друг доктор Z считал исчезновение Стеллы прямым доказательством ее искренности и начал верить ее рассказу. Он был убежден, что на космической базе ей живется лучше, чем в Бостоне. И все-таки для полной уверенности написал по адресам, которые Стелла ему дала. Довольно скоро из Америки пришел ответ: «Некоторое время назад мисс выехала в неизвестном направлении».

Из Оберкайзерна почта доставила письмо на ломаном чешском языке — «Что я должен писать тебе? Фсе ошень скоро опъяснят unser танки!» — подписанное одним из судетских переселенцев — Гельмутом.

Такие письма, безусловно, радуют марсиан. Наша ненависть друг к другу сокращает срок их ожидания.

Доктор Z после этой истории очень изменился. Он забавляет теперь ребятишек коллеги Кминека; катает их на плечах и покупает им печенье. Оказывается, люди способны любить друг друга.

ИДИОТ ИЗ КСЕНЕМЮНДЕ

Его выгнали из первого класса потому, что он был невнимателен, забывчив, туп, постоянно дрался и в конце концов запустил в учителя чернильницей. Явно выраженная олигофрения, врач даже не обнадеживал. И все-таки жена инженера Габихта любила этого ребенка больше всего на свете. Она заметила у него склонность к счету и до войны держала гувернантку, пожилую даму, которая за ним смотрела. Звали этого мальчика Бруно.

Рассказал мне о нем один мой родственник, который во время войны попал в Ксенемюнде, где жил у некоего семидесятилетнего преподавателя. После загадочного налета на Ксенемюнде четвертого октября этому учителю пришлось заменить у Габихтов гувернантку. До того союзники ни разу не бомбардировали Ксенемюнде. Важных объектов там как будто не было. Только подземный завод, на котором делалось что-то секретное, но что именно, никто не знал. И вдруг в ночь на четвертое октября бомба небольшого калибра упала на домик, где жила гувернантка, и убила ее. При этом

командование клялось, что поблизости не появлялся ни один вражеский самолет. Поговаривали о дальнобойных орудиях. Но зачем английским дальнобойным орудиям понадобилось обстреливать из Дувра домик гувернантки, оставалось непонятным.

Старый учитель охотно принял предложение пани Габихт. Он прирабатывал частными уроками, так как пенсии не хватало, чтобы покупать картофель на черном рынке. Ему не сказали, что Бруно идиот, но при первой же встрече он и сам понял все. У этого пятнадцатилетнего парнишки было лицо шестилетнего ребенка, а некоторыми повадками он вообще напоминал грудного младенца. В течение часа он умудрился броситься за мухой и ни с того ни с сего проглотить ее, засунуть себе в нос самописку и облить брюки учителя суррогатным кофе, который пани Габихт сварила для него. Учитель встал и хотел немедленно уйти. Отчаявшаяся мать долго уговаривала его, повысила плату за уроки и пообещала ежедневно кормить его ужином, только бы он согласился заниматься с Бруно. А мальчик, словно решив подольститься к учителю, стал перед ним, вытянув руки по швам, и отбарабанил таблицу умножения и таблицу логарифмов.

— У него потрясающая память на числа. Он запоминает их молниеносно, — рассказывала мать. — Знает наизусть всю телефонную книжку Ксенемюнде.

Бруно тут же продекламировал первые шестьдесят номеров с адресами абонентов. Но правописание он постичь не мог, с историей не справлялся, не умел правильно прочитать ни

одной фразы. И это в пятнадцать лет! Учитель каждый раз считал минуты, оставшиеся до ужина; никогда время не тянулось для него так томительно, никогда в жизни он не питал такого отвращения к ученику.

Спустя месяц он как-то увидел, что Бруно избивает на улице детишек, раздает восьмилетним ребятам подзатыльники, подставляет им подножки и пинает их, когда они падают.

— Бруно! — издалека закричал учитель, но из-за одышки быстро подбежать не смог, и идиота усмирила хозяйка мясной лавчонки, наблюдавшая за этой сценой.

Она схватила Бруно за шиворот — это была могучая женщина — и просто-напросто перебросила его через ограду в садик виллы Габихтов. А детей увела к себе и там обмыла их ссадины.

— Он то и дело на них нападает, — объяснила она пораженному учителю. — Идиот проклятый! Ему место только в сумасшедшем доме. Если бы папенька не занимал такой высокий пост, его давно бы туда отправили. Все поражаются, как вы там выдерживаете.

Ужин в этот день был особенно сытным, а в суррогатном кофе чувствовалось даже несколько зернышек натурального. Да и Бруно вел себя спокойно, только все время упрямо глядел куда-то в угол. И учитель опять не решился отказать от урока.

Следующей ночью город был снова потрясен катастрофой. Лавчонка мясника напротив дома Габихтов была уничтожена таким же образом, как дом гувернантки: бомбой небольшого калибра или артиллерийским снарядом.

Снаряд, по-видимому, влетел через окно в помещение и разнес его. Жена мясника погибла.

На следующий день во время урока Бруно то и дело усмехался. Учителю стало жутко.

— Присматривает кто-нибудь за вашим мальчиком в течение целого дня? — осторожно спросил он после ужина пани Габихт.

— Никто. Он прекрасно ведет себя. Целый день играет на веранде. Муж ему там устроил маленькую мастерскую.

— Нельзя ли взглянуть?

— Нет! — громко и яростно крикнул побагровевший мальчик.

— Он никого туда не пускает, — объяснила мать. — Это его царство, — заговорщически подмигнула она учителю. А провожая его к калитке, добавила: — иногда я наблюдаю за ним в замочную скважину. Он целыми днями возится с детским «Конструктором» и несколькими деталями, которые муж принес ему с завода. Совершенно безобидное развлечение.

— Вы думаете? — спросил учитель, еще раз взглянув на сгоревшую мясную. — За таких ребят никогда нельзя поручиться. Его следовало бы поместить в больницу.

Но пани Габихт страшно рассердилась: значит, и учитель перешел на сторону соседей, ненавидящих ее Бруно.

— Ошибаетесь, я даже привязался к нему. Мне его жаль. Я думаю, в больнице он был бы счастливее.

— Никогда! — топнула ногой пани Габихт. — Пока я жива, этого не будет!

На следующий день учитель сам решил проверить, что за лаборатория у Бруно. Из калит-

ки он прошел прямо на веранду. Мальчик даже не заперся там. Учитель увидел, что он мучит связанного котенка, присоединив его к катушке Фарадея. Котенок был уже полумертвым, когда учитель попытался его спасти. Бруно не отдавал котенка. Они молча боролись; мальчик издавал какие-то нечленораздельные звуки, а у учителя опять разболелось сердце. Пришлось прибегнуть к крайним мерам. Учитель ударил Бруно по голове. Мальчик отскочил в угол и с ненавистью смотрел на него.

— Крумм! — прохрипел он. — Ты — Крумм!

Фамилия бывшей гувернантки Бруно была Крумм, а учителя — Бреттшнейдер. Мальчик это прекрасно знал. У учителя мороз пробежал по коже. В этот день он даже не приступил к уроку, уклонился от встречи с пани Габихт и отправился на завод, чтобы повидать ее мужа.

Все здесь напоминало жилище каких-то сверхъестественных насекомых. Его вели длинными подземными ходами, два солдата шли впереди него, два — позади. Габихт принял его раздраженно.

— Я понимаю, мой сын способен что-нибудь натворить. Он озорник. Но не допускаю, чтобы он мог быть повинен в этих катастрофах.

— Увидим, — сказал учитель. — Сегодня я ни за какие блага в мире не буду ночевать в своей квартире. Можеге вместе со мной дежурить в саду.

Учитель жил в маленьком домике у вокзала.

— Извините, но у меня своих дел хватает, куда более важных... — возразил инженер Габихт.

Однако утром он прибежал в сад. Ночью дом учителя был уничтожен небольшим снарядом, взорвавшимся прямо в его постели. Учитель со своего наблюдательного поста ясно видел кривую баллистического снаряда — он был величиной с кулак и оставлял огненный след.

— Я немедленно иду к командованию городского гарнизона, — заявил учитель. — Пойдете со мной?

Их принял начальник гарнизона, майор фон Шварц, в ведение которого входил и завод.

— Странная история... Действительно невероятная! А вы такую возможность допускаете? — обратился фон Шварц к инженеру. — Может ваш сын быть виновником этих катастроф?

Габиخت не знал, что и сказать. Он краснел, бледнел, пока фон Шварц не заорал на него.

— Я должен признаться, господин майор, — сказал инженер, — что как-то приносил домой планы нашего секретного оружия «Фау-2». У нас в конструкторском бюро было так много работы, что мы с ней не справлялись за день. Может быть, мальчик как-нибудь до них добрался. Ведь он способен очень многое запомнить. В некоторых вещах он весьма сообразителен. Никто не может сказать наверняка, что происходит в его голове...

Это признание предопределило судьбу старого учителя. Во-первых, он узнал, какое секретное оружие изготавлиют на заводе. А во-вторых, сынишка инженера был, бесспорно, важнее того, кто его разоблачил. Учитель исчез в концентрационном лагере. И это, в сущности, его спасло.

— Ваш Бруно, вероятно, гений, — говорил фон Шварц, когда вместе с Габихтом и поваром комендатуры ехал к Бруно.

— Он идиот, — возразил Габихт. — У нас есть врачебное свидетельство.

— Тупица! Неужели вы не понимаете, какую проблему решил ваш сын? Вы сами и двадцать вам подобных не можете добиться, чтобы наши снаряды поражали определенную цель, не умеете ими управлять. А этот пятнадцатилетний мальчишка направляет их прямо в окно с точностью до полуметра! Понимаете, как важно, чтобы снаряды «Фау-2» могли разрушать в Лондоне заранее намеченные объекты и нам не приходилось бы выпускать их наугад?!

Габихт совсем растерялся.

— Но я никогда не приносил домой планов прицельной стрельбы.

— Разумеется. Потому что их не существует. Их разработал ваш сын.

Фон Шварц приказал повару распаковать свои свертки. Впервые за четыре года войны повар сбивал натуральные сливки для парижского торта, наполнял трубочки кремом и растирал масло для слоеного теста.

Бруно накинулся на лакомства, как свинья. Буквально зарылся в них носом. А пани Габихт причитала, что он испортит себе желудок. Фон Шварц стоически ждал. Наконец мальчишка отвалился и хотел убежать.

— Постой! — майор схватил его железной рукой. — Такие сладости будешь получать каждый день, если расскажешь нам, как ты это делаешь!

— Что? — спросила мать. — Он ничего не делает, он послушный мальчик.

Но майор оттолкнул ее к стене.

— Как ты нацеливаешь свои снаряды? — заорал он прямо в ухо Бруно. — Признавайся, пока я не исполосовал тебе зад! — И вытащил из-за голенища хлыст.

Он взмахнул им, и пани Габихт упала в обморок. Никто не приводил ее в себя. Мальчик упрямо смотрел в угол комнаты, слизывая своим чересчур большим языком оставшиеся на подбородке крошки. Видимо, он ничего не понял. Он даже не сопротивлялся, когда майор его бил. Лицо Бруно при этом было лишено всякого выражения.

Фон Шварц сломал свой хлыст, вспотел и у него перехватило дыхание. Тогда он отпустил мальчишку и крикнул Габихту:

— Если к утру не выясните, как он это делает, ответит вся семья! Вместе с родственниками, — добавил он, выходя из комнаты.

Под окнами эсэсовцы уже выскакивали из машин, чтобы оцепить дом. Фон Шварц, сидя в автомобиле, все еще ругался. В этот вечер он отправился выспаться в казарму и так и не вернулся в ратушу. Там оставалась только хорошенькая секретарша, вывезенная им из Италии в начале войны.

Ночью она погибла вместе с другими служащими, так как канцелярию в ратуше разрушил небольшой снаряд, который на этот раз пробил крышу и сжег все здание до самого фундамента. В казармах была объявлена тревога. Майор, вооружившись тяжелым парабеллумом, отправился к Габихтам.

— Где мальчишка? — сухо спросил он инженер.

Родители дрожащими голосами ответили, что он спит. Его нашли на веранде. Он монтировал ракету на игрушечном ракетодроме.

Фон Шварц пристрелил его сзади, выстрелом в затылок. Пани Габихт набросилась на него, хотела вырвать у него пистолет, она обезумела от горя, рвала на себе волосы и одежду.

— Что он вам сделал? Убийца!

Майор попытался ей объяснить:

— Мы не можем позволить, чтобы кто-нибудь убивал своих близких в отместку за всякую мелкую обиду. И к тому же применял для этого самую современную технику. Он идиот.

— А что делаете вы? Скольких людей убиваете вы в Лондоне своими снарядами? Чем вас обидел любой из этих англичан? У вас нет никаких оснований для таких убийств. Все вы идиоты, все!

Фон Шварц хотел немедленно арестовать ее, но тут раздался вой сирены.

— Не надо объявлять тревогу! — крикнул фон Шварц в телефонную трубку. — Я уничтожил источник опасности...

В ответ на это зажигательные бомбы посыпались на жилые кварталы. Союзники открыли тайну Ксенемюнде. Этот налет стоил жизни четверти населения города. Погиб и инженер Габихт. Некоторые жалели его. Говорили, что он был замечательным инженером. Одним из первых создателей ядерного оружия. Гением.

ТРАКТАТ О ВОЗДУШНЫХ КОРАБЛЯХ

Считаю, что подлинным изобретателем воздушного корабля был чех. Звали его Иржи Тума, он когда-то учился на жестянщика. Историки и поныне ведут споры, кто из французских изобретателей первым создал воздушный корабль. Неспециалисты связывают представление о воздухоплавании с именем графа Креппелина, в честь которого некогда был назван один из видов управляемых воздушных шаров.

В действительности, Креппелин обворовал нашего Туму. Они встретились в Гамбурге. Граф тогда собирался выйти в отставку. В прошлом он успешно подвизался на дипломатическом и военном поприще: молодым участвовал в войне Севера против Юга, завоевывал Париж под командованием Бисмарка, потом мечтал уже о завоевании всей Европы. Он весьма быстро сообразил, каким образом можно осуществить идеи безногого Тумы, который вот уже несколько лет просил милостыню как раз напротив графской канцелярии.

Тума остался без ног в австро-прусскую кампанию, будучи совсем еще молодым парнем; он разжился тележкой и, прося подавание, обошел пол-Европы. Безногий на тележке отталкивается руками, обмотанными тряпьем, беспомощно катится по городским улицам, по которым здоровые легко бегают, — все это производило впечатление, и прохожие бросали мелочь не считая. Так Тума путешествовал из города в город. Но в Гамбурге он осел: безногих здесь было множество, главным образом благодаря имперской политике, известной в те времена своими международными авантюрами. В Гамбурге, человек, который ползет по городу на тележке, никого не удивлял. И Тума радовался, если хоть раз в два дня ему удавалось набить брюхо объедками. Среди безногих не существовало ни вражды, ни конкуренции, как можно было бы предположить, скорее наоборот. Калеки и в своем нынешнем бедственном положении не забывали тяжелейших страданий прошлого — это были уличные философы. Кстати, в одном заброшенном домишке у них имелся своего рода клуб, где можно было переночевать. Они держали там служителя — бывшего боксера, — который охранял их от воров и грабителей, ибо случалось, что нищих грабили, когда они возвращались с промысла; ведь сами себя они не могли защитить.

Однажды вечером Тума размышлял:

— Если у нас хватает на жалованье Францу, то почему бы нам не прикупить еще немного и не доставить себе удовольствия время от времени смотреть на мир с высоты — глядеть

свысока на тех, на кого мы вечно взираем снизу вверх...

Никто ничего не понял. И Тума пояснил свою мысль. Когда-то в молодости ему довелось несколько раз подниматься на воздушном шаре. Это было излюбленным развлечением в дни народных гуляний еще со времен братьев Монгольфье, а теперь этот аттракцион усовершенствовали в Пруссии, где подумывали о том, чтоб применить воздушные шары для военной разведки. Но у Тумы была совсем другая идея: он хотел построить управляемый воздушный шар, нечто вроде воздушной лодки или воздушного корабля. Во всяком случае, так он об этом говорил. Уже несколько человек до него пытались создать такой шар. Но у них ничего не вышло, хотя они и располагали средствами куда более значительными, чем Тума. И вот теперь Тума покупал на пфенниги, стертые нищенские пфенниги, прорезиненную материю, различное оборудование и баллоны с водородом. Но до серьезного эксперимента дело не дошло. Так и не взмыл в небо управляемый безногими воздушный корабль, который мог всех их отвезти на какой-нибудь райский остров, где поселились бы одни безногие, — так что и завидовать им было бы некому. Этот корабль не взлетел в небо главным образом потому, что у строителей не хватило денег. После африканских экспедиций ряды безногих в Гамбурге выросли, и теперь подавали только тем, кто, кроме культи, мог похвастаться какой-никакой медалью за храбрость или рассказать о недавних подвигах в Камеруне. И безногим пришлось расстаться

с Францем, своим телохранителем, и снова прятаться где попало.

Поэтому, когда Креппелин предложил Туме место, инвалид пришел в восторг. За последнее время его постигло немало неудач, но как-то Тума все же построил совсем маленькую модель воздушного шара, которую он подвешивал в ветреные дни к своей тележке и таким образом передвигался по улицам. Прохожие весело смеялись, но подавали не больше, чем обычно.

— Раз он смог обзавестись воздушным шаром, зачем же просить подаяние, — думали они. — Скорей всего, это один из тех богатых попрошаек, которые держат в банке миллионы.

Один только инженер Креппелин оценил по достоинству подобную техническую смекалку и увез Туму на Боденское озеро. Там, на заводах Креппелина, уже некоторое время втайне разрабатывались проекты управляемых воздушных кораблей. Тума высмеял эти проекты. До сих пор было известно лишь об испытаниях управляемого воздушного шара «Ля Франс». Собственно говоря, это был обычный воздушный шар с бензиновым мотором, установленным в корзине. Таким образом, к силе ветра прибавлялась еще сила мотора, но все это устройство не поднялось в воздух и двух раз. Тума же предложил не шар, а сигарообразный баллон-носитель. Мы часто забываем, что воздушные корабли того времени могли подняться в воздух только с помощью огромного баллона, по величине вдвое превосходящего собор св. Вита на Градчанах. И Креппелину при-

шлось заключить соглашение с владельцем алюминиевого завода и вдобавок пообещать ему в жены свою дочь. Вскоре Тума осуществил свои идеи. Долгие годы он наблюдал за кораблями в гамбургском порту и только о том и мечтал, как бы построить воздушный корабль, который облегчит тяжелую участь безногих на земле. Уже тогда он конструировал маленькие действующие модели из вощеной бумаги, наполненные теплым воздухом. Итак, в воздухоплавании у Тумы было больше опыта, чем у других инженеров на заводах Боденского озера. Он работал быстрее и лучше всех. Но тут была еще одна причина. Он влюбился в барышню Креппелин. Естественно, трудно представить себе любовь более несчастную, чем любовь Тумы. Каким образом безногий жестяник мог преуспеть у этой нордической красавицы, которая в своих литовских родовых поместьях скакала на коне без седла, ежедневно играла в гольф и теннис, неустанно тренируя свое безупречное тело.

Да он и не тешил себя надеждой. Редко когда ему удавалось поговорить с красавицей, хотя она и находилась неотлучно при отце, которого боготворила настолько, что ради него даже обручилась с облезлым заводчиком. Итак, Тума мог видеть ее только тогда, когда появлялся с новыми предложениями, рассчитанными на усовершенствование корабля, который уже вырастал на плавучей верфи у Фридрихсгафена, посреди озера, охраняемый днем и ночью. А граф с удовольствием беседовал с безногим чехом. Да и в разговорах с до-

черью граф часто упоминал имя Тумы, и однажды красавица улыбнулась безногому.

А как радостно она смеялась в день первого испытания! Они были на палубе только втроем: старый граф, его дочь и Тума, который, казалось, осуществил свою мечту. Он поднялся над землей, он сидел за рулем, укрытый пледом, в низко надвинутой фуражке; уверенной рукой он вел корабль. Земля стлалась внизу, и он сам себе казался ангелом.

Вдали виднелись Альпы, на севере — дунайская равнина. Креппелин обнял его, а дочка благодарила со слезами на глазах. Это было уже на обратном пути. Тогда и Тума попытался обнять барышню. Но он переборщил. Она отпрянула и вскрикнула, будто к ней прикоснулась жаба. Граф, нервничая, смотрел вперед. Не мог же он делать выговор Туме в такой ответственный момент. Ведь всегда самое сложное в полете — посадка. Он только кивком головы указал, куда лететь. Слезы стояли в глазах Тумы. И он еще долго не мог опомниться, даже когда на верфи ему вручили кресло новой конструкции, которое граф подарил ему в знак признательности. Кресло было снабжено двумя цепями передач, так что напоминало велосипед. А Тума вместо благодарности спросил Креппелина:

— Так я пошлю телеграмму в Гамбург?

Но граф давно позабыл о своем обещании. Нанимая Туму, он сделал вид, будто принимает и его план: построить воздушный корабль, весь экипаж которого состоял бы из безногих, готовых посвятить всю свою жизнь

воздухоплаванию; ведь тогда вместо ног у них бы выросли крылья.

Креппелин покачал головой, а его дочь повернулась к Туме спиной и спустилась в моторную лодку, которая покачивалась на воде. Лодка быстро доставила их на берег. Слуги помогли Туме высадиться.

И там граф увидел высших офицеров прусского генштаба, которые стали его поздравлять и, пытаясь перещеголять один другого в любезностях, льстили его дочери. Проект, который военное министерство некогда отказалось финансировать, теперь одобрили в один момент. Граф принимал как должное благодарности и поздравления, хотя почти все идеи и их воплощение в жизнь принадлежали Туме.

— Баллоны использовал еще Наполеон перед египетским походом, но потом от них отказался, потому что они требовали особых забот. Управляемый воздушный корабль мы можем послать куда угодно — и узнаем о неприятеле все. В гондоле можно поместить почтовых голубей и посылать донесения даже из вражеского тыла.

— Все крепости падут. Для Вердена хватило бы и трех таких воздушных кораблей. Ведь вы утверждаете, что каждый из них может нести на своем борту сорок гранат...

— Мы можем бомбардировать Париж.

— Мы можем бомбардировать Лондон.

— Мирных жителей? — приподнялся в своем кресле Тума, который слушал весь этот разговор. — Так вам мало увечить солдат?

Это было грубо. Креппелин приказал его вытолкать. Само собой, все отклонили идею

комплектовать команды для воздушных кораблей из безногих. Держать нищих на таких важных объектах! Да, может, это шпион?

— Ни в коем случае, — успокаивал их граф, — вы ошибаетесь. Все мои люди преданы интересам Пруссии. *Der Sache Preussens*, — граф выразился именно так, — и его императорскому величеству!

Напрасно на другой день искали Туму. Удалось найти только новое кресло, но нигде не было видно старой тележки. Тума исчез. А вдруг это и правда был шпион? Креппелин забеспокоился. И тут к нему прибежали с верфи. Кто-то переплыл ночью озеро, отомкнул ангар, перерезал тросы, на которых был укреплен воздушный крейсер. Гонимый ночным ветром, корабль пролетел пятьсот метров и разбился о холм, поросший лесом. До утра он болтался между стволов. От оболочки остались одни лохмотья, от алюминиевой конструкции — одни обломки. И Тума исчез.

Генеральный штаб взял назад свое обещание, он ждал следующих испытаний. Креппелин стал разрабатывать новую модель. Все время приходили запросы из конструкторских бюро, из ангаров. Все нуждались в советах, идеях, помощи. А Тумы не было.

Тума вернулся в Гамбург к своим, к безногим. Дела у них между тем поправились. Вместо боксера теперь взяли слепую Бригиту, потому что она была красивой. Получалось волнующее сочетание: слепая девушка и безногий поводырь. Туму встретили радушно и ни о чем не спрашивали. Через некоторое время над Гамбургом появился воздушный корабль.

Граф не сдавался. После двух жестоких неудач ему удалось наконец сконструировать управляемый корабль. На это ушло все его состояние, потому что инженер Кребс, которого граф взял в помощники, не был так талантлив, как Тума.

И тогда безногие снова задумались. Раз граф не сдержал своего слова, то они будут мстить. Тума поклялся найти средство уничтожить свое изобретение. Ведь никто не знает его лучше, чем он сам. Раз не дают летать безногим, он не даст взлететь в небо тем, у кого есть обе ноги, а в голове полно мыслей о том, как бы изувечить побольше ближних. И вот зависть к обладателям ног оказалась гораздо более сильным побудительным мотивом, чем тоска по крыльям. Пфенниги на этот раз посыпались как из рога изобилия. И Тума построил прибор, способный с помощью луча воспламенить любой воздушный корабль. И тогда трое нищих покинули Гамбург и направились вверх по Рейну к Боденскому озеру.

Сам граф летел им навстречу. Он надеялся своим триумфальным полетом покорить рурских магнатов. Его корабль делал около тринадцати километров в час, а нищие не проходили и двух.

Впрочем, полет Креппелина не был таким уж спокойным. Так уверенно и точно, как в тот раз с Тумой, графу более не довелось лететь. Дважды он вынужден был делать посадку. Раз в поле, где пришлось заменить вышедший из строя мотор, в другой раз возле Эхтердингена из-за непогоды. Корабль укрепили на якоре, послали за механиками, а путешественники

отправились к бургомистру на торжественный обед.

— Англия владычествует над морями, мы же завоюем господство в воздухе, — провозгласил бургомистр, поднимая бокал.

Дочь Креппелина едва пригубила. Через высокое готическое окно ратуши она смотрела на площадь. Там было трое нищих. В одном из них она узнала Туму.

— В Литве революция. Отец разорен. Опыты не удаются. Вернись! Вернитесь, герр Тума... — заклинала она бедного калеку. Разговор происходил в жалком закутке старого заброшенного склада, пропахшего крысами, где поместился теперь Тума вместе со своими товарищами.

— Так исполните же обещанное! Исполните — и мы, безногие, полетим с вами хоть на Северный полюс...

Молодая графиня стала объяснять, почему это невозможно. Спасти Креппелина теперь может только прусский генеральный штаб, и то лишь если купит у него воздушные крейсеры для военных нужд. Только тогда граф вернет все свои капиталы. Но Тума был непреклонен. Он оставался непреклонным даже тогда, когда она начала его целовать.

Через полчаса почтенные граждане города Эхтердингена были разбужены чудовищным взрывом. Взорвалось пятнадцать тысяч кубических метров водорода. Ни одно стекло в городе не уцелело. Все тридцать членов экипажа были убиты. При осмотре места происшествия в ближней рощице были обнаружены останки безногого нищего, который, по всей видимости,

ночевал здесь и погиб случайно. О нем газеты не писали. Только местная рабочая газета в короткой заметке сравнила огромные суммы, ассигнованные на строительство воздушного крейсера, с жалкими грошами, потраченными на ветеранов войны. Эта заметка и послужила мне отправным пунктом для дальнейших поисков. Так я познакомился с судьбой безногого Тумы. Я исследовал гамбургские полицейские архивы, церковные книги и секретный дневник графа Креппелина. Я полагаю также, что взрывное устройство, уничтожившее воздушный корабль, пережило своего изобретателя. Сколько подобных кораблей взорвалось с той поры! Некоторые утверждают, что воздушные крейсера не оправдали себя, что сама идея создать «динозавров воздуха» была порочной. Я же, наоборот, вижу в этом эксцентричную, немного безумную попытку изменить общество, к сожалению, неудавшуюся. Ведь после множества сражений и бедствий мировой войны обе стороны сохранили совсем немного воздушных кораблей, а количество безногих необычайно возросло,

ПО СЛЕДАМ СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

В январе прошлого года все газеты сообщили о трагической гибели лорда Эсдейла, экспедиция которого была якобы занесена снежным бураном при переходе через открытое ветрам горное плато в Гималаях. Клянусь своей честью и совестью, это абсолютно ложное, не соответствующее действительности сообщение. Я единственный человек, знающий, почему лорд Эсдейл исчез в Гималаях, и готов под присягой свидетельствовать следующее.

Мы встретились с лордом Эсдейлом в тридцатых годах, когда он тайно приехал ко мне в Марквартицы. Я преподавал рисование в школе и ведал местными краеведческими лекциями. Марквартицы находятся, так сказать, по соседству с Вьестоницами, где в делювиальных отложениях профессор Эбсолон нашел женскую статуэтку из слоновой кости, получившую потом известность под названием вьестоницкой Венеры. Во время своих краеведческих экспедиций между Вьестоницами и Марквартицами я обнаружил много старых,

полузасыпанных пещер с остатками животных каменного века. Мне даже удалось найти сломанный бивень мамонта (*Elephas primigenius*), которому я решил отвести самое почетное место в школьной коллекции. В это время нас навещил мой тесть Йозеф Жабка, владелец небольшой фабрики шоколадных конфет в Микулове. Жабка уговорил меня никому не отдавать бивень.

— Ты рисуешь и занимаешься резьбой, — сказал он, а спустя некоторое время предложил нечто, похожее на сделку. — Тебе, вероятно, не трудно вырезать из древней кости такую же фигурку, какую нашли в Вьестониках, а потом вымазать ее глиной и землей.

— Зачем?!

— Неужели ты намерен до конца дней своих торчать в деревенской школе и получать несколько жалких сотен? Моя дочь привыкла к лучшей жизни...

Они уговаривали меня в течение нескольких недель. Я любил свою жену. К тому же наш директор упрекнул меня в том, что я забочусь о своих краеведческих коллекциях больше, чем об учениках. Мы повздорили, он угрожал мне дисциплинарным взысканием и увольнением с государственной службы. А тут еще мой тесть продолжал утверждать, будто две «древние» статуэтки обеспечили бы нас на всю жизнь: мол, агент, поставляющий ему какао, связан в Лондоне с купцом, торгующим древностями. Этот агент как раз приехал в Брно. Мне пришлось за одну ночь вырезать вторую вьестоницкую Венеру. Бивень крошился, и я начинал все снова и снова. Затем,

руководствуясь книгой о четвертичном периоде, я вырезал еще фигурку мамонта и покрытого шерстью носорога (*Coelodonta antiquitatis*). Тесть показал мои произведения агенту по продаже какао. Мы ждали несколько месяцев, но никаких известий из Лондона не поступало, хотя мы послали туда мои фигурки, а тесть разыскал в Вене какого-то профессора, который засвидетельствовал, что это действительно художественные произведения доисторических людей каменного века. Я уже подумывал о том, как бы помириться с директором, и решил при первой же встрече выгнать тестя и возобновить дружбу с его микуловскими рабочими, с которыми когда-то ходил вместе в школу. Но как-то раз, — кажется, это была суббота, — перед школой остановился автомобиль иностранной марки. Из него вышел элегантный господин в простроченной шляпе ручной работы, какие не носят в наших краях. Ему пришлось пригнуться, чтобы войти в мой кабинет. Он протянул мне левую руку.

— Лорд Эсдейл, — представился он на плохом немецком языке. Я прикоснулся к его правой руке. Это был протез. — Львы, — лаконично пояснил Эсдейл и сел под чучелом редкой песочной змеи. — Я приехал по поводу ваших подделок...

— Статуэтки, безусловно, подлинные, — дерзко ответил я.

— Бивень подлинный, это верно. Потому я и приехал. Не стоит упираться. Статуэтки очень милы, и я рад, что в наше рациональное время — *age of reason* — нашелся человек с

таким же художественным чутьем, как у людей ледникового периода.

Это мало походило на комплимент. Я взглянул на себя в зеркало. У меня рыхлое лицо и реденькие рыжие волосы, иногда я кажусь себе определенно некрасивым. Все же я не так уродлив, как наши мохнатые пращуры.

— Я куплю ваши статуэтки. Но только с условием, — быстро добавил лорд, увидев, как я встрепенулся, — что вы поведете меня в пещеру, где нашли бивень мамонта, и подробно исследуете ее вместе со мной.

Тут в мой кабинет вошел разбитной венский шофер, неся в охапке альпинистское снаряжение и дорожный мешок. Он доложил Эсдейлу, что обеспечил ему в гостинице ночлег, и попросил расплатиться. Эсдейл протянул ему чек. Несколько недоуменно посмотрев на меня и на мои коллекции, шофер вежливо попрощался, сел в машину и уехал.

— Пещеры вокруг Марквартиц исследовать невозможно, — растерянно возразил я лорду. Мне нужны были его деньги, но все же не ценой собственной жизни. — Уже много людей заблудилось в них и потом умерло с голоду или свалилось в пропасть. Я каждый месяц пишу об этом в Прагу. Сюда надо посылать целую экспедицию. Здесь могут оказаться сталактиты почище, чем в Деменовей пещере*. Но для этого недостаточно двух человек, дорогой лорд.

— Вы боитесь? Сколько хотите за это?

* Знаменитая сталактитовая пещера в Словакии.

Он думал, что я торгуюсь. Видимо, чувствовал себя у нас в Марквартицах, как где-нибудь в Центральной Африке, и договаривался со мной, как с туземным знахарем. Мне захотелось потребовать с него килограмм яблоневых стеклянных бус и полкило пороха и тут же поджечь этот порох под его стулом, но я раздумал. Отправил Эсдейла спать в гостиницу «У почты», а сам долго не мог уснуть. Всю ночь напролет думал, какая из пещер наименее опасна. На следующее утро мы тронулись в путь. Я намеревался поводить Эсдейла в темноте, чуточку искупать его в подземном ручье, показать полуразрушенный очаг, когда-то найденный здесь мальчишками, предложить его вниманию кости домашних животных, которые всего лишь в прошлом столетии, вероятно, затащили сюда лисицы — ученые ими не интересуются, но на экскурсантов они до сих пор нагоняют страх. Однако лорда трудно было провести.

— Замечательная пещера, — сказал он, обглаживая ножку жареной курицы, которую я захватил для него. — Замечательная пещера, — повторил он и остановился, равнодушно поглядев на побелевший лошадиный череп, обычно приводивший в ужас всех посетителей. — Но вам следовало бы провести сюда электрическое освещение. Тогда можно было бы устраивать в эти места безопасные экскурсии даже для учащихся.

Он двинулся с места и пошел такими огромными шагами, что я едва поспевал за ним. Мне было стыдно. Кроме того, я злился на своего тестя. Ведь это он все затеял. Я заявил

Эсдейлу, что ни в какие пещеры с ним не пойду, потому что боюсь, и до сих пор никогда не решался в них углубиться. Два моих товарища, однажды отважившиеся на это, теперь наводят страх на людей, как этот лошадиный череп. У меня нет никакого желания очутиться в музее в качестве чудом сохранившегося скелета доисторического человека. Я — *homo sapiens*, разумный человек, и хочу, чтобы мои останки покоились на кладбище, а не в делювиальных наносах.

Он ничуть не обиделся. Наоборот, подождал меня, взял под руку и закурил трубку.

— Это доказательство, *my goodness!* *, это доказательство. Вы действительно убеждены в том, что ваши друзья *погибли* под землей?

Тогда у меня впервые мелькнула мысль, не спятил ли он.

— А что бы они стали делать там так долго? Тонда Копецкий исчез пять лет назад.

— Так же как и моя жена, — сказал лорд, отчаянно дымя трубкой. — Это доказательство. Вы должны пойти со мной в эти пещеры, даже если бы мне пришлось здесь продать душу дьяволу, — сказал он.

Он повел меня в гостиницу, где снял целый этаж, вытащил из дорожного мешка бутылку шотландского «Black and White, special brand of Buchanan's choice old whisky, Glasgow and London». За ночь мы выпили две такие бутылки. И к утру я узнал историю леди Эсдейл, которую тоже готов подтвердить под присягой.

* *My goodness!* (англ.) — боже мой!

Леди Эсдейл

Она исчезла пять лет назад во время первой экспедиции князя Павла фон Л. на Гималаи. Это была вторая жена лорда Эсдейла.

— Мы хотели отправиться куда-нибудь в свадебное путешествие. Тут я получил приглашение от князя Павла, с которым близко сошелся в Монте-Карло. Князь Павел был странный человек. При внешности вратаря-хоккеиста, широкий в плечах, как орангутанг, он говорил тоненьким дискантом; казалось, что в этом мощном теле притаился другой, кем-то запуганный, крошечный Павлик фон Л. Он женился на какой-то португальской аристократке, семья которой сводила концы с концами лишь благодаря доходам от больших лошадиных боен в Порту. Они прожили два года, а потом разразился скандал. В казино, за рулеткой, какой-то отвергнутый любовник вслух перечислил ей в лицо имена всех своих предшественников... Вероятно, приревновал ее, словом, скандал был колоссальный. Разумеется, все женщины меняют любовников, но обычно об этом не сообщают обществу так громогласно и обо всех сразу. Павел чуть не убил этого человека. Но с женой продолжал жить по-прежнему. Однако семья князя восстала против этого. Требовала, чтобы он развелся: определенные правила приличия аристократии должна соблюдать. Павел не согласился с семьей и стал изучать полиандрию. Он отправился в путешествие, решив побывать у всех племен, где до сих пор существует полиандрия, то есть где у одной женщины несколь-

ко мужей. Хотел научно опровергнуть привычные предрассудки. А между тем его жена, оставшаяся в Европе, применяла полиандрию на практике.

Как известно, до последнего времени полиандрия была больше всего распространена в Тибете. Павел осел там и пригласил нас приехать туда, как бы в свадебное путешествие. Я не опасался, что моя жена последует примеру тибетских женщин, и мы выехали через два дня после свадьбы. Тогда я еще ничего не знал ни о Гималаях, ни о снежном человеке.

— О снежном человеке? — переспросил я, потому что в те годы в европейской литературе о нем ничего не писали.

— The abominable snow-man, — сказал Эсдейл. — Отвратительный снежный человек. Туземцы называют его йети. Мы наткнулись на его следы во время экспедиции в далекую горную деревушку, где, по рассказам, на тридцать мужчин приходилась всего лишь одна молодая женщина: живут они в мире и согласии, не знают ревности, отцом новорожденного считается старший в роде. Павел полагал, что в этой горной деревушке мы сможем изучать полиандрию, так сказать, лабораторно. Но дорога туда была невероятно трудной. Туземные носильщики трижды хотели вернуться, нам пришлось самим перебрасывать веревочный мост через узкую, но невероятно глубокую пропасть. С нами произошло столько приключений, и местность была такая непривычная и необыкновенная, что моя жена чувствовала себя совершенно счастливой, потому что ни одна из ее приятельниц не совершала такого изуми-

тельного свадебного путешествия. Ее приятельницы были обыкновенными мещаночками. Гелена единственная из них получила диплом инженера и стала конструктором на моих фабриках в Манчестере, так что мой брак с нею не был мезальянсом, как продолжают утверждать некоторые из моих друзей. Она была замечательной, красивой и умной женщиной. Я до сих пор люблю ее... — Лорд Эсдейл налил и залпом выпил двойную порцию виски. При каждом упоминании о жене он повышал голос, словно хотел убедить самого себя в ее исключительности. — Гелена первая заметила следы. До того она дважды была со мной в Африке. Меня всегда поражала ее сообразительность, она читала следы лучше моего сомалийского боя. Когда мы прошлый раз ездили в Конго, она застрелила трех самцов гориллы, и негры в деревне танцевали вокруг нее, как вокруг богини. Следы, которые она заметила на этот раз, походили на следы гориллы. Но как могло такое животное попасть сюда, в снежные горы? Мы расспрашивали носильщиков. Однако они утверждали, что ничего не видят, что мы ошибаемся, никаких следов здесь нет. Хотя потом, когда мы поднялись на покрытое снегом горное плато, их увидел бы даже слепой. Туземцы посовещались между собой. Видно было, что они боятся.

— Это йети! — сказал наконец самый старший. — Остается только не обращать на него внимания, тогда он оставит нас в покое.

— А что это за йети?

Они объяснили, что это дух. Мы посмеялись над ними. Да разве дух оставляет такие

следы? Вероятно, это какая-нибудь крупная обезьяна, живущая здесь, высоко в горах. Между тем Гелена принесла мне оружие. У меня очень точная винтовка, купленная в Германии; до сих пор я ни разу из нее не промахнулся. Мы пошли по этим странным следам. Князю Павлу пришлось идти с нами. Ему не очень этого хотелось, но ведь мы были его гостями.

— Предупреждаем вас, — сказал старший носильщик, опуская свою ношу на землю, — мы гнаться за йети не будем!

— Почему? — нахмурился я. При охоте на диких зверей я не терплю возражений и сопротивления. Первое условие — обеспеченный тыл.

— Кто идет по его следам, никогда не возвращается... — Он повторил это несколько раз на своем певучем тарабарском языке, остальные ему подпевали, как при богослужении.

— Следы совсем свежие, — сказала Гелена. — Пусть носильщики подождут нас здесь. Мы скоро вернемся.

— Вы никогда не вернетесь, — убежденно возразил старик, с грустной усмешкой глядя ей прямо в глаза. — Не вернетесь никогда!

Он был прав.

Отвратительные снежные люди

Мы почти бежали по следам. Павел нес за нами снаряжение. Он признался, что не любит стрелять в животных. У него и впрямь странный характер. Гелена шла впереди, словно не могла чего-то дожидаться. Через час мы обнаружили пятна крови. Очевидно, тот, кого мы

преследовали, поранился где-то по пути. Кровавые пятна увеличивались. Спустия полчаса он на короткое время остановился. На этом месте мы увидели кость. Это была дочиста обглоданная лопатка какого-то небольшого животного. Мы тоже остановились. Что все это значит? Если мы гонимся за обезьяной, а мы это до сих пор и предполагали, — то ведь она не питается сырым мясом. А может, здесь водятся такие странные обезьяны, пища которых ничем не отличается от человеческой? Впервые мне пришло в голову, что мы напали на след настоящей тайны и не только привезем в Европу редкую шкуру, но, быть может, прославимся среди естествоиспытателей как открыватели нового вида плотоядных гималайских обезьян. Казалось, мы вот-вот настигнем животное. На всякий случай я спустил предохранитель.

Вот тогда-то все и началось. При ясном небе, на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря, при температуре ниже нуля по Цельсию вдруг разразилась гроза. Вокруг нас скрещивались молнии, и в то же время шел снег. Мы потеряли друг друга из виду и бросились к ближайшей скале. Здесь буран был, однако, еще сильнее. Я хотел поддержать Гелену и в темноте наугад протянул руки, но натолкнулся на огромную лапу. Я подумал, что это Павел, и раздраженно оттолкнул его. Тут кто-то ударил меня по голове, я упал навзничь и потерял сознание.

Когда я пришел в себя, вокруг царил тишина. Мы были уже не под скалой, где нас застиг буран, а оказались высоко в горах, в

странной пещере, вход в которую был завален большими каменными глыбами. Разумеется, я тотчас же захотел выбраться из пещеры.

— Погоди! — в отчаянии воскликнула Гелена. — Под нами тысячеметровая пропасть!

Я взобрался на каменные глыбы. Она была права. Пещера выходила к отвесной скале, которая спускалась вниз на головокружительную глубину и подымалась вверх за облака. Отсюда без альпинистского снаряжения нам не выбраться.

— У меня остался только фонарик, — грустно сказал Павел. — Все забрали. Ни одного патрона не оставили в карманах. Нет ни спичек, ни сигарет.

Я тоже осмотрел свои карманы. Мне оставили только носовой платок. Бесспорно, во время бурана на нас напали грабители, которые, по слухам, живут здесь как в феодальные времена. Как-то раз они послали моему знакомому нотариусу в Лондон требование внести выкуп и в доказательство того, что и впрямь захватили в плен его клиента, приложили к письму отрезанный у него большой палец правой руки. Я посмотрел на Гелену. У нее были красивые пальцы.

— Надо отсюда выбираться. И поскорее...

— Ты что, умеешь летать? Или собираешься сделать парашют из своего носового платка?

— Зажги фонарик, Павел, и постараемся проникнуть внутрь пещеры. Только не пытайся уверять меня, что бандиты в такой буран затащили нас сюда по этому отвесному склону. Вероятно, они пришли оттуда, — показал я в темноту, сгущавшуюся за нашими спинами.

— Я уже был там, — сказал Павел. — Пещера заканчивается узким ходом. Очень извилистым и низким. У нас нет веревки, и каждый шаг в такой темноте может стоить нам жизни. Там наверняка есть трещины. Светить все время фонарик не может — батарейки хватит часа на два, не больше.

И все-таки мы пошли. Отправились в глубь этой пещеры. Держались за руки, как в детских играх. Передвигались медленно, осторожно. Несколько раз я ударялся лбом о выступы скалы, но через полчаса ход вдруг расширился, мы смогли выпрямиться и оглядеться. Откуда-то сверху падал свет, и в пещере царил полумрак, как в готических храмах. Павел выключил фонарик и посмотрел вокруг. Он их увидел первым.

— Снежных людей? — задыхаясь, спросил я лорда Эсдейла.

— Нет, рисунки! — строго произнес он, так как не выносил, когда его перебивали.

На стенах пещеры были изображения, по сравнению с которыми рисунки в Альтамире казались детской мазней. И все же они их чем-то напоминали. На мгновение мы забыли, что должны спасти свою жизнь, что нам, очевидно, придется выбираться наверх по этой узенькой, светящейся расщелине, которая теряется где-то над нашими головами, и, забыв обо всем, рассматривали эти наскальные рисунки, словно находились в музее. Больше всего там было зверей. Доисторический бизон, которого естествоиспытатели называют *bison priscus*, больше напоминающий литовского зубра, чем американского бизона, покрытый

шерстью носорог, северный олень, лошадь, похожая на лошадь Пржевальского, несколько оленят или серн, странные, не известные нам птицы и мелкие животные. Это были высокохудожественные изображения. Если мы отсюда выберемся, эта находка прославит нас на весь мир. Но как выбраться? Я попытался взобраться вверх по расщелине, но снова и снова падал на подставленные руки моих спутников. К тому же всех нас начал отчаянно мучить голод. Жажду мы утоляли водой, проступавшей на стенах, но есть здесь было нечего. Этак мы за несколько дней ослабеем от голода и начнем медленно умирать. Пожалуй, лучше вернуться и попытаться спуститься по стене. По крайней мере смерть будет быстрой и милосердной. Мы присели в этом доисторическом храме и стали советоваться.

— Я думаю... — начала Гелена и застыла с открытым ртом.

Она в ужасе смотрела через мое правое плечо в ту сторону, откуда мы пришли. Однажды я уже был в таком положении, когда охотился на леопардов во владениях племени дробо. Тогда наш бой смотрел на меня с таким же ужасом в глазах. Вряд ли человек может быть столь же коварным, как леопард. Тут остается одно: сделать нечто неожиданное. Если бандит за моей спиной думает, что я встану, и уже занес надо мной саблю, я должен, наоборот, упасть на землю... Но я забыл о своем плане, потому что за спиной моей жены выросла вторая фигура.

Ни тот ни другой не походили ни на бандитов, ни на туземцев: они были высокие и сов-

сем голые. Оба мужчины — пожилой и молодой. Спина, грудь и ноги каждого были покрыты длинной шерстью, а руки чуть длиннее наших. Один нес какое-то тощее убитое животное, второй держал на плече два копья. Они походили на обезьян с умными человеческими глазами. Издавали какие-то звуки. Мы попытались сопротивляться и что-то объяснить, но первый из них подтолкнул меня вперед. Он был невероятно силен, и поднял меня как пушинку. Я сразу узнал его лапу. Вероятно, вот так же они принесли нас сюда. Но как они взобрались босые, без веревок, по такой крутизне, да еще с живой ношей? Времени на размышления у нас не было: нам пришлось бежать перед ними подобно собачонкам или пленным после проигранной битвы.

Ход вел дальше, в глубь скалы. Вскоре мы вошли в пещеру поменьше — там был очаг. Из мрака выступила молодая, статная женщина и тотчас же принялась разводить огонь. Они высекали его кремнем, хотя отобрали у нас спички. На нас никто не обращал внимания. А может, нас собирались изжарить живьем? Уж очень жалкой была их добыча. Когда огонь разгорелся, появился обросший длинной седой шерстью старик с замороженным окороком в руках. Я подумал, что ледниковый период, собственно, был для них благодатью. Правда, им приходилось бегать босиком по снегу, но зато они могли сколько угодно хранить в нем продукты. Уже тогда я понял, почему они переселяются из долин сюда, вслед за вечными льдами. Потому что охота, кото-

рой они, видимо, живут — *experto crede!* * — дело нерегулярное и сопряжено с риском. В богатых африканских лесах даже семьи, имеющие ружья, не могут прокормиться круглый год только одной охотой. Тем более что успех ее непостоянен.

Они бросили нам кусок полусырого окорока, испачканный пеплом, который, видимо, заменял им соль. Я был голоден. Никогда ни один ростбиф не казался мне таким вкусным. Значит, они хотели нас не съесть, а накормить. В остальном мы их мало интересовали. Видимо, у них уже был опыт общения с вооруженными людьми. Но почему они не воспользовались отобранным у нас оружием? Я хотел им это посоветовать, я знаю толк в охоте и с удовольствием поговорил бы с ними. Меня интересовало, как они пользуются своими копьями. Не могут же они близко подбираться к крупному зверю? Это было бы слишком опасно. Помню, одно эскимосское племя, где до сих пор не научились пользоваться луком и стрелами, вообще не верило в естественную смерть, потому что большая часть людей его племени становилась жертвой разъяренных хищников. Они привыкли иметь дело с гибелью охотника, и для ее обозначения у них существовало семнадцать различных слов. Может, именно поэтому почти все жители пещеры находятся в расцвете сил? Подумал я и о крутом склоне и о внезапных снежных буранах. Но как выжил этот старик, который сам не может даже есть? Я видел, как женщина разжевывала каж-

* *Experto crede (итал.)* — поверьте опыту.

дый кусок пищи и потом осторожно вкладывала ему в рот. Почему они так заботливо берегут этого дряхлого старика?

— Полиандрия,— произнес рядом со мной князь Павел, и его глаза заблестели.— Это случай более совершенный, чем в горной деревне. Самка заботится о старейшем с такой любовью — и ни одному из охотников не приходит в голову ревновать. Это самый чистый вид полиандрического сожителства в мире.

— Слышите? — спросила Гелена странным, приглушенным голосом.

— Что? Ведь все молчат.

— А я слышу,— сказала она.— Они поют какую-то странную песню и о чем-то договариваются.— Она снова стала прислушиваться.

— Так поговори с ними,— посоветовал я.— Я не слышу ни слова.

Она подсела ближе к очагу. Молодой охотник разломил кость и угостил Гелену сырым мозгом. Так охотничьи племена выражают свою благожелательность. Потом она удалилась с ними в большую пещеру. Там все они начали танцевать. При этом старик ритмично ударял по стене скалы. Оба охотника время от времени указывали на рисунки и громко подражали крикам разных зверей. Затем стали метать легкие копья в наиболее ранимые места своих жертв. Тут-то я понял, для каких целей предназначались наскальные рисунки наших предков: для чего-то вроде тренировки. А эти дикари до сих пор ежедневно учатся убивать мамонтов, которых уже никогда не встретят. Я невольно усмехнулся. Дикари. Я оглянулся на сидевшего рядом Павла. Этот

милый человек судорожно дергался под ритм ударов.

— Павел! — окликнул я его. — Ваше сиятельство!

Но тут все заглушил женский возглас. Я прекрасно узнал его: Гелена присоединилась к танцующим. Мне это было непонятно. Когда мы ездили в негритянскую деревню, ничего подобного ей и в голову не приходило. Но не бороться же мне со всеми. Я с достоинством вернулся в маленькую пещеру и уснул там на камнях, натянув пальто на голову.

Утром меня разбудил Павел. Вид у него был несчастный.

— Я говорил с женой, — сказал он.

— С кем?

— Вообрази, она отказалась от полиандрии. Живет теперь в Мадриде с одним старым тореадором и даже стряпает для него. Больше не хочет жить с несколькими мужчинами одновременно. Перешла к моноандрии. Этого я никак не мог ожидать. Теперь мне придется оставаться в Гималаях со своим смешным исследованием до самой смерти.

— Вот уж не думал, что в этой пещере есть телефонная связь. С удовольствием поговорю со своим секретарем в Лондоне: меня беспокоят мои фабрики в Манчестере.

— Но здесь нет никакого телефона...

— Да очнись ты! Значит, ты не мог говорить с женой, где бы она ни была — в Мадриде, в Порту или в Ницце. Просто тебе это приснилось.

— Но я с ней действительно говорил! — изумленно возразил Павел.

До этого ему и в голову не приходило усомниться: сон это или нет. Он и впрямь как маленький ребенок. Когда волнуется или убеждает кого-нибудь, срывается на дискант.

— Где Гелена?

Мы стали ее искать. Но охотники исчезли и Гелена с ними. В большой пещере мы застали только старика, рисовавшего на стене животное, которое вчера принесли на ужин. Я заметил, что он пользуется лишь тремя красками: венецианской красной, темной и светлой охрой. А из чего он делает кисти? На нас он даже не взглянул, словно нас и не было. Мне захотелось стукнуть его. Но кто знает, может, он очень силен, несмотря на старость? Мы направились к выходу из пещеры. Я вскарабкался на каменные глыбы. Там лежало дамское зимнее пальто.

— Что эти бестии сделали с нею?

Я наклонился над пропастью. Надеюсь, она не рискнула спуститься по такой отвесной скале. Вдруг мне почудилось, что я вижу ее внизу с разбитой головой.

— Она пошла с ними на охоту,— послышалось сзади.

Я оглянулся.

— Ты сам видел? — спросил я Павла.

— Нет.

— Так откуда ты знаешь, что она пошла с ними на охоту?

— Я не знаю. Я ничего не говорил. И ничего не слышал.

Позади нас в пещере все еще стоял старик с кистью в руке, склонившийся над своим произведением.

— Понимаю. Они объясняются без слов. Как животные или насекомые.

— Ты еще ничего не понимаешь,— снова услышал я чьи-то слова.

Объяснение

Я обидел их своим сравнением. Они не животные и не насекомые. Это — люди. Но они пошли не тем путем, что *homo sapiens*. Они не мыслят в нашем понимании, не прибегают к разуму для логического анализа, для дедукции или абстрактного счета. Это *homiens sensuosi*, больше всех животных развившие свои чувства: зрение, обоняние, слух и осязание. Они воспринимают мир гораздо лучше и тоньше, чем мы. Именно потому они так изумительно рисуют, могут объясняться на расстоянии посредством какого-то вида телепатии, свойственной — я верю этому — и людям, могут предвидеть погоду, спастись от моей точной винтовки и в любой момент поймать тех, кто их преследует. В здешних условиях это было для них необходимым. Они не строили жилищ, не приручали животных, имели лишь самые необходимые орудия, они не жили вне природы, но слились с ней, были ее частью — высшим видом плотоядных животных. Как я сожалел, что не могу наблюдать за ними во время охоты. Убежден, что, если бы кто-нибудь привел сюда леопардов, их бы уничтожили так же, как тех гигантских медведей, кости которых мы видели в пещере у очага.

Через несколько дней мной овладела странная апатия. Павел назвал это состояние сча-

ством. Мне чудилось, что все проблемы моей жизни уже разрешены, что я навсегда стал членом здешнего племени, которому буду помогать, не знаю уж каким образом, был счастлив, когда Гелена принесла свою первую добычу, и мне казалось совершенно ненужным заботиться о моих предприятиях в Англии, об имуществе и имениях, друзьях и родственниках. Я смотрел отсюда на жизнь в буквальном смысле слова с птичьего полета. С одной стороны, потому, что логово этих снежных людей находилось так высоко, а с другой — потому, что чувствовал покой и удовлетворенность, словно от опиума, который я как-то попробовал в Гонконге еще до войны. Павел переживал то же самое. Мы могли целыми днями сидеть и мечтать или наблюдать, как работает старик, любоваться его рисунками или творениями его далеких предков, по-видимому, расписавших эту пещеру еще в эпоху мамонтов.

Но только я понимал, как это опасно. В Гонконге я все же ушел из опиумокурильни, хотя прислуживавшая мне китаянка была очаровательнейшим созданием в мире и ей еще не исполнилось тринадцати лет. Ушел, разбив ее трубку. Я понимал, что то же самое надо сделать здесь: ведь апатия, которую Павел называл счастьем, могла возникнуть под воздействием разреженного высокогорного воздуха, бедного кислородом и действующего как наркотик. Я не верю, что наркотики могут дать человеку счастье. Я верю в мысль, в разум. Моя семья создала в Манчестере мануфактуры еще до наступления эпохи пара. Мы ввели первые машины в наших краях. Испокон веков

мы были противниками религии и поддерживали науку, потому что наука — ключ к благосостоянию нашей семьи, Англии и всего человечества. Я верю в разум, который в конце концов переделает природу, в человека, который покорит все окружающее и таким образом станет равным своей извечной выдумке — всемогущему богу. Сам станет богом. Если кто-нибудь в этом сомневается, пусть побывает в Манчестере, Руре, Силезии или Донецком бассейне. Увидев чудеса современной техники, он перестанет сомневаться в возможностях человека. Сейчас я буду модернизировать свои заводы — вводить новые технические методы. Не могу я валяться на спине в Гималаях, когда другие работают.

Но Гелена отказалась вернуться. Я заподозрил, что она влюбилась в молодого охотника, но она объяснила, что дело не в любви, а в спокойствии и удовлетворенности, которые дает ей здешняя жизнь. Здесь отдыхать гораздо лучше, чем в Африке, охотясь на бегемотов. Гелена всегда была очень чувствительна и эмоциональна, часто приходила в восторг и дома потихоньку от всех писала маленькие акварели — я как-то случайно их обнаружил. Пожалуй, даже верила в некое неземное существо, придумала себе какую-то собственную веру, вроде деизма, которую приспособила к своему техническому образованию. И всегда ощущала себя одним из существ, сотворенных высшей силой, уважала законы природы.

— Наша цивилизация гибнет, — говорила она; руки ее были в крови только что убитого животного. — Людей охватывает массовая

истерия, они верят политическим краснобаям, стали непостоянными, капризными, оторвались от природы, и это их губит. Наш вид пошел по плохому пути: разум у нас слишком развился за счет всех других чувств, которые отмирают; потому мы болезненны и несчастны, потому отчаиваемся. Не можем жить полной жизнью. А нам хочется жить так же, как живут вот эти люди.

— Как эти отвратительные люди? — возмутился я. — Да у тебя разума меньше, чем у последнего здешнего туземца!

— А мне и не нужен разум. Он мне ничего не дал. Я вышла за тебя не любя, по велению рассудка, потому что хотела подняться по общественной лестнице. Я знаю, почему твой первый брак оказался неудачным. Таковы мы, люди, способные при помощи рассудка подавить даже инстинкты собственного пола...

Я не нашелся что ответить. Меня воспитывали в правилах викторианской морали, и я не могу говорить о вопросах пола так же, как о зубах. Кроме того, она страшно оскорбила меня. Так, значит, все-таки дело в охотнике. Влюбилась в обезьяну. Сошлась со зверем.

Возможно ли это? Как могла это сделать женщина, получившая образование в нашем высшем учебном заведении, с детства поступавшая разумно, женщина, умом которой я всегда восхищался? Могу ли я поверить, что настоящие, разумные люди не мы, а те, кто нас сейчас окружает, что там, внизу, в долинах живут лишь уродцы с чрезмерно развитым черепом? Возможно ли это? Нет, Гелена обманывает меня.

— Мы должны уйти отсюда,— сказал я Павлу, который с несчастным видом слушал весь наш разговор.— Мы должны уйти, и не уговаривай, все равно я не буду вместе с тобой изучать полиандрию. Я бы уж предпочел изучать убийства из ревности. Думаю, что в истории человечества для этого найдется более богатый материал.

Но как расценивать ревность? Разумно ли испытывать ее? Дает ли что-нибудь это чувство? А может, оно смешно и ненужно?

— Я уезжаю в Англию, — заявил я. — У меня важные дела в Манчестере.

— А Гелена?

— Жена для меня умерла. Она предпочла дикарское существование.

— Завтра уйдешь,— произнес старик; Павел не слышал его голоса.

Меня это еще больше разозлило. Но снаружи уже подымался ветер. Мы подождали до утра. Полагаю, что и разумные люди именно потому, что они разумны, могут иногда воспользоваться иррациональными советами.

К сожалению, Павлу не помогли ни советы, ни примитивная веревка, которую нам дал старик. Сорвавшись в десяти метрах от земли, Павел ударился головой о колоссальный камень, а оттуда его моментально смыло бурным высокогорным потоком. Ни один спуск не утомил меня так, как этот, даже спуск с Грос-Глокнера. Гибель друга глубоко потрясла меня. Едва спустившись со скалы, я упал на колени и расплакался как ребенок. Ноги у меня дрожали от страшной усталости, руки были стерты до крови. А может, и лучше, что

князь погиб? — Вряд ли бы он утешился после измены жены. А как я справлюсь с этим? Я вытер глаза, стал спускаться в долину и лишь на следующий день добрался до человеческого жилья. Один из наших носильщиков открыл мне дверь и испуганно вскрикнул, решив, что видит мой дух.

Разум в тупике

В Лондоне все, конечно, думали, что Гелена погибла на охоте. С удовольствием выражали мне соболезнование. В наших кругах смерть на охоте считается чем-то естественным. В этом отношении мы похожи на йети. Я подкупил всех издателей и путешественников, с помощью своего адвоката задерживал малейшие упоминания о снежных людях. Мне не хотелось привлекать к ним внимание. Я откупался от каждого, кто хотел о них писать, нанял двух бойких журналистов, которые высмеяли и заставили замолчать одного молодого норвежца, упомянувшего о снежных людях в «Международном географическом журнале». Над этим юношей смеялись все, и, хотя он путешествовал без свидетелей, несколько выдающихся специалистов готовы были присягнуть, что фигуры, которые он видел издали, были всего-навсего фигурами медведей. Когда мы с ним встретились на ужине у леди Астор, он уже сам был уверен, что повстречался с медведями.

Я хотел один на один свести счеты с этими отвратительными людьми. Начать борьбу с ними, такую же беспощадную, как между шот-

ландскими кланами. Я пожертвовал значительную часть своего состояния на развитие беспроводной связи. Через год из своей исследовательской лаборатории я получил аппарат величиной с портфель, благодаря которому мог объясняться с владельцем такого же аппарата на расстоянии пяти километров. Аппарат был дорогой, приходилось часто менять батареи, но при этом никто не требовал, чтобы вы танцевали вокруг костра или сосредоточивались на мысли о своих любимых. Это была связь на расстоянии, созданная разумом. Я понимаю, вам покажется смешным, что я решил перещеголять этот снежный сброд, занимаясь такими мелочами. Вряд ли хватило бы всей моей жизни, если бы я стал доказывать, что победит разум, что великие идеи Ньютона и Дарвина освободили человечество, что мы покорили природу, но иначе поступить я не мог. Все средства были хороши, только бы вернулась Гелена. Я захвачу с собой фотографии новых машин на моих заводах, это действительно чудеса человеческой изобретательности, она наверняка их оценит. Докажу ей... Да, друг мой, вы не ошиблись, я не мог думать ни о чем, кроме ее возвращения. Хотел доказать ей, что разум восторжествует, и воображал, что таким образом верну Гелену, а молодой охотник опротивеет ей, как шелудивый пес. Я готовился к новой экспедиции на Гималаи. А пока что, разумеется, пытался забыться. Приходили знакомые, утешали меня. Я просадил много денег, играя в азартные игры, выбрасывал большие суммы на различных медиумов, за которыми следил во время спиритических сеансов, я раз-

бывал сердца женам своих служащих; однако, лаская их, думал о Гелене; слушая бессмысленные выкрики спиритов, надеялся — а вдруг появится она, говорил со своими знакомыми только о ней. Все видели, как я страдаю, мои друзья и близкие перестали осуждать ее и упрекать меня в мезальянсе. За год я потерял в весе десять фунтов. И в мае телеграфировал в Катманду, что вылетаю. Мой уполномоченный всю зиму занимался там подготовкой великолепной экспедиции, никто никогда еще не тратил на это столько денег. Официально я готовился к восхождению на Нанга-Парбат, но на самом деле в моей экспедиции участвовали опытейшие охотники, привыкшие брать хищников живьем. В своих несбыточных мечтах я представлял себе, что, если моя жена откажется вернуться добровольно, я привезу ее в лондонский зоологический сад под видом самки йети, посажу обоих в клетку, буду демонстрировать их в качестве пары снежных людей и ежедневно посылать туда экскурсии заключенных из исправительных заведений Сохо.

Но, прибыв со своей экспедицией на нашу бывшую базу, мы не нашли и следа горной деревни. Нам рассказали, что люди переселились отсюда в долину, потому что в последнее время их начали тревожить йети. Они якобы не убегали от людей, как раньше, а похищали их. Несколько человек исчезло в горах, остальные в панике бежали. Это было первым затруднением — пришлось вернуться за носильщиками. Между тем погода ухудшилась. Начались метели, каких здесь никто не помнил в это время года. Ударили запоздалые морозы,

во многих местах с гор срывались лавины. Мы продвигались с величайшим трудом. А когда погода улучшилась, оказалось, что перевал, на котором мы когда-то обнаружили следы снежных людей, совершенно замело снегом. Он исчез, и никто не мог найти дорогу через него. Казалось, придется обходить весь горный массив, а это задержало бы нас месяца на два, не меньше.

Но я не сдавался. Заказал в Дели небольшие одномоторные самолеты. Ни дня не хотел терять. Перевезу всю экспедицию по воздуху. При этом мы сможем обозреть владения противников. Стоило это очень дорого, но я был богат. Я так упорно собирал все сведения о снежных людях, отдавался этой экспедиции с такой страстью, что мои сотрудники, кажется, начали сомневаться — нормален ли я.

Однажды в лагере появился буддийский монах и пригласил меня в находившийся неподалеку монастырь, где я мог бы отдохнуть и побеседовать с мудрейшим из аскетов. Но все это меня не заинтересовало, так как монах отрицал существование йети, уверял, что они — лишь плод воображения напуганных горцев. Мол, он сам уже давно ходит по горам в этих краях и до сих пор ничего подобного не видел. Я выгнал его. Он слепой, глупец или обманщик. Ничто не мешает мне выполнить задуманное. По крайней мере так мне казалось.

Но самолеты не прибыли. Вместо них я получил молнию из Дели, в которой сообщалось, что лондонские банки не оплачивают мои чеки. Я спешно вернулся в Катманду. Как пазло, в этот день, наконец, установилась прекрасная

погода. Но меня это уже не интересовало. Я не представлял себе, как изменилась обстановка на бирже. Вы, вероятно, помните этот крах. Люди стрелялись, бросались из окна, вчерашние миллионеры торговали на улицах яблоками. Внезапно я выяснил, что моя вера в силу разума обманула меня, что мои заводы принадлежат мне не более, чем Трафальгарская площадь. Всю жизнь я верил в абсурд. Люди слишком несовершенны и только притворяются разумными существами. Это опасные, капризные обезьяны, захватившие господствующее место в мире лишь благодаря своей дерзости. И мне стало казаться, что йети гораздо умнее. На нашу цивилизацию обрушиваются катастрофы и ураганы страшнее того, который я пережил в Гималаях. Но как я был самонадеян! Готовился привезти Гелену в цепях! Я показался себе мальчишкой, который хвастал своим автомобилем и вдруг обнаружил, что это лишь игрушка. Меня обманули. Я разорился.

У меня остался только старый родовой замок и немного пахотной земли. Мой адвокат со своей семьей отравился газом — перед самым кризисом он без моего ведома вложил весь мой наличный капитал в бумаги, которые совершенно обесценились. Я ждал, не найдется ли покупатель, который заинтересуется землей. Мне пришлось расстаться с обстановкой замка, чтобы расплатиться со слугами. Каждое первое число они получали что-нибудь из ампирной мебели или старой одежды. Но слуги были мне преданы, в то время ни один из них не покинул меня. И я не обошел их в

своим завещанием. Я решил умереть в самой старой части своего замка, под портретом деда, участника англо-бурской войны, который застрелился на этом месте, потому что во время смотра забыл приветствовать королеву. Глубокой ночью я вычистил свой пистолет, дважды спасший мне жизнь в Африке. Пусть теперь он спасет мою честь. Я не могу жить ничем. Лорды Эсдейлы всегда были богаты. Я медленно вдвигал обойму в магазин. Патроны были совсем новые, слегка смазанные. Дуло пистолета приятно холодило. «Как Павел...» — подумал я вдруг. Ведь тогда, спускаясь с горы, Павел не сорвался, а нарочно бросился вниз головой. Он не мог жить без своей жены. Сон его оказался вещим: она и вправду влюбилась в мадридского тореадора. Вот теперь и я встречаюсь с Павлом.

— Сантильяне дель Маре, — вдруг прозвучало рядом. Была поздняя ночь, и в этой части замка всегда было пусто. Крыша здесь протекает, окна плохо закрываются, слуги не решаются сюда ходить — боятся тени моего деда, умершего здесь. — Сантильяне дель Маре, — прозвучало снова над самым ухом, словно из дула пистолета. Это был хорошо знакомый мне женский голос, голос Гелены. — Сантильяне дель Маре, — в третий раз произнесла она, и мне почудилось, что она уходит. Значит, все-таки вспомнила обо мне. Без радиоаппаратов и телевизора следит со своих гор за моей судьбой. Я, глупец, хотел охотиться за нею, мстить ей, а на самом деле она меня любит. И, быть может, избрала единственно правильный образ жизни в этом мире лицемерия и половин-

чатого разума. Я бросился в библиотеку, находившуюся в противоположном крыле замка, и по пути напугал старую служанку, подумавшую, что я гонюсь за вором. Я поспешно спрятал пистолет.

Сантьяне дель Маре — местечко в Испании, в провинции Сантандер. На следующее же утро я позвонил своему кузену в Министерство иностранных дел.

Счастье

— Сантьяне дель Маре? Знаю, конечно, неподалеку оттуда находится знаменитая альтамирская пещера. Но проехать туда невозможно.

— Почему?

— Да ты что, газет не читаешь? Какой-то генерал Лиро начал в Испании гражданскую войну.

Мой кузен не запоминал иностранные имена и порой даже путал их с названиями валюты.

Я занял денег на дорогу и выехал в тот же день. Гелена, несомненно, знала, зачем звала меня туда. Меня водили по пещерам, я был там единственным туристом. Аббат Нейль и профессор Унтермайер, которым мир обязан исследованием тамошних пещер и многочисленными трудами о доисторическом человеке, как раз собирались уезжать. Они настойчиво предостерегали меня об опасности, говорили, что в Сантандере сильное анархистское движение, фашистам, мол, придется туго, дело дойдет до кровопролития, и оставаться здесь

не стоит. Но меня не интересовала гражданская война. Я нанял местных проводников, и они повели меня по альтамирской пещере, довольные, что нашли работу во время мертвого сезона. Показывали мне достопримечательности, на которых обычно не останавливались: рисунки на стенах низких подземных ходов. К ним надо добираться на четвереньках.

— Аббат Нейль утверждает, что доисторические люди считали бизона даром небес, думали, что он рождается в глубине скал, и потому вызывали его этими изображениями в переходах, лежащих глубоко в горе.

— Ерунда, — сказал я. — Жаль, что ваш аббат уехал. Я объяснил бы ему, что доисторическим людям надо было тренироваться, чтобы с близкого расстояния убить бизона своим коротким копьем. В этих переходах они приучались подпускать бизона на несколько шагов и лишь потом вспарывали ему брюхо копьем с кремневым наконечником. Посмотрите сами, — я отметил длинную черту на огромном брюхе животного. В местных пещерах художники пользовались светло-фиолетовой краской, какой я не встречал в Гималаях.

— И вправду, — изумился проводник.

С тех пор за мной установилась репутация крупного специалиста, который может объяснить, почему некоторые изображения так сильно повреждены. Никого больше не удивляло, что я брожу по местности, разыскиваю новые пещеры и лазы. Ведь для чего-то Гелена послала меня сюда. Не собиралась же она встретиться со мной в альтамирской пещере. Это было бы равносильно свиданию на многолюд-

ной площади. К тому же она назвала не Альтамир, а Сантильяне дель Маре. Я исследовал местность целую неделю. И наконец обнаружил нужную пещеру. Указали мне ее дети; они ходили туда играть. Она начиналась неподалеку от каменоломни. Я стал осторожно спускаться. Дети не решались забираться дальше нагромождения камней у подступа к пещере, поэтому вход остался нетронутым. Я сразу понял: это нечто вроде передней, подобной входу в гималайский лабиринт. Идти надо было осторожно, хотя на этот раз я запасся альпинистским снаряжением и мощным фонарем. Но я был один. Сломать ногу здесь, под землей, было равносильно верной смерти, так как о моем походе не знали даже дети, указавшие мне пещеру. Да и отправился я туда поздно вечером. Не хотел привлекать внимание к своим поискам. Ведь моя экспедиция могла закончиться позорным провалом, а голос Гелены, быть может, я слышал потому, что перед смертью нам всегда мерещатся голоса наших близких.

В конце концов я был вознагражден. Правда, мне пришлось переправиться вброд через подземную речку, ползти на животе и обходить спящих летучих мышей. Но вот я очутился в сводчатом пространстве, погруженном в подземный сумрак и напоминавшем готический храм. Изображения на стенах были еще прекрасней и совершенней, чем в Альтамире. Но ничто не напоминало ни о Гелене, ни о ее таинственном зове. Я решил закусить.

— Хорошо уже то, что ты пришел, — слышался женский шепот.

Вглядевшись, я обнаружил вторую, меньшую пещеру, а в ней худого, высохшего старца, настоящий скелет, обтянутый грубой, толстой кожей с облезшей шерстью. Он едва дышал. Я хотел накормить его.

— Я только что съел олений окорок, я сыт,— сказал старец.

Я стал смотреть по сторонам. На стенах были изображения кроликов, диких уток, а также кошек, собак, крыс. Неужели здешние йети так низко пали, что едят крыс?

— Ты можешь получить все, что пожелаешь. Но надо по-настоящему желать...— слышалось снова.

Я посмотрел на этот живой труп, все еще сжимавший в руках кисть. Поодаль стояли сосуды с красками. Был ли он действительно счастлив? Как сохранился его род в течение целых тысячелетий, никем не замеченный, в стороне от всей нашей жизни? Это была, вероятно, какая-то особенно упрямая семья, если она не переселилась вслед за отступавшими ледниками. Может, какие-нибудь жрецы, хранители местных храмов, кто знает. Надо сказать, что изображения жрецов на их рисунках никогда не встречаются.

— Не уходи,— снова услышал я голос Гелены.

Не стану же я ждать здесь, под землей, пока этот человек умрет.

— Останься, ты должен познать истинное счастье...

Это было смешно, но в глубине души я надеялся встретить ее здесь, думал, что она придет сюда или при помощи какого-нибудь ме-

диума сообщит мне, где ее обиталище в горах, как к ней добраться. Не люблю оккультные фокусы и не намерен в них участвовать. Я принялся собирать свое снаряжение. Завтра приведу сюда местных археологов: авось еще удастся спасти этого старика. Это был действительно уникам.

Уходя, я споткнулся о его одежду. Какая одежда может быть у йети? Ее я у них никогда не видел. И все-таки здесь лежала одежда начала столетия, даже шляпа была продырявлена пулей. Уж не принадлежит ли этот старик к нашему, человеческому виду? Быть может, это какой-нибудь сумасшедший, нарочно забравшийся сюда, в горы, и продолжающий дело доисторических художников? Зачем он это делает? По каким соображениям?

Но через неделю я уже держал в руках его кисть и пробовал провести первые линии на стене. Мне не объяснить вам, зачем я это делал. Это чувство надо испытать. В первую ночь я остался там, потому что совершенно обессилел и хотел спать. Мне приснился удивительно реальный сон, будто я вернулся на лоно природы, будто бегаю с Геленой по странной долине меж ледников и пью сырую кровь диких зверей. Мне мерещилось, что мы любим друг друга, счастливы, что все это не сон, а реальная действительность.

Мною снова овладело безразличие, которое я уже не называл апатией. Его не нарушали никакие воспоминания. Я жестоко обманул, поверив, что можно достигнуть счастья рациональным путем. Мне было безразлично все, что творится наверху, под солнцем, не стра-

шили голод и холод, безразличны стали родственники, человечество, Англия, весь мир. Мои машины казались мне теперь смешными. Важно было только совершенство рисунков на стене, только их создание казалось мне достойным человека. Я был спокоен. Был счастлив. И наконец, понял, почему те, кто встречает снежных людей, никогда не возвращаются. Я уже не хотел возвращаться.

Перестрелка

Спустя несколько дней мои мечтания нарушили странные, ритмичные сотрясения почвы, какие не могла вызвать какая-либо нерациональная сила. Это был гул орудий, а к вечеру стала доноситься и ружейная стрельба. Итак, фронт приблизился к нашим пещерам. Тогда я, конечно, не знал, что фашисты подвезли тяжелую артиллерию и готовились обстрелять Сантильяне дель Маре. Защитники города хотели обойти их и атаковать, пройдя подземным ходом. Оказалось, что все проводники — анархисты и прекрасно знают окрестности. Один особенно горячий парень решил пробраться в тыл фашистов через мою пещеру, где он в детстве играл. Фашисты узнали о планах республиканцев, послали сюда свой авангард, и им пришлось вести бой под землей. Главные силы обеих сторон встретились в большой пещере, так очаровавшей меня фиолетовыми красками. Перестрелка продолжалась около пяти часов. Обе стороны понесли большие потери, потому что стреляли в темноте, гранаты швыряли вслепую, и сражав-

шиеся пострадали от обломков дробившейся скалы больше, чем от выстрелов. Многих засыпало. Среди них и моего старика, который все не хотел умирать. Его придавила огромная глыба, украшенная его собственными рисунками. Я наблюдал бой из небольшого углубления в скале, лежа на животе и вспоминая сцену, разыгравшуюся некогда в Гималаях,— охотничий танец снежных людей, странные ритмичные удары старика по стене, несколько не напоминавшие лай пулеметов, радостный возглас Гелены — клич свободы, столь не походивший на стоны раненых и умирающих под землей.

В конце концов фашистов вытеснили. Им пришлось отступить, потому что республиканцы по другому ходу проникли в тыл марокканских батарей и перебили там всю прислугу. Атака на Сантильяне дель Маре была отражена. Вся провинция ликовала.

Вместе с остальными ранеными меня отнесли в военный госпиталь. Думали, что я английский поэт, который, как гласила молва, сражается в одних рядах с анархистами. Моего старика они похоронили со своими убитыми. Обращались со мной вежливо, даже после того, как я им представился. Лечили меня в анархистских казармах и потому называли просто господин Эсдейл, но в остальном относились ко мне внимательно... Я слышал, что впоследствии весь этот отряд погиб под Барселоной. Это были мужественные люди, и я с удовольствием вспоминаю о них. Но, конечно, они не подозревали, что все попытки добиться чего-нибудь разумным путем тщетны. Я не по-

нимал ни сущности их борьбы, ни задач испанской республики. Но одно было мне ясно. Разумные люди доказывают здесь свою правоту странными средствами — оружием. Фронт не место для поисков доисторического счастья. Мне пришлось вернуться в Лондон. Своему кузену я доставил много хлопот, так как сообщение с Англией было уже прервано, и он вынужден был послать за мной специальный самолет.

К счастью, через несколько дней ко мне пришел торговец и предложил искусно изготовленные вами статуэтки, заявив, что это вторая вьестоницкая Венера, марквартицкий бизон и микуловский носорог. Я сразу понял, что это подделка, но для меня было ясно, что в Моравии, по-видимому, возможны такие же бесценные находки, как в Испании, и здесь, в относительно спокойной обстановке, мы сможем спуститься под землю и раскрыть тайны, которые пещеры до сих пор никому не выдавали.

Четвертая экспедиция

— Я женат, — сказал я лорду, — хочу иметь детей. А чужих ребят учу уму-разуму. Я учитель, господин Эсдейл, и вы вряд ли могли бы найти кого-нибудь менее подходящего для отрицания разума. Я привык спорить со здешним священником. Верю, что мы живем в великое время, скоро у нас будет изобилие товаров для всех, люди полетят в космос, научатся гораздо лучше использовать землю и

будут счастливы, но только потому, что доверяют своему разуму.

— Не будут они счастливы.

— Счастье у них будет не таким, как у доисторических охотников. Они не будут пить свежую кровь.

— Они не будут любить.

— Любить будут, но по-иному. Нет, господин Эсдейл, я сторонник нашей цивилизации. Она мне нравится. И я ни в коем случае не променяю ее на медленную смерть в пещере, даже если бы ее стены были расписаны Рембрандтом.

— Значит, вам нравится существующее общество?

— У меня никогда не было фабрик, и я не играл на бирже. Всю жизнь был беден.

— Но это вам не поможет, когда и до ваших мест докатится канонада, раздавшаяся в Сантильяне дель Маре. Я видел, как в Вене они маршировали в коричневых рубашках и высоких сапогах. Они придут и сюда. Неужели вы станете утверждать, что они тоже продукт разума? А ведь они все же часть цивилизации, которая вам так нравится. Ваши друзья были разумнее.

— Какие?

— Те, что остались в пещерах.

— Тонда и Мирек вовсе не остались в пещерах, дорогой лорд. Оба они были страстными футболистами, играли в сборной Микулова, и я в жизни не видел, чтобы кто-нибудь из них рисовал. Они лучше меня объяснили бы вам, в чем ошибки нашей цивилизации. Не зря эти ребята работали на фабрике моего тестя.

Нам не хватает разумного ведения хозяйства, мы страдаем от недостатка, а не от избытка разума. Кризисы, фашизм и все прочие безобразия могли возникнуть потому, что люди поступают подобно вам. Отрекаются от разума, хотят на полном ходу выскочить из мчащегося автомобиля. Это самоубийство. Тонда и Мирек лучше доказали бы вам все. Они спустились в пещеры не для развлечения, их заставила бедность. Надеялись продать кому-нибудь свои находки.

— Скоро мы с ними встретимся...

— Вы пьяны, лорд!

Оскорбленный, он встал и распахнул передо мной дверь.

— Вы неспособны на возвышенные чувства, приятель.

Он покачивался, стоя в дверях, и казалось, вот-вот упадет.

— Извините. Может, вы и не пьяны, но вам следовало бы заказать себе кофе.

Он выгнал меня. Впрочем, никто не стал бы для него варить кофе. Было около трех часов ночи, в гостинице все спали. Возвращаясь домой, я услышал пение первых петухов.

«Что ему, собственно, нравилось? — думал я. — Апатия или счастье? В чем суть этих понятий? Странно, почему теперь все жаждут возврата к природе? В те времена, когда я преподавал в Железном Броде, я знавал нескольких спиритов. Честное слово, они рассуждали разумнее, чем этот лорд. Их рассказы выглядели более правдоподобными. Телепатию и всю эту ерунду наверняка когда-нибудь объяснят так же, как электричество, если только те-

лепатия вообще существует. Но что она имеет общего с искусством? Мои ученики отлично могут изложить содержание стихотворения или описать картину, которую видели на выставке, и для этого им не надо проводить целые дни под землей в одиночестве и мрачных размышлениях...»

Вся деревня была погружена во мрак, только в нашем доме все еще горел свет. Жабка сидел с моей женой у стола над грудой бумаг. Они подсчитывали всю ночь, что надо купить и как лучше поместить полученные деньги.

— Сколько? — в один голос спросили они, как только я закрыл за собой дверь. — Сколько он предлагает?

— Ничего. — Я тяжело опустился на стул и отпил глоток холодного черного кофе прямо из кофейника. — Ни гроша. Догадался, что это подделка.

— Каким образом? — изумился тесть.

— А зачем же он тогда приехал? — спросила жена. Она умнее отца. — Это он мог написать в письме. Что ему здесь надо?

Я не хотел им ничего рассказывать, знал, что это за семейка, но они упорно настаивали, да и могли подумать, что я совершаю какую-то сделку втихомолку.

— Он хочет отправиться в здешние пещеры.

— Один? — ужаснулись они, так как отлично знали, насколько это опасно.

— Нет, дорогие родственнички. Хотел отправиться вместе со мной. Я говорю это в прошедшем времени, потому что категорически

отверг это предложение. Свари мне крепкого горячего кофе и пойдем спать. У меня от всего уже голова пошла кругом.

— Но он, конечно, немало предложил тебе за это? — спросил тесть.

— Я не собираюсь продавать свою жизнь, папенька, так что даже не торговался.

— Трус! — как ужаленный, подскочил он. — Сколько раз я рисковал жизнью ради семьи. Спроси ее...

— Я знаю. Делали шоколад из отрубей. За это можно было самое большее сесть в тюрьму. За это у нас, к сожалению, не вешают. А меня вы посылаете в подземные пещеры. Видели вы когда-нибудь Мацоху? Такая же пещера может оказаться у нас под землей. А может, еще глубже. Если мне выбирать способ самоубийства, так лучше прыгнуть в Мацоху, там хотя бы все видно.

Жабка разволновался, показывал мне свои расчеты, говорил, как можно было бы расширить производство, как он хотел сделать меня своим заместителем — я делал бы эскизы ко всем его рекламным плакатам, поскольку умею рисовать, — как он собирался выпускать шоколадные фигурки вьестоницкой Венеры, какой это был бы боевик, злился, уговаривал меня, предлагал найти для лорда проводника, но я только крутил головой.

— Я этого на свою совесть брать не хочу. Пусть его сиятельство сам на этом обожжется. Хватит с меня ваших подделок.

— Моих подделок?! — обиделся тесть и даже побагровел. — Разве я вырезал этого дурацкого носорога, хотя каждый ребенок знает,

что у Микулова никто никогда не видел носорогов? Будь это моя работа, никому бы ничего в голову не пришло, потому что я привык все делать как следует, добросовестно. Даже подделки. А ты халтурил. И всю жизнь свою испоганишь. Если у девчонки есть голова на плечах, она с тобой завтра же расстанется!

Он выбежал из комнаты, словно за ним гнались. Даже дверь забыл за собой закрыть.

Я люблю свою жену и особенно восхищаюсь ее ногами. У нее идеальная фигура. Но она ужасная пуританка, не знаю даже почему. В ту ночь она встретила меня поцелуями, которые меня особенно возбуждают. Никогда еще я ее так не любил...

А потом, распустив волосы, она взяла будильник и деловито спросила:

— В котором часу разбудить тебя? Когда вы выходите?

Я едва не разрыдался тут же в постели. Уже светало, из сада доносилось пение птиц, они всегда заливаются перед восходом солнца. Поклоняются ли снежные люди солнцу, как божеству, если уж они так близки к природе?

— Незачем меня будить. — Я поднялся, покачиваясь. — Уйду сейчас. — Она не удерживала меня, не отговаривала. Предложила кофе. — Не хочу, — сказал я. — Ничего не хочу. Думаю, что в вашей семье я единственный...

Я вспомнил рассказ лорда о его жене. О том, как она по велению рассудка подавила свои чувства. Сейчас я испытывал то же, что и он. Моя жена вела себя, как девка. Знала, что этот способ лучше подействует, чем крик

ее отца. Она вела себя разумнее, чем мой тесть. Голова у нее работает. Девка! Я кинулся в гостиницу. Разбудил недавно уснувшего лорда. Для этого мне пришлось колотить ногами в дверь.

— Пойду с вами. Сегодня же,— сказал я.

— All right! * . . Я знал, что ты окажешься благоразумным, вернее, внеразумным,— поправился лорд.— Это будет моя четвертая экспедиция,— пробормотал он, засыпая,

Победа

Мы отправились около полудня. Я раздумывал, сказать ли хозяину гостиницы, куда мы идем, но потом сообразил, что все равно во всем крае, пожалуй, не сыщешь спасательной экспедиции, никто не отважится углубиться в пещеры. Тогда я решил хотя бы договориться с Эсдейлом о вознаграждении. Назначил свою цену. Очень высокую. Лорд только улыбался. Он готов был уплатить мне любую сумму. Повидимому, его финансовые дела улучшились с тех пор, как он расплачивался со своими слугами мебелью. Или был убежден, что, найдя его пещеру, я не стану думать о возвращении.

— Я не намерен это обсуждать и хочу получить свое вознаграждение, даже если мы ничего не найдем.

Он пообещал мне все что угодно. Мы даже написали что-то вроде соглашения.

* All right! (англ.) — отлично.

Я знал, о чем договариваюсь. Во время вчерашнего рассказа лорда о его путешествиях я подумал о небольшой пещере на склоне в глубине леса, куда я до сих пор не решался ходить, потому что туда надо было спускаться по веревке. Мне о ней рассказывал местный лесничий, говоривший, что там живет особый вид сов. В этой пещере лорд почувствует себя как дома. Для такого спуска он был, конечно, экипирован лучше меня. Я не мог позволить себе купить альпинистские ботинки, мне даже на лыжные никогда не хватало. И вот я спускался по веревке в обычных батевских ботинках и вспоминал судьбу князя Павла. К счастью, внизу была мягкая глина, а не громадные камни. Все казалось мне страшно смешным. Прислуживаю какому-то эксцентричному типу, превратился в боя, как он выражается. Унизительно для меня. Какой в этом смысл? Если снежные люди, как он утверждал, переселились из Испании на Гималаи, потому что им нужен был лед, чтобы замораживать свою добычу, то как замораживали ее обитатели наших пещер? Что же у них — специальные рефрижераторные или холодильные установки? Он уверяет, что это сказочные места, которые пленяют всех, кто туда попадает, и превращают каждого пришедшего в доисторического человека. Я слышал, что среди аристократов много дегенератов. Но лорд не был похож на идиота. Лазал он замечательно. Я едва поспевал за ним. И никаких признаков вырождения он не проявлял.

В пещере было светло как днем, потому что мы принесли с собой сильные электрические

фонари, чуть не в полметра величиной, а кроме того, с нами были горняцкие лампочки. По всему было видно, что у лорда действительно большой опыт путешествий в подобных местах. Но ход в горе был такой узкий, что мы не могли пролезть с рюкзаками на спине, и приходилось толкать их перед собой по земле, так что, несмотря на яркое освещение, мы ничего вокруг не видели. Мы продвигались вслепую, шаг за шагом, и я каждую минуту ожидал, что ход кончится и нам придется вернуться. Но лорд Эсдейл, очутившись в своей стихии, и слышать не хотел о возвращении. Он утверждал, что это и есть настоящая пещера, он чувствует это и опять слышит какой-то голос. Я только слышал где-то справа шум подземных вод. Кончится тем, что мы здесь утонем, как крысы. На стенах не было никаких следов изображений. Даже обычные скелеты не попадались. Я ощупывал стены, пробовал исследовать боковые ходы, но, сделав несколько шагов, каждый раз убеждался, что это тупики. Эсдейл замечательно ориентировался. Одна из таких попыток отклониться в сторону оказалась для меня роковой.

Ощупывая стену, я вдруг попал рукой в пустоту, потерял равновесие и свалился. Летел несколько секунд. К счастью, упал на ноги, но встать уже не мог: щиколотка отчаянно болела.

— Помогите! — крикнул я. — Господин Эсдейл!

Высоко надо мной мерцала его лампочка. Я и не подозревал, как глубоко свалился. У меня потемнело в глазах, и я потерял сознание.

— Ты должен думать о своем спасении, должен его действительно желать...

Мне чудился голос Эсдейла, говорящий, что я должен представить себе хозяина гостиницы со спасательной веревкой, своего директора школы в альпинистской обуви и целую экспедицию из Праги, которая, конечно, никогда не приедет. Очнулся я в полном одиночестве. Вокруг сумрак. Лорд, по-видимому, бросил меня без всяких угрызений совести. А может, воображал, что со сломанной ногой я скорее достигну счастья, чем он. Но я не ощущал ничего особенного, никакой апатии, только страх, ужас перед смертью в никому не ведомой подземной пропасти. И думал только о том, каким образом оттуда выбраться.

Если я поползу обратно тем же путем, каким мы шли, я должен попасть наверх. Пальцы у меня были окровавлены. Я казался себе кротом. Но боль в щиколотке и голод подгоняли меня. Я не рассчитывал на силу собственных желаний. Спасся только благодаря своему разуму. Через несколько часов я увидел первый луч света. Выбрался наверх. Подполз на четвереньках к ближайшему зданию. Оттуда меня отвезли в больницу. На ногу мне наложили гипс, воспаление легких лечили какими-то порошками. Пролежал я долго. Если бы в той пещере я понадеялся только на самые горячие желания, меня бы сейчас уже не было в живых.

Лорд там ничего не нашел. Он появился в Вьестоницах через два дня, а оттуда уехал в Вену. Больше мы о нем не слышали. Своего вознаграждения я так и не получил. Но я был

рад, что у меня хотя бы зажила нога. И окончательно разошелся с тестем. Обломок бивня мамонта (*Elephas primigenius*) по сей день украшает мою краеведческую коллекцию. Моя жена не решается против этого возражать. От пути разума, по которому идет наша цивилизация, отклоняться нельзя. Иначе нас ждет смерть во мраке. Тонда и Мирек были правы. Я вспоминаю о них, как только у меня начинает болеть щиколотка. А это бывает часто, особенно при перемене погоды.

Вот почему я могу под присягой подтвердить, что лорд Эсдейл не погиб на Гималаях. По-видимому, он отправился туда вслед за своей женой и присоединился к снежным людям, среди которых ему уже давно место. Но сомневаюсь, что там он нашел счастье.

СМЕРТЬ КАПИТАНА НЕМО

Под названием «Смерть капитана Немо» Йозеф Несвадба опубликовал в 1962 году четыре новеллы: «Планета Кирке», «Голубая планета», «Планета тождества» и, наконец, «Смерть капитана Немо». Всему этому циклу автор дал подзаголовок «Чтения о макрокосмосе».

Составитель предлагает вниманию читателей последнюю из этих новелл.

Сюжеты трех предшествующих новелл о планетах я позаимствовал из дневника капитана Немо. По-видимому, все вы знаете его судьбу. Звали его, собственно, Пержинка (он был отцом знаменитого композитора Пержинки); как известно, некогда он преодолел барьер времени и попал в далекое будущее — в наш век, когда эпоха космических путешествий считается лишь периодом простой подготовки к образу жизни, достойному человека. Я хорошо знал капитана — мне поручили соз-

дать для него рай,— а что из этого получилось, я вам сейчас расскажу.

В наше время капитан Немо жил большей частью в окружении любителей старины, рассказывал им о своих былых подвигах и редактировал в институте историографические материалы. Писал мемуары. Отрывки из них вы, вероятно, читали. Так продолжалось много лет. Но от своего века Немо унаследовал изношенный организм и не дожил еще до ста лет, когда при контрольном медицинском осмотре ему сообщили, что он скоро умрет.

И вот тогда капитан Немо, который вообще держался несколько странно и в свое время, вероятно, считался человеком недюжинным, повел себя совершенно неожиданно и необычно. Побледнел, пробормотал несколько слов, едва не потерял сознание. Наступила бурная нервная реакция, какую мы наблюдаем у людей, умирающих во цвете лет из-за какого-либо несчастного случая или катастрофы. Короче говоря, он испугался. Шли недели, он чувствовал себя все хуже, и страх все сильнее овладевал им. Поэтому мне вместе с моим механиком предложили сконструировать особый прибор, который дал бы возможность больному вновь пережить счастливейшие минуты его жизни и таким образом преодолеть страх смерти. Прибор, который помог бы ему легко умереть.

Но что считали счастьем его современники? Чем был тот рай, на который они возлагали надежды после смерти? Сейчас этого уже никто не знал. Мне пришлось идти экспериментальным путем, шаг за шагом регистрируя

и анализируя реакцию коры головного мозга больного.

Прибор был прост. Мы принесли его в палату Пержинки, включили, пока он спал, и настроили так, чтобы прибор возбуждал соответствующие представления, доставляя испытуемому максимальное наслаждение. Возникшие представления мы регистрировали.

Первый сеанс не представлял большого интереса. На экране появились сигарообразные ракеты, каких было множество в давние времена межпланетных путешествий. Мы наблюдали, как Немо ведет одну из них — великолепную, блестящую, мощную. Это была экспедиция в отдаленнейшую область Вселенной, к системе, где обитали живые существа, с которыми необходимо было установить контакт. Мы видели, как он прибыл на своей ракете к месту назначения и исследовал эту странную планету — но тщетно. Он не обнаружил там ничего живого, пока сама планета не начала проявлять признаки свободной активности, пока не выяснилось, что экспедиция открыла систему, где основой жизни являются сложные полимеры, гораздо более простые, чем белки. Они существуют здесь в виде больших масс, которые борются между собой, двигаясь по орбите вокруг своей звезды, и отталкиваются друг от друга, как шары на огромном бильярде. В буквальном смысле слова идет борьба за место под солнцем. Пержинка, конечно, находит выход и добивается чего-то вроде их примирения. Детские игрушки!

А главное, это видение не успокоило капитана. Утром он проснулся взволнованный, весь

в поту. Смотрел на нас, словно мы какие-то призраки, явившиеся из его же века. Я коротко объяснил ему, зачем мы пришли. Не сообщая истинной цели нашего прихода, чуточку обнадежил его. Однако я никогда в жизни не умел лгать, и он, видимо, легко обо всем догадался.

— Вы любили приключения, открытия и путешествия в космос. Хорошо! Но ведь вы ими вдоволь насладились. Так о чем же сейчас жалеть? Вы видели столько неожиданных и необычайных явлений, что теперь они должны казаться вам будничными. Почему же вы боитесь? Куда еще хотите лететь? Вы прожили счастливую жизнь,— сказал я, произнося слово, которым мы сейчас пользуемся чрезвычайно редко и осторожно.

— Я был счастлив, только когда возвращался...— сказал капитан и закашлялся. Повидимому, у него был отек легких. Мой механик поддержал ему голову, а я снова включил прибор.

Мы видели торжественное возвращение его космического корабля, награды, ордена, женщин. Женщины, видимо, играли очень важную роль в жизни Пержинки; на экране перед нами их прошло несколько десятков. Я улыбнулся. Какими странными и неразумными были раньше люди. Сейчас, когда они объединяются на основе общих интересов, нет ни любовных кризисов, ни постоянной смены увлечений. Я чуть не вскрикнул, когда на экране появился мой механик, то есть моя жена.

Мы живем с нею уже несколько лет, с тех пор как я конструирую церебральные прибо-

ры. Не могу пожаловаться, она отличный, искусный механик. Мне никогда и в голову не приходило, что она могла бы заинтересоваться этим капитаном: ведь он недалеко ушел от животного. А его фантазии, которые воплощались в картины на экране, были чем дальше, тем примитивнее. Но моей жене они нравились. Мне было непонятно. Неужели и она до сих пор так представляет себе счастье?

— Это ужасно! — воскликнул я, чуть не сорвав своим возгласом весь эксперимент, так как в палате царил покой.

— Неужели ты не понимаешь, сколько работы нам еще предстоит, чего мы хотим добиться? — сказала она, укоризненно взглянув на меня.

Пержинка снова закашлялся, и изображение на экране исчезло.

— Я забыл рассказать вам, — произнес он, глядя на меня с легкой усмешкой, — одну интересную историю с планетой Альдебаран. Мы обнаружили там механическую цивилизацию, погибшую из-за роботов-двойников. Вы не знаете, что это такое. Мы тоже не могли понять. В логовищах жителей планеты мы нашли только странные, побелевшие скелеты. За ними уже целые века ухаживали их собственные копии, двойники противоположного пола. Жители Альдебарана когда-то, в период расцвета своей цивилизации, создали их, чтобы избежать осложнений, вызываемых супружеской жизнью. Каждый имел жену, бывшую собственнo им самим, если не считать того, что она являлась существом женского пола. А у женщин были такие же мужья. Все население

планеты вымерло, потому что каждый из них мог ладить только с самим собой, и из-за этого они перестали размножаться.

— И вы тогда были «счастливы»? — спросил я.

— Тогда мне было очень грустно, совсем как сейчас...

Дыхание у него несколько улучшилось, но оставалось неритмичным и поверхностным. Это плохой признак. Врачи уже отказались от него и передали его нам. Я вспомнил, как мой отец, умирая, ушел к себе в кабинет — хотел остаться один. И потому ожидал, что этот человек вот-вот выгонит нас. Но, видимо, наше присутствие было ему приятно. В первую очередь присутствие моей жены. Он взял ее за руку. Я уже давно не делал этого.

— Ведь что-то заставило вас все это переживать! У вас было много женщин, а счастья не было. И теперь вы пугаетесь того, что ваша жизнь кончается. Почему? Чего вы не успели сделать, чего не успели пережить?

— Человек, который знает, что через две недели его повесят, отлично может сосредоточиться,— грустно улыбнулся Пержинка.— Так говорил доктор Джонсон.

Я не знаю, что такое «повесят», вероятно, это какой-то вид насильственной смерти. А доктор Джонсон, должно быть, один из его космонавтов. Меня обрадовало, что капитан сам потянулся к нашему прибору и приложил его к своему вестибулярному аппарату.

На экране появилась детская площадка, и на ней девятилетний капитан Немо. Он забил гол, и по этому случаю весь тайм больной улы-

бается. Капитан растет, ведет мяч по полю, команда вдруг превращается в его более поздних противников, появляются его помощник, старший биолог и, наконец, я сам. Моя жена расхохоталась, увидев, как смешно я прыгаю в толпе, мелькавшей на экране. Потом толпа, стоя в грязи, начала приседать и подпрыгивать.

— Тебя это смешит? — проворчал я, на этот раз шепотом.

— Тебе нравится, что этот экземпляр нашего типа homo sapiens считает величайшим счастьем, раем, о котором он мечтал, сведение счетов с людьми, обидевшими его? Это рай в представлении людей каменного века, времен кровавой мести. Не знаю, стоит ли тратить силы на этого человека? Может быть, лучше прекратить наш опыт?

Когда я увидел на экране, что капитан Немо кричит на меня, что он подошел ко мне и вдруг стал на целую голову выше меня и вообще гораздо сильнее, мной неожиданно овладел какой-то безотчетный страх, и я выключил прибор.

Немо сразу проснулся. Я решил поговорить с ним откровенно.

— Послушайте, вы боитесь умереть, так как не знаете, что будет после смерти. Мечтаете о каком-то рае, хотите быть «счастливым». Выбирайте. Ради вас я целыми неделями изучал литературу. Хотите пить из реки забвения, как греки? Хотите амброзию и нектар или белокурых богинь в Валгалле? Хотите быть в состоянии постоянного опьянения после смерти, как мечтали индейцы? Можете получить все, вклю-

чая мед и вино. Ведь представления вашей эпохи о рае и счастье были так примитивны, что один из величайших философов тех времен заявил, будто счастье в том, чтобы почесаться, когда чешется. Хотите почесаться? Пожалуйста! Я не понимаю, чего вы хотите. Не знаю, чего боитесь...— Теперь я кричал на него. Злился так же, как он только что злился на меня в своих видениях. Капитан мог уже только шептать.

— В тех же местах, где мы открыли роботов-двойников,— заговорил он,— была еще одна планета, которая тоже достигла высокого технического уровня. Ее погубила ругань. Вы помните, что такое ругательства? У них был блестящий ученый, вроде вас, который автоматизировал всю планету. Каждому живому существу он придал машину, подчинявшуюся распоряжениям из центра. Однажды, разозлившись, он прошептал этому центру: «Катитесь вы...» Тяжелые машины, совершенно лишённые чувства юмора, немедленно так и сделали — покатались не глядя куда. И все жители этой планеты были задавлены собственными машинами, пали жертвами собственной логики. Я не решаюсь повторить слова этого ученого, уважаемый... — он усмехнулся и вытер пот со лба.

Мне показалось, что мы лишь отравляем ему последние минуты. Поэтому я не возражал, когда жена выгнала меня из палаты.

О том, чем дело кончилось, мне известно с ее слов.

— Мы хотели бы знать,— тихо сказала она ему,— совершенно простую вещь. Бывали у

вас моменты, когда вам казалось, что вы готовы умереть?

— Да. Когда я был очень счастлив.

— А когда вы были счастливы?

Он задумался. Очевидно, ему пришлось долго вспоминать.

— В пятнадцать лет, когда впервые поцеловал девушку...

— А потом?

— Потом во время отпуска, когда собственными руками смастерил в нашей хате очаг...

Моя жена не знала, что такое очаг, но продолжала спрашивать.

— Когда исправил регулятор зажигания в гравитационном поле темной звезды во время второй экспедиции,— сказал он и больше ничего вспомнить не мог.

— Я начинаю понимать, что такое ваше «счастье»,— сказала моя жена.— Любовь и творчество. Или то и другое вместе. Вы испытывали это трижды в жизни. А мы все время живем этим. Создаем новые механизмы, произведения искусства, всегда вдвоем, рука об руку, такова вся наша жизнь. Поэтому мы и не говорим о счастье. Мы испытываем его постоянно. В конечном счете, в этом и ваша заслуга. Вы создали для нас такую жизнь. И можете быть среди нас...

Она протянула ему электроды нашего прибора. Он отрицательно покачал головой, казалось, впервые не чувствуя страха.

— Мне достаточно моего очага,— прошептал он.— Теперь я хочу чего-то нового.

И умер. Без прибора. Спокойный и примиренный, как все в наше время.

Примечание

В конце концов капитан, по-видимому, понял, что исчерпал свои творческие возможности, что нельзя бесконечно продлевать жизнь даже в ее наивысшей форме, что смерть — это только слияние с материей и освобождение от бремени индивидуальности. Я сужу об этом по его последней фразе: «Теперь я хочу чего-то нового». Он хотел чего-то такого, чего не мог получить при жизни. Смерти. Я часто вспоминаю о нем и прекрасно его понимаю.

Особенно теперь, когда жена ушла от меня, и я вынужден работать с безнадежно неуклюжим механиком. До сих пор не могу понять, что вызвало наш развод. Я несчастен.

АНГЕЛ СМЕРТИ

Светаает. Тени отступают, окружающие предметы ярко окрашиваются, небо становится светло-голубым — восход смерти. Через несколько часов подымающаяся на небосклоне звезда вспыхнет ослепительно белым светом, во много раз увеличится, зальет небо расплавленной ртутью, высушит поверхность этой планеты, сожжет все и сольется со своим раскалившимся спутником в единую гигантскую сверкающую массу.

Я знаю это наверняка: ведь из-за этого-то мы сюда и прилетели. Несколько дней назад нам, в восемнадцатый округ Галактики, сообщили, что должна вспыхнуть переменная звезда Альфа-4 Каменного острова. Поскольку ученые полагали, что у этой звезды есть несколько планет, на которых возможна жизнь, нам было приказано отправиться в путь. Я сгорал от нетерпения. С нашей станции давно уже не летали ни к одной Новой, так как эти полеты считаются особенно опасными. А я работаю всего первый год и еще не пережил ни одного приключения.

У Альфы-4 Каменного острова — девять планет. Три из них окружены плотным слоем разреженной атмосферы, содержащей кислород, и каждую мы обследовали отдельно. Самые интересные явления отметили на Третьей планете. Часть ее покрыта водой, и мы сначала предположили, что разумные существа живут здесь в мелких морях, как это бывает на иных планетах. Но уже с большой высоты можно было заметить, что некоторые континенты там цивилизованы: виднелись большие скопления зданий и четырехугольники обработанных полей. Кое-где жилища стояли очень скученно; очевидно, городское строительство находилось на примитивном уровне.

Мы пытались договориться с обитателями планеты, так как командир не хотел вызывать войны или даже простой стычки с ними теперь, когда мы, собственно, приносили им роковую весть. Вряд ли они смогут выдержать огромную температуру, когда вспыхнет их звезда. Им оставалось лишь одно: перебраться в другое место, но, видимо, цивилизация здесь не достигла необходимой для этого ступени. Будь у них возможность переселиться на какую-нибудь отдаленную планету, они наверняка не стали бы ждать нашего предостережения. Да и техника у них, по-видимому, на низком уровне: мы вызывали их на всех волнах, простейшими кодами, но никто не откликнулся. Как знать, может быть, у них и электричества-то нет. Нам оставалось только систематизировать материалы, которые мы собрали, облетев несколько раз вокруг планеты, и доставить их в Институт космоса для сравнительного изуче-

ния цивилизаций. Да еще зарегистрировать некоторые сведения для Службы галактической информации — одна из референток этого учреждения всю дорогу приставала к нам с какими-то глупыми вопросами. А затем вылететь по направлению к самой Звезде, чтобы выяснить причины ее предстоящей вспышки и превращения в Новую.

Вот эта-то попытка и привела нас к катастрофе. Масса Звезды уже начала меняться, мы не заметили, что ее температура повысилась, и когда включили моторы для старта, произошло замыкание, отказал регулятор. Мы превратились в вечный спутник Третьей планеты. Немедленно была объявлена тревога. К таким событиям мы привыкли и не сразу осознали грозящую нам опасность. Отказал регулятор, что ж, исправим его, не велика беда.

— Через тридцать часов сможем вылететь, — самоуверенно заявил инженер и вдруг побледнел.

— Тридцать часов! — вздрогнул я.

За это время все планеты Звезды превратятся в раскаленные пары металлов. А мы — спутник одной из них. Командир собрал нас в зале заседаний. Распределил задания, отдал приказы; в ремонте регулятора должны были участвовать все.

— Неужели вы не понимаете, что это напрасный труд? — крикнул я, увидев, какие у всех деловые, торжественные и строго официальные лица. — Зачем ремонтировать регулятор, если через несколько часов он испарится вместе с нами? Зачем заниматься бессмысленной работой? — Голос у меня дрожал.

— А что вы предлагаете? — спросил командир.— Остается только работать как положено.

— Надеяться на чудо?

— Никто не верит в чудеса,— нетерпеливо нахмурился он.— Я полагал, что в школе вам объясняли, как нужно себя вести в случае опасности.

— В школе нас уверяли, что полеты на ракетах абсолютно безопасны, что мы живем в эпоху, когда Вселенная давно покорена, в эпоху Галактического сообщества, когда никто не умирает зря или по глупости своих начальников...

Я пришел в отчаяние, оскорблял его, готов был разрыдаться. Мне не исполнилось и двадцати, у меня еще нет детей, меня ждет мать, и мне казалось непостижимым, что люди когда-то умирали, едва достигнув ста шестидесяти лет. Как глупо, как нелепо это было! А сейчас по вине каких-то дураков...

— Я не хочу умирать! — кричал я. — Не хочу!

Он подошел ко мне и кивнул остальным. Они быстро удалились, будто еще имело смысл спешить. Я их не понимал, они казались мне безумцами.

— Все это было лишь испытанием, дружок,— отеческим тоном сказал он, чуть ли не поглаживая меня по шлему.— К сожалению, вы не выдержали его. Придется перевести вас на пассажирские линии.

— Неужели?! — воскликнул я.

Когда-то устраивали такие странные испытания, чтобы отобрать для важных заданий самых подходящих людей.

— Вы хотите сказать, что эта Звезда не вспыхнет, не превратится в Новую, что мы прилетели сюда не для того, чтобы спасти разумные существа, что все это комедия, которую разыграли из-за меня, чтобы выяснить, пригоден ли я для участия в ответственных исследовательских полетах? — Он кивнул. — Я покраснел. — Тогда я понимаю, почему все так спокойны. Хотелось бы посмотреть, как бы они вели себя, окажись все это явью, если бы им грозила смерть. Уверен, что кричали бы так же, как и я.

Я просил извинить меня. Жалел, что не выдержал испытания. Командир дал мне труднейшее задание: пришлось работать в скафандре на внешней стороне ракеты без связи с остальными.

Неподалеку от меня работала Зи. Сначала мне было немного стыдно. Я уже давно ухаживал за ней и понимал, что сегодняшним поведением уронил себя в ее глазах. Она строга. Легко осуждает. Я улыбался ей сквозь толстый, прозрачный шлем, помогал чем мог, носил за ней мелочи, которые она оставляла. Притяжение здесь было незначительное; казалось, что я и сам бы смог толкнуть нашу ракету на нужную орбиту.

А потом сомнения снова закопошились во мне. Если это было только испытанием, то почему же оно продолжается? Почему мы не стартовали сразу после моего провала? Я хотел спросить Зи, но не мог, пока не пришла смена. Это были два общепризнанных остряка, два приятеля из Черного квадранта. Я ждал шуток, но они молча схватили наши

инструменты и принялись за работу, торопясь как на пожар. Да, над нами и вправду пылала наша Звезда.

— Прости, я понимаю, как все это серьезно, я вел себя ужасно, вижу, как мужественны остальные, мне стыдно, Зи... — говорил я, помогая ей снимать скафандр в каюте.

— Я тоже боюсь, — прошептала она.

Так, значит, это все-таки правда, командир обманул меня как мальчишку.

— Значит, я умру?!

— Все мы умрем... — ответила она.

Лгун! Разыграл передо мной комедию, как врач перед смертельно больным, как герой перед трусом. Мне хотелось побежать к нему, но я остановился. Что ему сказать? Он тоже погибнет. В чем его упрекать? Намерения у него были хорошие. Я бросился в объятия Зи. Мы не были близки раньше, она этого не допускала.

— Теперь я понимаю, почему когда-то прибегали к наркотикам, — сказал я через некоторое время, когда мы лежали рядом, вслушиваясь в гудение конденсированного воздуха в вентиляторе. — И мне хотелось бы сейчас принять что-нибудь успокаивающее, какую-нибудь таблетку или микстуру, которая взбодрила бы меня. Послушай, ведь мы знаем, где аптечка. Давай опередим смерть, умрем вместе счастливо и спокойно, избегнем чудовищной температуры этой страшной Звезды...

Зи отодвинулась от меня.

— Ты болен? Это было бы предательством. Дезертирством... Мы с самого рождения знаем, что умрем, но никто из-за этого не кончает

жизнь самоубийством. Командир отдает приказания не потому, что ему больше нечего сказать. Экипаж любого корабля во Вселенной повел бы себя точно так же, никогда ни у кого не было другого выхода. Мы рождаемся и умираем, но пока живем, думаем о работе, о пользе, которую можем принести, о своем назначении. Другого решения нет. Не помогут ни религиозный дурман, ни самоубийство, ни обжорство. Ты рассуждаешь, как дикарь или безумец, будто ничего не понимаешь.

Конечно, Зи была старше меня, но я терпеть не мог нравоучений. Она рассуждала так, словно ей было безразлично, умрет ли она, словно с самого рождения знала, что подле Третьей планеты ее сожжет Новая Звезда, словно наблюдала сама за собой со стороны. Неужели ей не страшно? Мы поссорились. Она хотела вызвать ко мне врача. Это, мол, распад личности. Будто неестественно, что я хочу видеть ее и свою мать, хочу еще долго наслаждаться любовью к ней, совершать далекие путешествия по Вселенной и отличиться, не хочу так глупо, так бессмысленно погибнуть.

Я ушел из ее каюты и возвращался к себе запасным ходом. Весь экипаж был на носу, у регулятора. Я проходил мимо аварийных спасательных ракет. Их было три, забраться в одну из них ничего не стоило. Но куда лететь? Есть только два пути. Затеряться в космосе, одиноко блуждать по Вселенной, как те, кто в древние времена потерпел аварию, с той только разницей, что здесь не проходят регулярные трассы и нет надежды на то, что тебя

спасет какая-нибудь торговая ракета, здесь только пустота и верная голодная смерть. Или полететь к той Звезде и умереть сегодня же. На мгновение мне даже захотелось этого, чтобы сократить невыносимое ожидание. Впрочем, я еще могу полететь на один из континентов Третьей планеты, в какой-нибудь из ее городов и предупредить жителей. А что, если у них есть какие-нибудь средства? Никто другой нас спасти не может. Вдруг на меня нахлынула волна жалости к ним: как Институт космоса фотографировал их жилища для сравнительного изучения цивилизаций, как собирал информацию! Словно там жили какие-то животные! А вдруг это разумные существа? Если они не приняли наших сигналов, предупрежу их сам. Я забрался в аварийную ракету в своем служебном скафандре. Никто не обратил на это внимания. Когда заметят мое исчезновение, я буду уже там, на планете. И сообщу им все. Я не намерен следовать примеру нашего командира. Пусть узнают. Пусть сами решат. Интересно, будут ли они так же упрямо работать, как наш тупой экипаж? И тут, стыдно признаться, у меня всплыли дикарские представления о загробной жизни.

Я уже видел огромные острова планеты; собственно, это континенты — один обширный и плоский в северном полушарии и два треугольных на юге. Наши автоматы зарегистрировали самые большие поселения там, где залегают уголь и металлические руды. Значит, это промышленная цивилизация. Я причалил быстро и немного резко посреди континента, как это описывается в книгах, в районе одного

из крупных поселений. Ожидал, что меня окружают местные жители. Но не увидел ничего, кроме мрачных контуров их обиталищ из железа, бетона, керамики и примитивных пластмасс. Уровень строительства у них невысокий: здания тянутся кверху, крыши домов крутые, видно, из-за климата. По-видимому, из морей испаряется вода и затем, снова сгущаясь, проливается над сушей. Мне на планете не слишком понравилось. Сразу видно, что отсталая цивилизация; я не променял бы на нее свою родину, но все же это лучше, чем смерть. Немного подождав, я включил сирены и решил стрелять или устроить пожар, только бы привлечь их внимание.

Но появилось нечто совсем другое: вторая аварийная ракета с нашего корабля. Раскалившаяся докрасна, она мчалась прямо ко мне. Я быстро выскочил из кабины, бросился к ближайшему дому и укрылся в темном углу. Они подлетели совсем близко, но не пошли на посадку, а включили громкоговоритель. Звали меня, снова и снова повторяли мое имя. Я заткнул уши.

— Возвращайся, немедленно возвращайся! — услышал я голос командира. — Нам удалось исправить регулятор, инженер сократил срок ремонта, мы сейчас стартуем...

Лжец, думал я, знаю твои штучки, хочешь заманить меня в этот коллективный гроб, воображаешь, что я опять поверю тебе. Тогда испытание, сейчас инженер — только бы успокоить труса. Глупец! Вторично им меня не обмануть. Я знаю, сколько длится ремонт, немного разбираюсь в наших механизмах. Манове-

нием волшебной палочки их не исправишь. Зи, рыдая у микрофона, уговаривала вернуться, понять, что здесь меня никто не спасет, я могу только повредить местному населению, говорила, что разлюбит меня. Словно мы могли надеяться на какое-то будущее.

— Хочешь стать для них ангелом смерти? Хочешь подготовить их к страшному суду? — издевалась она, будто я и впрямь был верующим. — Неужели ты не понимаешь, в чем единственное спасение от смерти?

Зачем она без конца поучает меня? Если жители этой планеты не найдут выхода, я присоединюсь к ним, хотя бы они перед гибелью даже предались безумным оргиям или впали в религиозный экстаз. Они такие же живые существа, как и я, и это объединяет нас; наверняка у них не такой бесчувственный командир, как на нашей ракете. Опять прозвучало мое имя. Они обнаружили, что я выбрался из своей ракеты, и дали мне десять секунд на размышление, а затем я должен сообщить, где нахожусь. Выждали десять секунд, а потом улетели на корабль.

— Ты свой выбор сделал. Оставайся один... — сказал на прощание командир и добавил еще несколько слов — формулу, которая обычно сопутствует изгнанию со службы за дезертирство или преступление. Как только они скрылись из виду, я побежал к ближайшему дому и стал колотить в ворота, но они рассыпались от моих ударов. Здания были покинуты, вся утварь запылилась и истлела. Дома пустовали. Несколько часов я бегал по городу и нигде не встретил ни одного живого

существа. Временами мне казалось, что жители этой планеты невидимы или на ночь прячутся в пещеры. Но даже с помощью самого чувствительного детектора я никого не смог обнаружить. Ни в городе, ни за городом, ни под землей. Зачем бы, имея такие дома, им скрываться под землей? А может, это какой-то особый вид кротов? Сняв тонкий слой почвы, я обнаружил скелет. Человеческий скелет.

Сначала я подумал, что сошел с ума, что мне это мерещится. Как могли попасть сюда, на одну из самых отдаленных планет нашей Галактики, разумные люди? Может, это останки какой-нибудь экспедиции? А вдруг эту планету заселили уже давно? Но зачем было тогда посылать нас на разведку? Я ничего не понимал. Мне пришло в голову включить астронавигационный детектор. В ответ послышалось: поблизости на ракетодроме должен быть склад горючего.

Ракетодром я нашел в нескольких метросекундах. Это было большое, совершенно заброшенное пространство без ракет, со старинным оборудованием времен первых галактических сражений, еще до основания Сообщества. Я побежал к пульту управления. Двери передо мной рассыпались. Там стоял локатор. Невероятно примитивный. Но он указывал направление, в котором много веков назад улетели отсюда ракеты: восемнадцатый округ Галактики, наша станция. Возможно ли это? Неужели я открыл первую планету, откуда заселялась вся Галактика, безымянную планету, название которой было забыто в эпоху вековых распрей? Так это родина первых людей, легендарная Земля?

И жители покинули ее потому, что их ученые предсказали распад звезды Альфа-4, этого солнца первых поэтов? Значит, они уже давно собственным умом, своим трудом, терпеливой борьбой против смерти нашли средство спасения от катастрофы, которая сейчас разразится?!

В локаторе мелькнул огонек. Откуда? Как он сюда попал? Огонек удалялся в направлении нашей планеты. Неужели одна из доисторических ракет? Нет, это наш корабль. Спасенный. На этот раз командир сказал правду. Зи тоже говорила правду. Жители этой планеты знали правду. Человечество знало правду.

Светает. Тени отступают, окружающие предметы ярко окрашиваются, небо становится светло-голубым — восход смерти. Через несколько часов подымающаяся на небосклоне звезда вспыхнет и сольется со своей планетой в единую гигантскую сверкающую массу. Сожжет все окружающее. Но только не правду, известную человечеству. Я не понял ее. И остался в одиночестве. Единственный человек, кому предстоит умереть на Земле,

РИМСКАЯ ПОБЕДА

Меня взяли в Рим в качестве специалиста. Точнее, я сам вызвался ехать. Мой коллега Вольф сломал ногу в горах, и группа гимнастов осталась без врача. Обо мне вспомнили лишь потому, что когда-то я занимался гимнастикой и несколько лет работал спортивным врачом.

На следующий день я должен был уйти в отпуск, так что никому не пришлось специально меня заменять.

— Вот счастье-то,— говорил директор поликлиники, подписывая мое заявление об отпуске,— вместо Махова озера попасть к Тирренскому морю.

Наверное, он мне завидовал. Да я и сам ликовал. Никогда мне не доводилось бывать в Италии и до последней минуты не верилось в свое счастье. Вечно мне не везет. Я к этому уже привык и все ждал, когда кто-нибудь омрачит мою радость. Это и случилось в первый же день нашей поездки. Мне представили Краткого.

— Знакомы ли вы с нашим олимпийским чемпионом? — спросил глава делегации, произнеся его имя с уважением, и усадил Краткого между мной и массажистом, как будто в дороге он не мог обойтись без медицинского наблюдения. Я сразу понял все. Вероятно, чемпион в последнее время был не в форме и поэтому придумывал себе различные болезни. Ему уже за тридцать, но он не хочет отказываться от соревнований, — это приносит славу и дает возможность путешествовать.

— Не сядьте на мою аптечку, — предупредил он. Чемпион вез собственную аптечку, как будто заранее мне не доверял. И до самых Ческе-Будеёвиц экзаменовал меня, выпрашивая о своих болезнях. Массажист должен был ему поддакивать. К счастью, перед границей Краткий основательно запасся пивом, так что до Зальцбурга оставил нас в покое. Потом он не мог заснуть, и мне пришлось давать ему снотворное. Конечно, еще в Праге я понял, что не видать мне Италии и что плакал мой отпуск.

Одновременно с чемпионатом в Риме началась конференция спортивных врачей. На следующий же день после приезда мне пришлось принять в ней участие. Какой-то горбатый испанец докладывал о том, какие группы мышц устают во время велосипедных соревнований. Мне все это показалось странным. Неужели мои коллеги воспринимали его всерьез, если они с таким вниманием слушали столь абсурдное выступление! Началась даже дискуссия. Мышечная усталость была их эсперанто. Они отлично находили общий язык: испанец, итальянцы, немцы, поляки, даже врач из Лаоса. Но

я уже перестал их понимать. За последние несколько лет спортивная медицина основательно изменилась и ушла далеко вперед. Я успокоил себя тем, что сегодня же вечером перелистаю годовой комплект «Спортивной медицины», чтобы нашей делегации не пришлось за меня краснеть. Восполню пробел в своей бывшей специальности.

После обеда я поспешил на другое заседание. Как раз в это же время в Риме проходил конгресс по энцефалографии. Это была моя новая специальность. Конечно, вы видели в популярных журналах фотографии кошек или кроликов с микроэлектродами, которые торчат у них на голове, как пышная корона. Мы пытаемся экспериментально исследовать деятельность человеческого мозга. Это, безусловно, более важная проблема, чем усталость четырехглавой мышцы бедра во время велосипедных соревнований. Конгресс энцефалографов проходил в Палаццо Дория, а спортивные врачи заседали на Пьяцца Венеция. С Римом мне пришлось познакомиться только из окна троллейбуса. Ватиканскую коллекцию я не видел, на Форе Романе не был, Виа Венето знаю только по кинофильмам. Мне нужно было успеть на оба конгресса. И во всех подробностях я могу описать только римские троллейбусы. Они почти такие же, как у нас.

Краткий не желал тренироваться без меня. Он утверждал, что чувствует себя неуверенно, что меня взяли в Рим не для прогулок. Однажды, когда я прибежал в тренировочный зал на десять минут позже, он стал на меня кричать. Во время тренировки нервничал. Теперь мне

стало ясно, зачем его взяли на чемпионат. Хотели, чтобы он, наконец, провалился и перестал вести себя в Праге, как примадонна. Я начал подозревать, что мой коллега Вольф нарочно сломал ногу.

За день до открытия соревнований среди участников конгресса по энцефалографии я встретил Гвин из Манчестера. Год назад, по дороге в Москву, она заезжала к нам в клинику. Гвин сейчас же посадила меня рядом с собой. И тут же спросила о моем шефе. Гвин участвовала в дискуссии, была в курсе новейших исследований, цитировала американские работы. Я решил, что вечером перелистаю последний номер «Джорнал оф энцефалографи», а пока пригласил ее поужинать. Она попросила все только холодное. Даже кофе из холодильника. Мне такая еда не очень-то нравится. Сидели мы на маленьких металлических стульчиках, а мимо нас торопливо проходили люди, гораздо более темпераментные, чем мы. Они кричали друг другу «корнуто», что значит рога носец, и бросались к троллейбусу, как на соревнованиях по бегу. Наверное, им так же, как и мне, хотелось попасть на два конгресса одновременно. Может быть, кое-кто в Риме тоже специализировался сразу в двух областях?

— Знаешь, сколько тебе нужно бы читать ежедневно по нашей специальности? — размышляла вслух Гвин, сидя рядом со мной. — Десять статей ежедневно. Это примерно страниц сто. Не считая книг. Даже узкая специальность слишком велика для одного человека. Представь себе, что кому-нибудь вздумалось

следить за всей медициной. Тогда ему потребовалась бы особая машина, которая могла бы обрабатывать и классифицировать научную информацию, полученную со всего света. Это составило бы в день больше тысячи страниц. Как же обстоят дела с человеческим мозгом при современном уровне цивилизации? Хватает ли его? Соответствует ли он темпам нашей жизни? Ведь я уже почти не читаю газет, не хожу в театр, мы разошлись с Робби... — она испытующе посмотрела на меня через очки. Гвин была единственным человеком в Риме, с которым я мог потолковать. Ее исповедь тронула меня.

— Хватит говорить о науке. Пойдем на Аппиеву дорогу после обеда, посмотрим, где жила Лоллобриджида, а вечером купим билеты на фильм, в котором она играет.

Гвин поднялась с таким видом, будто я совершил святотатство. Кто будет за нее записывать доклад профессора Калтенбруха? Что она скажет по возвращении в Манчестер? Там на ее место претендуют три специалиста. Но, конечно, прежде всего, ее интересует работа профессора Калтенбруха. И гораздо больше, чем Аппиева дорога или Лоллобриджида. Она уверена, что я тоже пойду на доклад. Я посмотрел на часы. Было довольно поздно. Вот уже десять минут, как Краткий тренируется. Это значит, что все десять минут он ругает меня последними словами. А завтра — состязания. Я извинился перед Гвин. Объясняться у меня не хватило духу. Она все равно не поняла бы, отчего я изменил нашей специальности и поехал в Рим на спортивные сорев-

нования. Мне и самому стало стыдно. А по дороге я придумывал, что скажу Краткому.

Но наш чемпион не тренировался. Он решил завтра не выступать. Разумеется, из-за меня. Потому что я не обеспечил ему подготовку. Он перебросил через плечо полотенце и ушел. Никто из команды не стал со мной разговаривать. Будет скандал. В Риме его ждали, думали, что он в хорошей форме, а в Праге ему, конечно, удастся отговориться и продолжать свою политику: кто докажет, что он уже не годится для соревнований?

Я сидел в своей комнате и успокаивал себя красным вином, тем самым дешевым, которое вместо пробки закупоривают каплей масла, чтобы не прокисло. На столе лежали вестники по обоим моим специальностям, виновники всего — «Спортивная медицина» и «Джорнал оф энцефалографи». Я выглядел, как пресловутый буриданов осел, который должен был выбрать одну из двух охапок сена. Кто-то постучал в дверь. Это был массажист. Он быстро запер за собой дверь, подошел к окну и спустил соломенную штору. В комнате стало темно, как во время тайного собрания карбонариев.

— Дело плохо, старик. Они хотят отозвать всю команду,— прошептал он.

Я хотел ему налить вина, но кроме стакана для полоскания зубов у меня не было другой посуды. Из него, наверное, не полагается пить.

— Говорят, вернемся в Прагу. За ваш счет...

— С таким решением не согласится ни один суд. Слава богу, спортсмены у нас не всемогу-

щи. Да чтоб я еще раз поехал с ними за границу... — взорвался я.

— Вот это была бы ошибка. Вы можете нас спасти. Нас всех.

И он начал излагать мне свой фантастический план. — Уже несколько лет я замечаю, что на тренировках Краткий работает лучше, когда я смотрю на него в упор. Несколько раз он делал сальто назад с места с полным оборотом, потом — арабское сальто, кувыркался вперед, разножив. Он и сам не понимал, отчего так получается. Только чем дальше, тем больше гордился этим. Потом начал пить, мы поссорились и больше у нас ничего не выходило. Знаете, он слишком сильный. Я как-то не могу добраться до его мышц... — Массажист сел на перекладину моей постели. Лицо его стало несчастным. Казалось, он даже не отдавал себе отчета в том, что говорит.

— Вы гипнотизер? — не выдержал я.

— Я массажист. Но мой взгляд действовал на него лучше, чем массаж...

Все это было невероятно. Явления, известные нам при некоторых душевных заболеваниях или при гипнозе, которые даже сегодня трудно объяснить.

— В самом деле интересно. Когда вернемся в Прагу, из этого можно будет сделать сенсацию.

Только массажист и слышать не хотел о каком-либо исследовании. Он желал, чтобы вместо Краткого выступил я сам. Стал уверять, будто бы он последнее время наблюдает за мной и считает, что мы хорошо понимаем друг друга. Для начала он помог бы мне, как и

Краткому. Ему кажется, что мои мышцы не противятся его взгляду, а мой мозг способен воспринять его мысли. Болтал какую-то чушь. Нельзя стать гимнастом только при помощи мозговых извилин: для этого нужны мышцы. Хотя, конечно, теперь мы знаем отдельные участки мозга, которые влияют на движение определенных мышечных групп. Я облокотился на журнал по энцефалографии.

— Да ведь меня не покажут даже судьям. Я не тренировался уже семь лет, у меня брюшко. Посмотрите,— и я поднял рубашку.

— Тем лучше. По крайней мере вы докажете, что мышцы для этого совсем не обязательны.

Я его понял. Всю жизнь он работает массажистом, и мышцы давно опротивели ему.

Потом ко мне пришел глава делегации. Он сказал, что жаловаться они не будут, но и платить мне тоже не собираются, а только опозорят меня на всю Прагу. Все газеты напишут о несознательном враче, который виноват в поражении нашей команды. Потому что без Краткого мы не можем принять участие в соревнованиях.

— Можем,— ответил я спокойно.— Я такой же хороший спортсмен, как и он.

Капитан команды решил, что я сошел с ума. Но во второй половине дня мы с массажистом пришли на тренировку. На турнике я проделал несколько махов с перехватом, держал лодочку, крутил солнце, делал соскоки задним сальто. Но я не сознавал ничего. Потом, после тренировки, я почувствовал, как болит все мое тело. Меня поздравляли. Краткий пожелал

выступить сам. Ему не позволили. Я был лучше, чем олимпийский чемпион.

На следующий день я выиграл соревнование. Все Палацетто делло Спорт помирало со смеху, когда вместе с атлетически сложенными спортсменами перед судьями появился я. У меня не только брюшко, но и искривление позвоночника из-за того, что я все эти годы таскаю портфель в одной руке. Только во время моего выступления перестали смеяться. Я делал все упражнения точно, как машина. Я пришел в себя, когда зрители уже несли меня на руках. Итальянцы более темпераментны, чем мы.

Впервые за долгие годы меня хорошо промассировали. Я был счастлив. Наверное, мы с моим массажистом можем так хорошо работать потому, что когда-то мои мышцы были подготовлены гимнастикой, а теперь я могу подчинить их воле человека, который изучает закономерности процессов, протекающих в мозгу. Так я синтезировал свои разнообразные интересы: энцефалографию и спорт. Я стал гармонической личностью. Пожалуй, единственной на свете. Вне конкуренции. Наконец-то я обрел покой.

На другой день моя фотография украшала спортивные отделы всех газет. На завтрак вместо кофе я потребовал кампарисоду и пошел на конгресс по энцефалографии. Теперь мне нечего бояться. Я шел не спеша. Потом взял такси, потому что сегодня я примадонна. Гвин на этот раз даже не взглянула на меня. Очевидно, она игнорирует лентяев, которые самовольно пропускают лекцию профессора Калтенбруха. Пришлось подойти к ней во вре-

мя перерыва. В руках она держала «Дейли Америкэн», которая издается в Париже для западноевропейских англосаксов. Конечно, там было написано о моей победе. Я ждал, что она мне что-нибудь скажет. Восхитится. И я ей объясню, почему задержался. «Я должен был выиграть соревнования»,— брошу ей небрежно. Но Гвин была холодна как лед. Подала мне руку и поспешила к немецкой делегации. Я тоже купил «Дейли Америкэн». Моя фотография красовалась на последней странице. А на третьей — фотография моей приятельницы из Англии. Она выступала тотчас после Калтенбруха, произвела сенсацию, а я в это время выступал на соревнованиях. Вероятно, она ждала, что я буду ее поздравлять. А я ждал ее приветствий. Один не знал об успехах другого. В том же городе, в тот же день. Даже в газете она не прочитала последнюю страницу. И я бы не прочитал ничего другого, не возникни у меня подозрение. Возможно ли это? Неужели мы так односторонни, что даже в газетах читаем только ту информацию, которая связана с нашей специальностью? А затем каждый представляет себе мир по-своему и живет интересами своей специальности гораздо больше, чем интересами своей семьи, своего города, своей страны. Правда ли, что специализация зашла так далеко?

Ни троллейбуса, ни такси не было. Начал моросить дождь. Немцы мелкими шажками побежали к белеющему памятнику Виктора Эммануила. Надо думать, не для того, чтобы посмотреть на память о Ромуле и Реме,— живую волчицу, которая снует там по клетке,

а потому, что наверху, у памятника, увидели профессора Калтенбруха. Им, видимо, хотелось спросить его про какую-нибудь интересную кривую.

Они казались мне смешными. Ведь я основал новое дело, и у меня такая специальность, что им и не снилось. По крайней мере не буду выбиваться из сил, как они. Я пошел в ближайший бар. Там я увидел множество различных аперитивов, Чинзано биттер, чинато и дри и хемингуэевский грапп, и уже попросил было бутылочку, когда за моей спиной в дверях показался массажист. Я увидел его в зеркале.

— Разыскиваю вас по всему городу. Обещал все исторические места, даже Колизей и замок святого Ангела. Поедем быстрее. Нам нужно тренироваться. Каждый день не меньше семи часов. По такой системе, как у нас, в мире работает уже по крайней мере пять человек, а японец Оно в прошлом месяце записался на медицинский факультет. Конечно, никто этим не кичится. Нужно собирать информацию, чтобы нас не переплюнули.

— Опять информация? Сколько килограммов ежедневно? — раскричался я, понятно, почешки. Официанты глядели на нас с симпатией. Они были довольны, что иногда кричат и блондины. А смотрело на нас не менее полудюжины человек, ибо в Италии переполнены все учреждения, и юноша, который вполне мог бы изучать атомную физику, рад, когда ему удастся продать за день две порции кока-колы. Зато уж продает он ее с научным увлечением.

— Вы думаете, я мечтаю приобрести еще и третью специальность? — раскричался я. — Вы

думаете, что теперь из меня выйдет не только спортивный врач, не только специалист по энцефалографии, но и гимнаст, комедийный чемпион? Благодарю покорно. Когда же я буду жить? Жена уже не хочет открывать мне дверь, когда я возвращаюсь по ночам с собраний. Что же — приходить с тренировки к утру? Тут никаким гипнозом не поможешь. Потому что даже самые фантастические опыты не продлят день. Не растянут час... Я думал, что буду жить гармонической жизнью. А вместо этого извольте работать еще по третьей специальности. Нет, никогда!

Поэтому на другой день я передал для опубликования в прессе свое знаменитое требование запрещения психического допинга. Вы хорошо знаете, как строго преследовались до сих пор попытки возбуждать спортсменов всякими вредными химикалиями. Я обратил внимание на психические возможности человека. И сделал это не для того, чтобы кому-нибудь повредить. Наш массажист теперь работает в Карловых лазнях, и никто ничего не поставил ему в вину. Я только хотел предупредить общественность об опасности, которая сегодня угрожает всем и не дает людям возможности жить полнокровно.

Это было громкое дело. Мое заявление долго изучали. И с той поры в спортивной медицине специалисты проверяют перед соревнованиями, нет ли здесь допинга... Так что, собственно говоря, я все же основал новую профессию.

ТРЕСТ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ ИСТОРИИ

«Trust for destruction of history, Weltgeschichtevernichtungstrust — TDH — международная тайная организация, задача которой — остановить прогресс. Вы, конечно, понимаете, что события, происходящие в современном мире, пагубны для таких выдающихся личностей, как, например, Вы, подавляют их, лишают свободы в первую очередь из-за ликвидации частной собственности, этой гарантии независимости, которая заменяется господством монополий или, что еще хуже, государственными предприятиями. Поэтому и был создан наш трест — объединение, защищающее интересы последних частных, стремящихся остановить прогресс, мечтающих о свободе и независимости, жаждущих уберечь личность человека-предпринимателя от наступления человека-служащего. Мы обращаемся к Вам с призывом помочь нам, препятствуя прогрессу в Вашем городе и на занимаемом Вами месте, ибо теперь, когда потерпели крах все попытки военного вмешательства, достижение успеха возможно только путем объединения усилий истинных мужей всего мира...»

Корейс посмотрел на подпись. Сначала письмо показалось ему нелепой шуткой. Но бумага была хорошая, листовка, несомненно, печаталась за границей, так как все чешские значки над отдельными буквами были проставлены от руки. Он посмотрел на своего бывшего друга. Так вот чем ты сейчас занимаешься...

— Интересно,— сказал Корейс, смущенно возвращая ему листовку.— Но сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог остановить ход истории, а тем более повернуть ее вспять. Я, во всяком случае, не могу. Гараж мой пуст, а в кармане ни гроша. Сегодня у меня отобрали последний автомобиль.

— Нам не нужны твои деньги. И в транспортных услугах мы не нуждаемся. Наоборот, предоставим тебе новую машину.

Тогда осторожно оглянулся и левой рукой приподнял брезент, покрывавший старомодную машину, на которой он приехал. Корейс увидел направленные прямо на него отполированные детали какого-то реактивного устройства, напоминавшего «катюшу» в миниатюре.

— Для чего это? — спросил он, так как вообще интересовался машинами.

— Ты можешь надолго приостановить прогресс в Чехии. Не знаю, помнишь ли ты, как мы в сорок пятом году помешали нацистам взорвать пражский мост? Благодаря этому русские вошли в Прагу раньше американцев и сыграли решающую роль в том, какой социальный строй установился в нашей стране. А знаешь ли ты, почему нам тогда удалось

перестрелять отряд нацистских подрывников? Потому что ты предоставил нам машину и подвез нас к пражскому мосту с тыла, лесной дорогой. У тебя тогда была отличная машина.

— Я назвал ее «Рихардом», — улыбнулся Корейс. — Сам собрал из утиля. Ни один «газик» или «додж» не мог за ней угнаться. Ее то у меня сегодня и отобрали.

— Вот потому ты и созрел для поступления в наш трест. Кто на фабрике будет теперь заботиться о твоих автомобилях? Кто станет отдавать им всю свою любовь, посвящать жизнь? Ты последний экспедитор в Чехии. Последний энтузиаст своей профессии. На твое место придут только лодыри, воришки и служащие, которым все безразлично. Им на автомобили наплевать. Они в своей работе не заинтересованы. Ты этого не должен допускать.

— Но как? — спросил Корейс и повел Тонду в свою опустевшую мастерскую. — Много умников пыталось еще до нас это сделать и погорело.

— Они не владели нашим методом. Эта машина перенесет тебя в тысяча девятьсот сорок пятый год. Ее счетчик отсчитывает не километр-часы, а годы. А в остальном ею управляют так же, как твоим любимым «Рихардом». Мы нарочно сконструировали ее по твоей модели. Вернешься в тот решительный день, никого не отвезешь к пражскому мосту, ребята пойдут туда пешком, явятся слишком поздно, и русские задержатся у реки. А на следующее утро в Прагу войдут американцы. Ты переделашь историю. Так же, как другие будут

делать это в других местах. Такие меры, разумеется, изменят современный мир радикальнее, чем любая интервенция. В наше время, при наличии атомного оружия, нет других возможностей, если мы хотим изменить ход истории и все же сохранить жизнь на земле.

Корейс больше не сомневался:

— Ты сошел с ума,— сказал он и большими шагами направился к своему дому.

Тоник пошел следом за ним. Клялся, что все это правда, показывал документы, свидетельства, специальные полномочия, доллары и особый бесшумный пистолет. Он допускал, что такая поездка может оказаться опасной, что из подобных путешествий в прошлое многие не возвращались, льстил Корейсу, взывал к его героизму. Ведь если он тогда сумел собственноручно укокошить начальника команды подрывников, то теперь сумеет сдержаться и не убивать его, спасет человечество, цивилизацию, себя и свою семью от разорения.

— Неужели ты забыл, что тогда боролся вместе с нами? Что на том мосту потерял правую руку? — Корейс неделикатно указал на протез Тонды.

Тоник объяснил, почему он так изменился, почему пошел на службу в «Трест» — ведь его потом выгнали из армии и даже арестовали за то, что он будто бы проворовался в Пограничье. Ему пришлось бежать за границу, и с тех пор он думает только об одном: как исправить свою ошибку. Это он разработал такой план и предложил его правлению треста, именно он догадался, что современное политическое положение в Чехии является результа-

том той поездки Корейса, что, собственно, Корейс на своей машине привез в Прагу социализм... Но Корейс, даже не попрощавшись, захлопнул дверь перед его носом.

Дома его ждали, сидя за остывшим ужином. Тесть — воплощение ехидства — ходил вокруг стола. Марта упорно рассматривала собственные руки.

— Знаешь, что велели передать твои товарищи? — язвительно спросил тесть. — Знаешь, какое поручение дали Марте? Мало того, что они отобрали все твои автомобили, но ты еще должен уплатить налог. Теперь можешь идти выпивать с ними. Что я тебе говорил? — Это была его ежедневная песня.

— Машины забрали потому, что они были имуществом фабрики. Если бы вы переписали их на меня, мы пользовались бы ими по сей день, — нехотя огрызнулся Корейс. Сегодня он не мог как следует разозлиться даже на этого сгорбленного старикашку.

— Верно. Это я знаю. Ради них ты и вошел в нашу семью. Воображал, что я тебе все отдам. А потом ты вышвырнешь меня вместе с моей дочерью.

— Вас вышвырнули другие, — сказал Корейс и отодвинул тарелку. Есть ему не хотелось. Марта только взглянула на него. Она была еще уродливее, чем всегда.

— Завтра утром надо внести десять тысяч. Они передали, что подождут до завтра только ради тебя. — Она произнесла это медленно и тихо. Знала, что в доме нет ни гроша, если не считать тех денег, которые в свое время прятал отец и, разумеется, никому не даст. —

А ты, мол, можешь водить машину для фабрики.

Корейс вскочил. Характер у него был вспыльчивый.

— Твое дело кончено, — крикнул тесть, — выхода у тебя нет. Я это всегда предсказывал.

Но он изрекал свои предсказания уже в пустой комнате — Корейс вышел из дому. По пути он захватил с полки в передней бутылку рому, отбил горлышко о косяк двери и несколькими большими глотками выпил весь ром.

Тогда все еще стоял у двери подле своей таинственной машины.

— Я еду, — бросил ему Корейс и сел за руль, словно отправлялся куда-нибудь в Мотол к огороднику за цветной капустой. В последний момент Тонда перевел под машиной какой-то рычажок и быстро отскочил в сторону. Мотор зарычал; видимо, это был дизель. И все-таки Корейсу показалось, что машина едва движется. Он выглянул — Тоник уже исчез. Но он заметил, что светит солнце и неподалеку цветет яблоня. В ноябре. Спустя секунду на ветвях лежал снег. Еще миг, и на деревьях уже висели плоды. Однако он понял, что происходит, лишь тогда, когда исчез его гараж и вместо него появились старый забор и сарай, которые он снес в сорок седьмом году. Ландшафт за окном машины менялся, как в ускоренном фильме. У Корейса даже голова закружилась. Он услышал выстрелы, и машина резко остановилась. Тряхнуло так, что ему пришлось ухватиться за руль. На нем он увидел название фирмы:

ТРЕСТ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ ИСТОРИИ

а на счетчике дату: 1945 год. Стрельба доносилась откуда-то издали, видимо, со стороны Роудниц. Били тяжелые орудия или танки. Он быстро отвел машину в кусты за оградой и вышел из нее. Все было точь-в-точь как тогда. Вот остановилась команда фашистских подрывников на автомобилях-амфибиях с фаустпатронами. Их было человек пятнадцать, и все матерые убийцы. И я должен пощадить их ради своей машины? Горизонт осветило пламя пожара. Корейс вспомнил о детях, сожженных в соседних деревнях. И сразу почувствовал, что у него не хватит сил. Видно, ход истории вообще невозможно остановить.

— Они хотят взорвать мост. Мы должны пробраться лесом и опередить их. Подвези нас,— сказал кто-то, дернув его за рукав. Это был Тонда, только совсем молодой. И дергал его своей здоровой правой рукой. Рядом с ним стояла Ирена. Ну, конечно. С коротко стриженными белокурыми волосами, в одежде узника концентрационного лагеря, с винтовкой. Ирена, которую он тогда любил.

— Не ходи туда, Тонда. Лишишься руки. И потом тебя арестуют.

— Это не Корейс,— оттолкнула его Ирена.

— Что вы здесь делаете? Кто вы такой? Прячьтесь!— крикнули остальные товарищи и кинулись во двор, осторожно перелезая через забор, чтобы их не увидели с улицы. Все они были вооружены.

Почему они не узнали его? Корейс лихорадочно размышлял. Искал глазами какое-нибудь зеркало или хотя бы осколок, но тут же

увидел самого себя выходящим из дому и вынужден был ухватиться за забор, чтобы не вскрикнуть. При этом он порезался о старую ржавую рекламу мыла «Эллада». Увидел, как он сам советуется с Тондой, входящим со всем отрядом в дом, на чердак. Оттуда они будут наблюдать за подрывниками и выработают свой военный план. Марта по обыкновению была на кухне.

— Неважно, кто я, — говорил он потом Марте на кухне. — Я знаю, что ты ревнуешь к Ирене, знаю, что с Корейсом ты со вчерашнего дня не разговариваешь, но знаю также, что в конце концов вы все-таки останетесь вместе. Я пришел лишь затем, чтобы вам в будущем было хорошо. Хочу, чтобы вы были счастливы.

В это время кто-то выстрелил из автомата в открытое окно. Нацисты боялись снайперов. Он вспомнил, что они застрелили у шофера двоих детей. Чем дальше, тем меньшее значение приобретала для него его собственная машина.

— Не пускай его на мост...

— Откуда вы это знаете? — теперь уже вправду ужаснулась она и вскрикнула бы, если бы он не зажал ей рот. Корейс почувствовал в своих руках тело жены, так хорошо знакомое ему, но ставшее на несколько лет моложе. Это неожиданно взволновало его, и он поцеловал ее.

— Мы должны испортить его машину, только так можно помешать им вовремя добраться до моста. Дай мне ключи от гаража...

Он рылся в бельеов шкафу, зная, что запасные ключи хранятся где-то под детскими распашонками — жена упорно шила их для детей, которые так никогда и не родились. Она ударила его по руке:

— Вы что, спятили? Испортить наш автомобиль? Теперь, перед самым концом войны? А на что мы будем жить?

Корейс хотел спросить ее, на что они будут жить, если этого не сделать, но он только оттолкнул ее и продолжал рыться в белье. Она не решилась сопротивляться: он был сильнее ее. Корейс схватил ключи и ринулся к гаражу.

— Это мой автомобиль. И мой гараж. А я твой муж,— крикнул он, убегая. Она выбежала вслед за ним, и тут Корейс увидел себя рядом с нею в зеркале, висевшем в передней. Он был намного старше ее. Таких осложнений он, конечно, не ожидал. Вбежал в гараж. Схватил нож и пропорол все четыре покрышки. Нанес такую рану своему любимцу. Корейс готов был просить прощения у автомобиля — он часто разговаривал с ним, причем гораздо нежнее, чем с людьми. Но в этот момент дверь за его спиной открылась, и в ней появился другой Корейс — намного моложе его, разъяренный, воинственный Корейс, герой всей округи, освободитель Праги. Они набросились друг на друга. Однако Корейс знал, где тот, молодой Корейс держит свой пистолет, и потому бросился к шкафчику с инструментами раньше, чем сам это когда-то сделал. Вообще он все знал заранее, знал и о тайнике под полом, где был спрятан армейский автомат. И не

ослабел за эти годы. Во время этой странной борьбы он даже смог произнести:

— Я делаю это ради тебя. Чтобы у тебя через пять лет было двадцать «Рихардов» и работало десять шоферов, чтобы ты жил лучше тестя...

— Плевать мне на это,— кричал, борясь не на жизнь, а на смерть, молодой Корейс.— Предатель! Коллаборационист! Скотина! Хочешь, чтобы всех нас перестреляли, а деревню сожгли! Да я отдам последнюю рубашку, чтобы нам избавиться от нацистов! — и поднял сползающий ключ. Слышно было, как на улице затарахтели мотоциклы: это двинулась команда подрывников. В дверях гаража появился Тонда с пистолетом в руке.

— Я уже достал машину,— крикнул этот стервец, уличая самого себя во лжи, которую будет твердить позднее. — Идем скорее...

Он не заметил будущего Корейса, притаившегося в углу. Во дворе остановился старый легковой «форд» тестя Корейса. История была спасена. Тесть вышел из машины в сокольской форме. Растроганно пожимал всем руки. Но он не был вооружен. И когда герои уехали, остался с дочерью.

— И вы еще будете меня всю жизнь поучать, чтобы я с ними не якшался, — усмехнулся будущий Корейс.

— В конце концов все армии уйдут. А наш народ останется здесь. И мы не должны восстанавливать его против себя. Пусть переберется... как в восемнадцатом году... У нас после войны остались полные склады, надо быть осторожными...

— Для кого, папенька? Для кого?— спросил Корейс.

— Вы родственник моего зятя? Похожи на него.

— Немного,— ответил Корейс и медленно пошел прочь. Дурацкая идея — уничтожить историю. Плечи у него еще болели после драки. Придется вернуться в современность с шишкой. Он с трудом поставил правую ногу на подножку автомобиля, открыл дверцу и нащупал женское бедро.

— Что ты здесь делаешь?— изумился он. За рулем сидела Марта с чемоданчиком на коленях; она была намного моложе и даже не запыхалась от спешки.— Немедленно вылезай. Я не могу взять тебя с собой. Знаешь, куда я еду?— Но она не шелохнулась.— Понимаю, ты злишься из-за того, что он уехал, что он рискует жизнью, из-за того, что с ним поехала Ирена, вы поругаетесь с ним, но в конце концов помиритесь. Ты нужна ему. Да и тебе самой не найти никого другого.

— Я уже нашла.

— Кого?— и он перечислил тех, за кого отец пытался ее выдать,— ведь все они сбежали.

— Вас. Вы похожи на Корейса, но гораздо разумнее его, мы с вами договоримся. У нас одинаковые взгляды.

— С чего ты взяла?— Корейс возражал, хотел ее вытолкнуть из машины, а между тем на мосту начался бой, стрельба усилилась и издали донеслось русское «Ура!» — Убейся! — Но она и не думала уходить. Видно, даже перенесясь в другое время, ему не

удастся избавиться от нее.— Как ты отнесешься к себе самой, той, какой ты станешь в будущем? Я еду туда. А ты уже там. Выходи, а то устроишь самой себе сцену. Ведь ты знаешь, какая ты ревнивая...

Но, кроме того, она была еще упрямой. И не хотела выходить, пока Корейс ей все не объяснит. Он не стал долго говорить — сунул руку под сиденье и бросил ей на колени листовку

ТРЕСТА ПО УНИЧТОЖЕНИЮ ИСТОРИИ

— Вздор!— заявила она, прочитав. В это время первые пули вонзились в забор подле самого автомобиля времени.

— Верно. Это и я понял. Выходи скорее.

— Наоборот. Поеду с вами. Глупо было ехать в сорок пятый год. Вся сумятица в Европе началась гораздо раньше. Когда распалась старая Австро-Венгрия. И знаете, кто виноват в этом в Чехии? Мафия. И мой собственный отец, давший в те решающие годы много денег этой мафии. Нам надо вернуться в семнадцатый год и уговорить отца, чтобы он их не поддерживал. Расскажем ему все, предостережем его. Ведь он потом всю жизнь сокрушался из-за этих денег. Говорил, что это его единственная ошибка... Я поеду с вами.

— Это бессмысленно.

— Машина работает, так почему же бессмысленно? Вы очутились в прошлом или нет? Очутились. Ну так поехали! В семнадцатый год...— и сама включила мотор. В деревне появились первые освободители. На домах вывешивали красные флаги. Корейс сам не заметил, как дал газ. А она вырвала из его рук

баранку и повернула машину к фабрике своего отца, находившейся в конце деревни. Из лесочка выехали русские танки, казалось, машина вот-вот столкнется с ними, но танки вдруг превратились в коров, испуганно разбежавшихся перед автомобилем. Они миновали жестокую зиму двадцать девятого года, встретили толпу забастовщиков, увидели перед фабрикой жандармов; чем ближе к ней подъезжали, тем старомоднее становились соседние дома, показались двуглавые орлы, жандармы с султанами на шляпах, исчез асфальт, колеса их автомобиля уже утопали в пыли староавстрийской проселочной дороги. Им оставалось проехать не более пятисот метров, когда Марта вдруг громко вскрикнула — фабрика исчезла! Они остановились перед лачугой с гордой вывеской: «Иржи Воженил, первое христианское производство мыла в землях королевства святого Вацлава». Счетчик показывал 1917 год.

В передней они встретили тестя. Выглядел он даже моложе Кореяса. И одет был все в ту же сокольскую форму.

— Папа! — бросилась ему на шею Марта. — Ты еще не отдал этих денег?

На пороге кухни появилась женщина с маленькой девочкой на руках.

— А это что за особа? Опять одна из твоих девок? — раскричалась она.

— Маменька...

— Какая я вам маменька, я не старше вас! И к тому же порядочная женщина. Вы только посмотрите, как одета эта шлюха, уж не сбегала ли она часом из цирка? Вот какие у тебя друзья!

— Но она и вправду похожа на тебя. Кто вы, собственно, сударыня? — осторожно спросил отец. Марта в ответ нерешительно указала на девочку, которая тут же разревелась.

— Мы ничего не станем вам объяснять, — попытался выйти из затруднительного положения Корейс. — Хотим только предостеречь вас. Не давайте денег мафии. Вы будете жалеть об этом всю жизнь, а на старости лет это погубит вас. Вы должны остановить ход истории.

— Что?! — во всю глотку заорала стоявшая на пороге женщина, и Корейс мысленно возблагодарил провидение за то, что его жена не унаследовала характер матери. — Ты им все-таки отвалил деньги? Окончательно выжил из ума!

У тестя лопнуло терпение:

— Все вы посходили с ума, откуда бы вы ни взялись. Я хочу после войны открыть в нашей деревне фабрику. А если здесь останется Рихтенбаум, то я могу сматывать удочки. Меня спасут только патриоты, чешские заказчики. Я вложил эти деньги в лучшее предприятие на земле и стану самым крупным фабрикантом мыла в освобожденном чешском королевстве. Да здравствует его превосходительство Крамарж, милостью божьей король чешский! — восторженно воскликнул он.

Тут раздались удары в ворота. За ними стояли два жандарма в старинной форме, которые пришли арестовать путешественников. Корейс отбивался от них чуть ли не целый час. В конце концов его вместе с тестем повели в наручники в жандармерию. Тесть шел с таким видом, будто идет туда играть в карты.

— Как хорошо, что вы не шпик. А я было заподозрил вас,— шепнул он Корейсу.— Но теперь вижу, что вы ненавидите австрийцев так же, как я. Мафия назначит вас на высокий пост.

— Я люблю австрийцев! Да здравствует Австрия! Да здравствует император! Не хочу независимости!— шагая по улице, кричал Корейс, пока ему не заткнули рот. За углом жандармы остановились. Тесть сунул им по гульдену. Они кивнули:

— Но смотрите, хотя бы неделю не показывайтесь в деревне. Пока разводящий не забудет о вас.

Оба жандарма отдали честь и степенно направились к трактиру.

— Можешь больше не притворяться, не ори и не лезь на рожон,— улыбнулся молодой тесть, позвякивая мелочью. Недельку отдохнем в замке и что-нибудь подыщем для тебя.

— Нет! Не стану я снова повторять ту же бессмыслицу. Не буду способствовать прогрессу во времена, когда меня еще на свете не было! — крикнул Корейс и опрометью бросился к своей машине. Но, добежав до угла, остолбенел. Военные только что осмотрели автомобиль, впрягли четверку лошадей и, оцепив машину ротой солдат, отвозили ее в свою казарму.

— Мне очень жаль,— сказал тесть, догнав Корейса.— Но столько гульденов, сколько здесь потребуется на всех, у меня нет.— Там было добрых двести солдат.— Укроемся пока в замке, дружище.

В замке, находившемся в четырех километрах от деревни, как раз заседали местные па-

триоты. Главным образом представители ремесленников. Председательствовала ее светлость княгиня Гортензия, которой было уже за восемьдесят, и слышала она только, когда все орали хором. Обе Марты уже давно были там. Спутница Корейса подошла к нему:

— Княгиня говорит, что ее дедушка добровольно отменил крепостную зависимость крестьян в нашем крае и этим положил начало прогрессу во всей стране.

— Ну и пускай. Никуда я больше не поеду. Дождусь двадцать восьмого октября будущего года и вернусь домой. Буду работать на фабрике. Пойду на службу. Бессмысленная идея. Прогресс никаким техническим изобретением не остановишь.

— Но она спиритка, думает, что мы перевоплотились, и ничего странного в этом не видит. Даже хочет послать своему дедушке письмо.

— Недавно я целую неделю разговаривала с одним ламой из тибетского монастыря «Голубые ворота»... — кричала Гортензия.

Корейс никогда не слушался своей жены. Всю жизнь спорил с ней. Но в тот же вечер он явился к командиру гренадеров и предложил продемонстрировать им свою машину, которую, мол, предлагает австрийской армии. Гренадеры окружили его с карабинами наготове. Тут шла игра, в которой ставкой была жизнь. Залп раздался уже в будущем, а машина времени, созданная трестом, ринулась в прошлое с такой головокружительной быстротой, что огни снаружи слились в сплошную цветную полосу. На этот раз они легко перенесли до-

рогу. Марта смеялась. Мечтала о том, как будет выглядеть ее деревня сто пятьдесят лет назад. А Корейс, который подвыпил на тайном заседании патриотов, по дороге разбрасывал из окна машины листовки своих хозяев —

ТРЕСТА ПО УНИЧТОЖЕНИЮ ИСТОРИИ

Когда они остановились перед замком, он сверкал новизною. Их окружили стража и челядь. И тотчас же отвели к феодалу.

— Передайте господину Калиостро, что я по горло сыт его шуточками,— крикнул барон на плохом чешском языке.— В прошлый раз он послал мне двух обитателей Луны, а сейчас эту пару. Я прикажу всыпать вам плетей и натравить на вас собак. Не больше ни талера на эти нелепые опыты... Вон!

Им пришлось бросить письмо Гортензии к его ногам. Слушать их он бы не стал: уже привык к волшебствам, и его ничто не удивляло. К счастью, он узнал почерк жены. У Гортензии был такой же почерк, как у ее бабушки.

«Они не мошенники. Это знамение божие. Крестьяне должны остаться крепостными. Не вводите иноземные новшества», — писала Гортензия.

— А кто их будет кормить? Мне это не по карману. Я освобождаю их потому, что у меня ни гроша не осталось. Избавлюсь таким образом от обязанностей. Получу свободу сам. Теперь на меня будут работать только те, кто мне нужен. Понимаете?

Он раскричался на всех. Супруги Корейсы

очутились в тюрьме. Тюремщики принесли две скамьи. Приготовили плети.

— Обитатели Луны после двадцатого удара признались, что они циркачи из Лоун. Интересно, сколько продержитесь вы,— берясь за плеть, сказал старший тюремщик. Но Корейс умел драться. Он размахивал скамьей, как дубинкой. Тюремщики были потрясены.

— Поднял руку против господ! Это бунт! Смерть ему! — закричали они и бросились за подкреплением. К счастью, в это время в окна полетели первые камни. Перед тюрьмой столпились крестьяне. И среди них было много предков Корейса. Когда-то его род начинал в этом крае борьбу за прогресс. Но они не узнали своего потомка, хотя он очень походил на них.

— Не станешь же ты убеждать их, чтобы они позволяли себя сечь и вешать, чтобы рабски надрывались на господских полях? Их сопротивление будет непрерывно расти, и никто их не остановит, никто нас не остановит,— сказал Корейс, как бы поучая жену.

Они спрятались в своей машинѣ, и вовремя, так как барон действительно натравил на них собак. Затем барон громко прочел крестьянам декрет об отмене крепостной зависимости.

— Хочу домой,— вздохнул Корейс.— Пропади он пропадом, этот

ТРЕСТ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ ИСТОРИИ

Но в спешке, окруженный разъяренными собаками, он переставил рычаг не в ту сторону

и помчался к самым истокам истории. Когда он это заметил, машина развила уже большую скорость.

— Я очень довольна,— кричала неисправимая Марта.— Я очень довольна, ведь мы вернемся в рай.

В райские времена вокруг деревни расстилались болота. А вдали резвились какие-то крупные звери, похожие на гигантских бобров, и странные маленькие животные. Корейс оперся лбом о руль и отказался выходить из машины.

— Кого нам здесь спасти?— спросил он. — Здесь прогресса не остановишь. Где-то среди этих болот зарождалась история человечества, и мы не можем уничтожить всех первобытных людей в этом краю за то, что они наши прародители. Надеюсь только, что на этот раз никто из них не будет похож на нас...

Они стояли у высокой горы, в которую превратился холм, находившийся за их деревней. Вершина горы дымилась. В те времена она была еще действующим вулканом. Лишь через несколько минут они заметили, что у подошвы горы испуганной стайкой жались друг к другу обезьяны. Исполинский саблезубый тигр выбирал среди них жертву, как волк в стаде овец.

— Смотри! Смотри! — воскликнула Марта и выскочила из машины. Быстро зажгла ветку и пошла навстречу этому чудовищному хищнику. Он отступил. Марта кивала безволосым обезьянам. Должно быть, думала, что это люди, обитатели рая. Один из огромных самцов вырвал из ее рук горящую ветку, второй схватил ее. Марта сорок пятого года исчезла в этом

раю. Вместо того чтобы остановить прогресс, она на заре истории отдала за него жизнь...

Корейс наблюдал все это, сидя в кабине машины. Он был слишком измучен, чтобы вмешаться. Да и бессмысленно было бы вступать в борьбу с целым стадом. Возбужденные видом огня, обезьяны вдруг начали неистовую драку. Перед Корейсом мелькали их лица, клыки, челюсти и низкие лбы. Глядя на этих обезьян, он думал о том, что эти полулюди, полубезьяны, быть может, так же мало напоминают нас, как мы людей будущего, которых в конце концов породит прогресс.

Корейс осторожно перевел рычаг и снова отправился в путешествие по времени, закрыв опротивевшую ему, как бы насмехавшуюся над ним надпись:

ТРЕСТ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ ИСТОРИИ

Вышел из машины он уже в нашей эпохе, где за это время прошло всего несколько секунд.

— Ну что? — подскочил к нему однорукий Тонда. Вид у него был испуганный.

— Это невозможно, — выходя из машины, сказал Корейс.

— Но почему? Я сам вчера для проверки вернулся на неделю назад, а перед сдачей в эксплуатацию каждая машина испытывается, на ней возвращаются вспять на целое столетие. Это не липовое изобретение. Мы уже приступили к массовому выпуску.

— И напрасно. Историю вам не уничтожить. Вы должны это понять, пока вас самих не уничтожили.

— Но ведь ты исчез,— твердил Тонда, забираясь в кабину.— Какое-то время тебя не было, я это видел...

Он нечаянно нажал рычаг и тоже исчез. Попал прямо в доисторический пожар. И больше его никогда в деревне не видели.

На следующий день Корейс приступил к работе на бывшей фабрике своего тестя. Стал служащим. И начал коллекционировать всяческие находки, относившиеся к первобытным людям. Некоторые из них, по его словам, замечательно подошли бы для семьи его тестя. Со своей женой он ссорится по нескольку раз в день. Уверяет, что жизнь меняется, а она остается прежней. И такие люди как раз и тормозят прогресс,

РОБОТ ВНУТРИ НАС

В конце концов, возможно, никакого робота и не существовало. Может быть, все это придумал тот молодой фантазер. Сколько мы ни искали, робота так и не нашли. Может быть, это замечательное изобретение безвозвратно исчезло и само уничтожило всякие следы своего существования — таким уж оно оказалось совершенным. А может, он просто сбежал и прячется где-нибудь, чтобы оттуда вновь угрожать человечеству. Именно на этот случай я и решила предать гласности невероятную историю, которую мне пришлось пережить.

Все началось со смерти пана Чапека, вернее, с его визита к нам. Помню, как однажды — было это прошлой осенью — он позвонил у наших дверей. От него исходил тот странный, сладковатый запах, какой бывает в буддийских храмах. Один мой знакомый востоковед издавал такой же запах. Пришелец был одет в плохонький готовый костюм. Кто бы мог подумать, что этот человек объехал весь мир?

— Елена Глори? — спросил он. — То есть... пани Разумова?

Фамилия моего мужа Разум. Я, правда, не приняла ее, но уже привыкла, что ко мне так обращаются. Люди всегда считают, что жена носит фамилию мужа.

— Я не Глори, — заметила я между прочим.

— Извините, — поправился он. — Это я под влиянием пьесы.

Я не сообразила, о какой пьесе идет речь — не знала «Р.У.Р»* на память так, как знал он.

— Елена, Елена Глори! — повторил он, и я тут же поняла, что передо мной один из чудачков, которые толпами преследуют моего мужа с тех пор, как он возглавляет научно-исследовательский институт. Некоторые даже приходят к нам домой и предлагают свои изобретения — то средство от любой инфекции, то верные способы излечения рака, то рецепт против старения, эликсир жизни или камень мудрости. Похоже, что алхимики и спириты никогда не выведутся на свет. Люди нетерпеливы — они хотят добраться до истины как можно скорее, без научных исследований и экспериментальной проверки. Кроме того, многие жаждут быстрой славы и воображают, будто достигнут ее с помощью какого-нибудь великого открытия.

— Мужа нет дома, — сказала я без обиняков. — Зайдите к нему в институт.

Оказалось, что старик там уже побывал и, по его словам, передал мужу свой проект.

* «Р.У.Р.» — Россумские Универсальные Роботы — пьеса чешского писателя Карела Чапека о механических людях.

Сейчас, объяснил он, ему только хотелось узнать, насколько продвинулось дело и когда же он увидит Суллу — женщину-робота из первого акта пьесы Чапека. Сам он недавно возвратился на родину и живет в небольшой гостинице в Нуслях; приехал лишь затем, чтобы видеть, как будет изготовлен его робот, убедиться, как восторжествует научная теория, разработанная им в плаваниях по далеким морям: он был вместе с тем настоящий моряк, корабельный врач, сорок лет собиравший материалы для работы об искусственном воспроизведении живой ткани.

— Вы себе не представляете, какие отличные условия существуют на корабле для человека, решившего посвятить себя науке! Регулярное питание, привычные несложные обязанности, никто тебя не отвлекает, — рассказывал посетитель. Глаза у него блеснули, он готов был продолжить разговор, ничуть не смущаясь тем, что я не приглашаю его войти даже в прихожую. Такой же, как и другие маньяки! Помню, один из них уговаривал меня, чтобы мой муж помог продвинуть его изобретение — он предлагал цельные подметки заменять составными. Это, мол, даст миллиардную экономию. Тот изобретатель на первый взгляд тоже не казался ненормальным: он был учителем на пенсии. Мне жаль этих маньяков. Многими из них движет не только честолюбие. Просто они поставили перед собой неосуществимую цель, смешную и неудачную. Зачастую я восхищаюсь их терпением и настойчивостью. Собственно, эти качества свойственны каждому, кто хочет чего-то добиться в жизни. Это — упорство

дилетанта, но нравственно оно ценнее, чем цинизм и гордыня некоторых профессионалов от науки.

— Я убеждена, что мой муж изучит ваши проекты, раз уж вы их ему передали и тем более истратили на них в Гонконге большие деньги. Думаю, что он оценит ваши идеи и вскоре вам напишет. Я напому ему о вас, не беспокойтесь. А сейчас мне, к сожалению, надо уходить, поэтому я не приглашаю вас войти. Да и нет смысла говорить со мной о ваших проблемах: ведь я профан в естественных науках и, собственно, даже никогда не знала, над чем работает мой муж.

Посетитель оставил мне адрес своего отеля, номер комнаты и номер телефона и долго прощался, настойчиво глядя мне в глаза, словно гипнотизируя; может быть, он научился таким приемам на востоке. Но загипнотизировать меня ему не удалось: я быстро захлопнула дверь и стала укладывать вещи в чемоданчик.

До сих пор я упрекаю себя, что забыла сказать мужу об этом визите. Муж, наверное, рассмеялся бы: мол, какой-то лекарь Чапек хочет создать роботов, которых придумал писатель Чапек. Муж всегда отличался остроумием и умел едко высмеять людей. Эта черта мне в нем не нравилась. «Моя фамилия Разум, а не Россум из пьесы о Россумских Универсальных Роботах,— проезжался он по адресу таких маньяков. — Нынче многие путают науку с фантастикой! Скольким из нас хотелось бы избавиться от серьезной исследовательской работы, подменив ее каким-нибудь неслыханным обманом».

Сейчас я понимаю, что постепенно усвоила отношение мужа к этим чудаковатым изобретателям. Прежде я то ли проникалась к ним симпатией, то ли жалела их, уж не знаю, но, во всяком случае, не насмеялась над ними. «Если этот Чапек показался тебе смешным, мысленно обращалась я к мужу, почему же ты взял у него бумаги?»

Но весь этот разговор происходил лишь в моем воображении; как вы уже знаете, я забыла сказать Разуму о Чапеке. А через неделю мой муж стал знаменитостью. И это действительно произошло, как говорится, в мгновение ока. Разумеется, и прежде было известно, что в институте существует лаборатория молекулярной биологии, каждый студент-биолог знал об открытии молекулярной структуры гемоглобина, благодаря которому стало возможно создать живую ткань. Уже были известны и примерные структурные модели простейшего живого организма. Над этим работали многие ученые мира. Молекулярная биология вдруг стала самой популярной отраслью науки. Мой муж сделал какое-то важное открытие в этой области, что дало возможность создать искусственного протиста, который прожил несколько дней и даже размножился делением. Это была уже не только модель, а нечто большее, чем искусственная амeba Бюкли — смехотворная имитация живого существа из смеси жидкого масла с содой в дистиллированной воде; правда, амeba Бюкли передвигалась, высовывала ножки и «пожирала» капельки ртути. Была и другая имитация — из гвоздичного масла в спиртовом растворе.

Когда мы только что познакомились, муж демонстрировал мне все эти суррогаты, стараясь заинтересовать своей работой. Но теперь все обстояло иначе. Был создан настоящий живой организм, газеты всего мира поместили его фотографии на самых видных местах, где обычно помещают убийц или полунагих кинозвезд (в капиталистическом мире), или иностранных гостей и передовиков труда, как это принято у нас. Муж принес домой целую охапку газет, наверное, думал, что я вырежу из них его фотографии, которые были помещены рядом с изображением протиста. Потом мы целый месяц топили этими газетами печурку в ванной, потому что центральное отопление у нас не работало.

Теперь телефон в нашей квартире звонил с утра до вечера, и я превратилась в заправскую секретаршу мужа. Он даже упрекнул меня в том, что я недостаточно учтивая и предупредительная — не отбарабаниваю каждому из его коллег все сведения о том, где и когда мой супруг будет читать лекцию о своем эпохальном открытии или какие иностранные гости прибудут на Либлицкий симпозиум, который открывается в субботу. Съехалось их и в самом деле множество, так что в четверг я попросту выключила телефон: пусть всем этим занимается штатная секретарша мужа, а мне надо испечь рогалики для Енды, ведь по субботам он не ест ничего, кроме гостинцев, которые я ему приношу. Утром я даже не слушала радио, хотя передавали открытие международного симпозиума и выступление моего мужа. Видно, он действительно внес крупный вклад в науку.

Рогалики у меня пригорели, к тому же я забыла постирать свитер Енды, так что дел у меня было по горло.

Часов в десять пришли двое в военной форме (в чинах я не разбираюсь). Обоих я называла «товарищ», будто передо мной был один человек.

— Мы обнаружили вашу фамилию в записной книжке пана Чапека,— сказали они, при этом лица у них были какие-то смущенные.

— Что он сделал?

— Умер...

Нет, лица у них были не смущенные, а скорее грустные, такая немного напускная грусть. Возможно, они думали, что я родственница Чапека. Я им все рассказала и добавила, что таких знакомых, как Чапек, у меня за последнее время развелось немало.

— Очень жаль, что он умер. А родные у него есть?

— Никого,— ответили они.— А за границей у него порядочное состояние. По-видимому, он приезжал сюда исключительно для того, чтобы видеть доцента Разума. Долгое воздушное путешествие повредило здоровью этого пожилого человека: он умер от разрыва сердца.

— От инфаркта,— поправил второй сотрудник.

С минуту они спорили, одно и то же ли это.

— Умер сегодня утром, у себя в номере. Жаль, что вы ничего о нем не знаете. Нам приходится допрашивать людей, имена которых записаны в его блокноте. Тут еще значится какая-то мадемуазель Глори. Вам известно, где она живет?

— Нигде. Это персонаж из пьесы. Если в его блокноте нет других фамилий, вы больше ничего не сможете выяснить о Чапеке.

Мне пришлось поехать с ними. Я сразу же узнала его. Он почти не изменился, только лицо пожелтело и черты его заострились. Старые люди иногда выглядят так за несколько месяцев до смерти. Только когда ему приподняли веки, я поняла, что передо мною мертвец.

— Все-таки он умер на родине, бедняга,— сказала я, думая, как бы поскорее вернуться домой. Мне не хотелось опаздывать к Енде — живые важнее мертвых. Я уже привыкла к загадке смерти и твердо решила не думать о ней — к чему занимать свои мысли тем, что от тебя не зависит. У меня есть обязанности перед живыми.

Пришлось подписать какие-то бумаги. Оказалось, что покойный Чапек целые дни проводил один у себя в номере. Общался только с персоналом гостиницы и — судя по всему — еще с нами, Разумами. И как это я тогда не пригласила его войти! Мне и в голову не пришло, что он так одинок, что он летел сюда за тысячи километров лишь для того, чтобы поговорить со мной, стоя в дверях. Все это было тягостно. И почему вызвали именно меня, почему опять я должна заниматься этим Чапек-ком? «А мужа моего вы не спрашивали?». Оказывается, спрашивали, но он сказал, что не помнит никакого Чапека, и тогда решили больше не затруднять его, ведь они читают газеты и знают, какими важными делами занят сейчас доцент Разум.

Я в последний раз взглянула на покойного, на лице которого застыло выражение упрямства, и снова заторопилась домой. Гостиница была плохонькая: когда меня провожали вниз, ступеньки под ногами скрипели,— видно, лестница была деревянной, покрывавший ее ковер во многих местах заштопан. А у этого чудака за границей стотысячное состояние! Ничего не понимаю! Мне хотелось поскорей забыть обо всем. Ведь ясно, что, не будь я женой Разума, никто не стал бы докучать мне этой историей. Правда, судьба Чапека достойна сожаления, но ведь таких людей немало на свете; главное, почему меня задерживают и втягивают в дело, относящееся, собственно, к моему мужу? Оно меня не интересует, да и помочь я ничем не могу. С Разумом меня связывает только ребенок, и этого вполне достаточно. Сына я очень люблю.

Дома я снова принялась укладывать чемоданчик. По утрам в субботу мною обычно овладевают тревога и страх: не опоздать бы к Енде, не упустить бы минутки. Я всегда убеждаю себя, что сын ждет меня, радуется моему приходу, будет смеяться и нетерпеливо махать мне рукой.

Но у дверей меня ждал Пресл, беспокойно расхаживая по площадке.

— Вы звонили?

— Не помню.

Станный ответ! Пресл вообще выглядел странно. Невыспавшийся, с темными кругами под глазами, руки дрожат. Из всех сотрудников мужа он нравился мне больше других. Он был «молодой специалист», как их теперь назы-

вают. Я относилась к нему, как к собственному сыну, и часто думала: хорошо, если бы наш Енда работал в институте и был таким же способным и инициативным, как Пресл.

Пресл всегда говорил торопливо, даже когда спокойно сидел в кресле; казалось, его мозг работал на полную мощность и он сам старался не отставать от стремительного течения своих мыслей. Он нетерпеливым жестом снимал и надевал очки и часто забывал всякие мелочи там, где сидел. «Что с вами будет, когда вы станете доцентом? — посмеивалась я. — Наверное, забудете, где работаете...»

Видимо, Пресл запомнил это уже сегодня, потому что сейчас он должен был сидеть в аудитории на докладе моего мужа, где присутствовали участники научной группы, называвшие себя «командой» Разума. Не знаю, почему они пользовались спортивной терминологией. Мне всегда представлялось, что по утрам они вбегают в лабораторию в ярких майках и бутсах, как на футбольное соревнование, а профессор в черном костюме и белых чулках, похожий на рефери, наблюдает за ними.

— Почему вы не в Либлицах?

— Потому что мне надо поговорить с вами, пани Елена, — решительно сказал он. — Видите ли, меня гнетут прямо-таки страшные мысли...

Слово «страшные» он произнес с такой убежденностью, что я ему поверила. Пресл, правда, любил такие словечки: «грандиозно», «страшно» — это было так типично для него.

— Я должен рассказать обо всем, — продолжал он, — мне нужен союзник. Разрешите войти к вам.

Мне пришлось уступить в том, в чем неделю назад я отказала бедняге Чапеку, хотя на этот раз у меня оставалось еще меньше времени и я рисковала опоздать на первый автобус.

— А может быть, вы хотите стать союзницей этого... — Он запнулся.

— Кого?

— Убийцы!

— Какого убийцы? — перепугалась я не на шутку.

Пресл прошел прямо в мою комнату. Он хорошо знал нашу квартиру, которую муж превратил в нечто вроде домашней лаборатории. Разум приходил домой не отдыхать, а продолжать работу и с этой целью приглашал к себе своих коллег в субботу вечером или в воскресенье. Все они работали и у нас дома. Я знала эту семерку — счастливое число. Похоже, что они и в самом деле принесли Разуму удачу.

— Я знаю, вы уже не любите мужа...

— Это мое дело. Никогда не думала, что вас интересуют сплетни.

— В последнее время они меня интересуют, пани Елена. Тем более, что эти сплетни тесно связаны со всем, о чем я сейчас буду говорить. Вы полюбили Разума, когда вам было девятнадцать лет. Вы готовились стать пианисткой и познакомились с ним на вашем первом концерте. Но ради него вы отказались от музыки, стали помогать ему в работе. Однажды вы сказали ему, что, очевидно, он женился на вас лишь потому, что длинные пальцы пианистки очень подходят и для пишущей машинки.

Это была правда, однажды я так и сказала. Еще когда наш сын был дома. Но как об этом могли узнать чужие люди? В нашем доме не такие уж тонкие стены!

— Как я отношусь к Разуму — это мое личное дело. Не понимаю, почему это вас так интересует. Уж не собрались ли вы жениться на мне?

— Не шутите этим, Елена. Я полюбил вас с тех пор, как впервые переступил порог вашего дома. Но я никогда не признался бы в этом. Жениться на вас я готов хоть сейчас. Но ведь вы ни за кого не пойдете. Из-за Енды. За вами уже ухаживали многие и покрасивее, чем я...

Мне не хотелось говорить с Преслом о его чувствах, и я сказала, что спешу. Кстати, он и впрямь совсем не хорош собой: его портит нос. Это особенно заметно, когда он в очках. Но в общем Пресл — славный.

— Я спешу, — повторила я и взялась за ручку. Но дверь оказалась запертой, ключа в ней не было.

— Ключ у меня в кармане, — сказал Пресл. — Я вам его не отдам, даже если дело дойдет до драки...

— Почему? С ума вы сошли, что ли?

— Хотя муж вам и безразличен, вы не могли не заметить, что за последнее время он чудовищно изменился...

— Я ничего не заметила.

— А сегодняшний симпозиум? А то, что он разрешил проблему, к которой наука предполагала приступить вплотную лишь в будущем столетии? Фактически этот человек стал создателем живой материи, новым господом бо-

гом, если хотите. Приходило вам когда-нибудь в голову, что вместе с вами живет бог?

— У моего мужа всегда была своеобразная натура.

— Своеобразная? Так уж и своеобразная! Просто он вдруг разительно изменился. Никто из нас не ожидал от него такого открытия. Мы любили его, он был хороший ученый, терпеливый, вдумчивый, учил нас мыслить по-научному и проверять свои выводы опытами, но это умеют делать и другие. Думали ли вы когда-нибудь, что он гениален? Что вдруг он выдвинет совсем новую, революционную научную концепцию, которая за несколько недель перевернет весь мир? Прежде у него никогда не возникало подобной идеи, он ни словечком не упоминал о ней. И вдруг ни с того ни с сего Разум преобразился: стал работать ночами, сурово обращаться с людьми, кричать на них. Он ни о ком не заботился, ничем не интересовался, кроме работы, даже ночевал в институте, одержимый своей новой теорией. И добился триумфа! Он стал неузнаваем, пани Елена!

Возможно, Пресл знал моего мужа лучше, чем я. Мне часто казалось, что их «команда» чем-то сродни супружеству: ведь они буквально жили бок о бок. Пресл восхищался моим мужем. Я вспомнила, как Разум впервые привел его к нам, обласкал, давал ему свои книги. Не раз мне хотелось крикнуть этому растрепанному молодому человеку: не верьте! Нельзя же в вашем возрасте целиком посвятить жизнь какой-то безымянной религии, неизвестному сообществу ученых, которые до самой смерти будут растрачивать все силы своего

ума только на изучение молекул, и это должно заменить им все — счастье, удовлетворение, радость, любовь, наслаждение,— все то, что первобытный человек находил в джунглях, а современный — в своем повседневном мире; ведь он живет намного более интересной, богатой и сложной жизнью, чем вы, книжные черви, заживо похоронившие себя в лабораториях. Но что я могла предложить Преслу взамен науки? Подчас я говорила себе: уйду с кем-нибудь вроде Пресла и покажу Разуму, что такое настоящая жизнь. Но я не ушла из-за Енды, а сейчас я уже стара. Разве удовлетворение от логического решения какой-то проблемы способно заменить все, что можно получить от жизни? В таком случае самыми счастливыми людьми в мире были бы шахматисты и любители кроссвордов!

— Может, вы знаете его лучше меня. Я не заметила никакой перемены. Он всегда был такой. Просто в последнее время он больше работает. И откройте, пожалуйста, дверь, иначе я начну звать на помощь. Ведь я спешу на автобус,— сказала я сердито, потому что он не двигался и держал руку в кармане, явно не собираясь отдавать мне ключ.

— Я буду таким, каким был настоящий Разум: посвящу жизнь науке, познанию мира. Создам новое разумное сообщество людей, хочу, чтобы человек стал подлинно мыслящим существом, познающим мир, настоящим *homo sapiens*, главной чертой которого будет альтруизм, склонность к бескорыстной взаимной помощи. Этому учил меня ваш муж. Вот в чем призвание ученого. Ради него, казалось мне, я

и живу. И вдруг Разум так изменился... Он даже сошелся со своей секретаршей.

Я обозлилась.

— Слушайте, Пресл, мне в самом деле пора уходить. Я знала, что люди начнут чернить моего мужа. Ожидала, что станут завидовать его успеху, потому что, к сожалению, завистников всегда много. Со временем, наверное, будет иначе, но пока что приходится с этим мириться. Единственное средство против клеветы — не обращать на нее внимания и презирать клеветников. Я ожидала таких разговоров от соседей и от спутниц ваших милых коллег, от этих дамочек, которые заняты только тем, что гоняются за модой да наставляют рога своим мужьям. Но я никогда не думала, что так же будете вести себя и вы! Что вы, для которого мой муж так много сделал, станете чернить его. Да еще в глазах его собственной жены! Говорить, что он живет с секретаршей! Может быть, вы еще скажете, что он потребовал для себя автомобиль последней марки, новый кабинет, роскошный ковер, что он расширил штат института и ему уже мало старого здания, он добивается постройки нового, сверхсовременного дворца из стекла и бетона? Не говорите мне больше ничего и дайте сюда ключ или я, в самом деле, буду драться! Мне пора ехать к Енде, и я не поколеблюсь исцарапать вам физиономию... Я не намерена опаздывать к сыну ни на минуту!

— Сегодня вы к нему опоздаете. Ради него самого... Вы не ошиблись: с тех пор как ваш муж переменялся, он добивается всего того, о чем вы сейчас говорили. Он пользуется ваши-

ми отлучками, тем, что вы ездите к сыну. Вот и сегодня он пригласил к себе Ольсена только потому, что вас не будет дома и он сможет принять его вместе с Яной, которую всюду представляет как свою жену. Поэтому я и не даю ключа. Мне нужно доказать вам, кто прав. Не стану показывать все его заявки, а продемонстрирую вам нового Разума в действии. Вы должны узнать об этом и подтвердить, что я прав. Как вы знаете, в науке нельзя полагаться на субъективные впечатления, на внезапные идеи. Мне нужен еще один участник наблюдения. Коллегам я не доверюсь, они не знают его так, как я, и, во всяком случае, никто его так не любит.

— А вы любите его?

— Настоящего Разума я люблю и уважаю больше всех! И чем угодно пожертвую ради его спасения.

Да, Пресл ненормален! Он любит мужа и клеветает на него, хочет его спасти и в то же время погубить. Ничего не понимаю! Впрочем, мне не раз приходила мысль, что такие противоположности иногда сочетаются: не одна святая инквизиция сжигала и мучала еретиков, веря, что помогает им. Не драться же мне, в самом деле, с этим святошей современной науки! Я повернулась к нему спиной и вышла в переднюю, к телефону. Надо позвонить в институт, пусть пришлют машину за своим сотрудником, они там, наверно, даже не знают, куда он запропастился. А меня заодно довезут до автобуса.

Но дозвониться в институт так и не удалось: все время там было занято. Я не сдава-

лась, да мне больше и не хотелось упрашивать этого сумасброда. Я стояла у телефона уже минут десять, как вдруг услышала, что отпирают дверь.

Вошла незнакомка, молодая и элегантная девушка, лет на пятнадцать моложе меня. Она была настолько нагружена пакетами, что даже не заметила меня, тем более что в передней царил полумрак. Привычным жестом девушка протянула руку к выключателю: видно, она хорошо знала нашу квартиру.

— Переобуйся,— сказала девушка, обернувшись.— Она недавно натирала пол.— И сбросила туфельки на высоком каблуке.

— Да, натирала,— отозвалась я, потому что терпеть не могу тягостных сцен, и мне не хотелось видеть, как они целуются.— Да, натирала,— повторила я.

Я все еще держала в руке телефонную трубку, когда вошел мой муж в смокинге. Я никогда не видела его в таком наряде и точно помню, что не заказывала для него смокинга, а сам он ни за что не пошел бы к портному: его всегда приходилось вытаскивать в такие места чуть ли не силой. Ясно было, что смокинг сшит по инициативе той, что вошла с пакетами.

— Кто эта девушка?— спросила я мужа. — Представь меня...

— Ты не поехала к Енде? — растерянно спросил он, сразу же выдав себя с головой: значит, он водит ее сюда каждую среду и субботу!

Интересно, давно ли?

— Я секретарь пана доцента,— сказала девушка, дерзко глядя мне в глаза.— Можете на-

зывать меня Яной. Хорошо, что вы сегодня дома. Мы ждем... то есть пан доцент ждет гостей.

— Да, да, представь себе, очень важный визит,— подхватил Разум.— И совсем неожиданный.

Это была препротивная сцена. Оба они лгали наперебой, а я спокойно смотрела на них. Они завирались все больше и больше, и наконец Разум, перейдя в атаку, стал кричать на меня: я, мол, должна помочь ему, неужели я не понимаю, как важен этот визит. Ведь Ольсен — глава международной организации биологов, и сегодня днем решится вопрос о предоставлении ему, Разуму, международной стипендии. Получив ее, он сможет работать в Риме, среди выдающихся ученых. Да еще будет руководить ими! Вот почему сейчас он явился сюда со всеми этими пакетами, бутылками и банками. На карту поставлена его карьера, самое высокое положение, какое только может занять ученый. Все будут ему завидовать.

Меня поразило, что он говорил о зависти так, словно для него это было самое важное.

— Вы думаете, убийц принимают в международную организацию? — спросил Пресл, стоя в дверях. Муж укоризненно взглянул на него.

— Где вы пропадаете с самого утра? Я хотел представить вас Ольсену. Чем вы занимались?

— Проверял ваше алиби.

— Что-о?

— Был в гостинице, у Чапека. Точнее, у покойного Чапека. Как вам известно, этот старый врач вчера умер в полном одино-

честве. Вы сказали следователю, что не помните его. К покойному вызывали вашу жену.

— Я в самом деле не помню никакого Чапека. А разве вы занимаетесь сыском? Я думал, вы намерены стать ученым.

— Иногда и ученому приходится заниматься сыском. Кстати говоря, научный подход, его логические методы очень близки к детективным. В этом я убедился на вашем примере.

— На моем примере? А не пора ли мне выгнать вас отсюда, молодой человек?

Наконец-то Разум мог позволить себе рассердиться. В споре со мной он был явно неправ; другое дело Пресл, с ним можно вести себя иначе, ведь это молодой человек, к тому же подчиненный.

Я вмешалась в разговор.

— Не знаю, почему они меня вызывали. Этого Чапека я видела только один раз, у нас на лестнице. Ты мог бы поговорить со следователями сам и покончить с этим делом.

— Тем более что вы прекрасно помните Чапека,— вставил Пресл.— Ведь я нашел у него ваше письмо, оно у меня с собой. Вы пишете, что его проекты очень интересны, и обещаете проверить их на практике, отзываясь о них с большой похвалой и благодарите автора. Сегодня к концу дня у меня будет фотокопия этого письма.

— Яна, вы помните какого-то Чапека? — спросил Разум, и было похоже, что он действительно ничего не может вспомнить. Яна злилась и кусала себе губы.

— Не верь ничему... не верьте, пан доцент! Пресл мстит вам за то, что я ушла от него.

— К кому? — спросила я.

Воцарилось молчание.

— К кому, по-моему, ясно,— продолжал Пресл.— Яна собственноручно напечатала это письмо на машинке. Она тогда как раз начинала работать у вас. Я знаю это совершенно точно, потому что именно с того времени наш институт стал разрабатывать новую гипотезу, ту самую, которая теперь принесла вам такой триумф.

— Ага, припоминаю. И вы намекаете на то, что я обокрал этого несчастного психопата? Как только у меня будет время, я разыщу его жалкие каракули. То письмо я написал ему исключительно из жалости. Мне не хотелось лишать иллюзий старика, который летел в такую даль, побуждаемый к этому всего лишь совпадением имен. Да, да, этот Чапек хотел осуществить то, о чем написал автор «Р.У.Р.'а». Но ведь я не Россум, а Разум, так я ему и сказал. А это громадная разница. Мое имя обязывает работать реалистически, действовать разумно...— Наконец мой муж улыбнулся немного деланной улыбкой и быстро повесил пальто на вешалку.— Если хотите, я тотчас пошлю Яну с вами в институт, и вы сможете ознакомиться с копией моего письма,— заключил он.

— У меня есть другие доказательства,— сказал Пресл.— Чапек звонил вам позавчера и хотел с вами встретиться, как обычно, у него в номере. Стало быть, вы ежедневно консультировались с ним. Я хотел сказать вам о его звонке, но вы уже ушли из института. А вечером Чапек умер.

— Пресл, у меня много терпения, на экзаменах я привык выслушивать всякий вздор. Но выслушивать его от дипломированного научного сотрудника... В связи с кончиной этого Чапека велось следствие. Никаких следов насильственной смерти не обнаружено.

Я удивлялась тому, что муж вообще разговаривает с Преслом на эту тему. Словно бы ему в самом деле нужно оправдываться. А может быть, для него это просто равносильно обсуждению выдвинутой гипотезы? Вот так же они спорят о научных проблемах, и каждый старается убедить другого в своей правоте. При этом они выдвигают самые абсурдные предположения, лишь бы в них была своя логика,— ведь спорящим еще не известно, где подлинная истина, а она на первый взгляд может показаться тем более невероятной, чем проще она по существу.

— Да, — сказала я, — это абсурд. Чапек умер от старости.

Пресл торжествующе усмехнулся и подал мне ключи от дома.

— Вот это-то и есть доказательство того, что старика убили, — возразил он. — Не забудьте, что убийца (кивок в сторону Разума) разрешил проблему искусственного создания живой материи. А если он умеет создавать ее, то умеет и разрушать. И его жертва, несомненно, будет носить признаки естественной смерти. Как Чапек.

Яна рассмеялась. Гипотеза Пресла показалась абсурдной и мне.

— Неплохой силлогизм, Пресл! Однако шутки в сторону. Почему вы не были утром

на собеседовании? — спросил Разум и по-отечески обнял Пресла за плечи, словно давая понять, что не сердится, понимает юмор и все прощает. Пресл не отстранился, но лицо его оставалось хмурым.

— Не был потому, что все утро думал о том, не следует ли мне донести на вас.

— Почему же вы этого не сделали?! — побагровев, вскричал Разум, уже окончательно взбешенный. — Так идите и доносите! Немедленно! И чтобы духу вашего не было в институте!

Он потащил Пресла к двери.

Вмешалась Яна, не забывавшая ни о чем.

— Осторожно! На лестнице могут быть Ольсеяны! Они должны прийти с минуты на минуту.

Разум остановился. Ему явно не хотелось оказаться в неловком положении перед гостем, от которого зависело его назначение на пост главного биолога мира.

— Но я не стану доносить на вас, потому что не хочу причинять зла Разуму, — добавил Пресл.

— Вы с ума сошли! — произнес мой муж.

— Скажите, вы действительно здоровы? — осведомилась я самым дружеским тоном.

— Он всегда отличался странностями. Все это плод его раздумий, — вставила Яна.

Пресл смотрел на нас сквозь толстые стекла очков, и казалось, что он вполне спокоен.

— Но вы не доцент Разум, — объявил он.

— Кто же я?

Пресл задумался.

— Я знаю доцента, — жалобно произнес он, — это поистине блестящий ученый, возможно, величайший в мире. Но он никогда не стал бы бороться за первенство и славу. Ему было безразлично, признают его или нет. Он настоящий ученый, такими, как он, станут люди грядущего.

Мой муж был почти растроган.

— Тогда почему же вы его в чем-то подозреваете?

— Потому что он вместе с этим несчастным Чапеком создал живую ткань, робота, свою биологическую копию — машину, которая ему служит, завоевывает для него успех, заботится о нем и тем самым губит его. Верните нам нашего Разума! Мне хорошо известно, почему вы убили Чапека. Он хотел укротить вас, уничтожить, ведь это он был вашим подлинным создателем. И вы убили его, чтобы обрести свободу, теперь вы машина без машиниста, опасная для людей. Немедленно верните нам настоящего Разума!

Пресл говорил совсем тихо. Сомнений больше не было: он не в своем уме.

В этот момент у дверей позвонили. Это оказались Ольсены. Да, сегодня мне не избежать тягостных сцен!

— Мы и не знали, что вы женаты, — перевела мне Яна; сама я не владею ни одним иностранным языком. Мне было неприятно, что именно она помогает мне объясняться с гостями.

Мы познакомились. Муж не представил Пресла.

— Мы уже встречались, — сказал Преслу Ольсен, видимо искушенный во всех тонкостях международного этикета. Вообще он явно казался скорее светским человеком, чем ученым. Его жена была «совершенно очарована» — так перевела мне Яна — тем, что у нас ничего не приготовлено к приему гостей. Она, мол, с удовольствием поглядит, как мы живем. Все это мадам Ольсен говорила снисходительно, словно собиралась присутствовать при том, как африканское племя зарежет быка и будет потом пить свежую кровь. Разум осведомился, ходила ли она уже по магазинам. Мадам Ольсен сделала такое вежливое лицо, что мне пришлось потихоньку наступить мужу на ногу: наша гостья, видимо, привыкла делать покупки не так, как мы, навернсе, она ездит за ними с шофером.

— Я сейчас все расскажу им, сейчас скажу и испорчу вам карьеру! — угрожал Пресл, стоя в дверях.

— Что говорит этот очаровательный молодой человек? — спросила мадам Ольсен, и Яна ироническим тоном перевела его слова.

— Проходите, проходите, — приглашал гостей Разум. Он дал каждому по банке консервов, хлеб и помидор. Милой непринужденностью он спасал положение. Интересно, найдет ли он нож для консервов? Впрочем, Яна наверняка знает, где лежит этот нож. Я не испытывала ревности и все происходящее воспринимала скорее как заурядное мошенничество. Да, Разума я не люблю уже давно! Но мне не нравится, когда меня обманывают.

— Все скажу им, — повторил Пресл и хотел пройти в кабинет мужа. Я остановила его. Внезапно я увидела в нем больного человека. Тем больше он напомнил мне моего сына.

— Ну, ладно, друг мой, вы меня разгадали! — сказал Разум, возвращаясь; на лице его не было и тени улыбки. — Я в самом деле робот, россумовский... вернее, разумовский, и работаю вместо своего хозяина, служу ему как можно лучше — таково программное задание. Приходите завтра утром и поговорите с настоящим доцентом Разумом. Он вернется сюда из лаборатории, где занят проблемами, которые считает сейчас самыми важными. Он не хочет общаться с людьми, не хочет заниматься пустяками. Завтра увидите с ним, а сейчас постарайтесь выспаться...

Он явно отделялся от Пресла.

— Завтра у меня уже будут фотокопии, — заметил Пресл, упрямясь, как строптивый мальчуган.

И как это только он отваживался перечить мужу! Да еще нести такой вздор!

— Я извинюсь за тебя перед Ольсенами, отправляйся скорее к Енде и попроси Карела приехать ко мне завтра утром, — быстро сказал мне Разум.

Карел наблюдал нашего сына. Это был отличный врач. Так вот что задумал Разум! Он хочет упрятать Пресла в психиатрическую больницу. Хитер! Он обработает Ольсенов и устранил Пресла. Карел любит Разума и всегда справляется о нем, когда я бываю у Енды. Они однокашники. Карел считает Ра-

зума чуть ли не гением и уверяет, что еще в школе Разум был одареннее всех.

— Нет, я не поеду. Хочу остаться, — возразила я.

Я не люблю спорить с Разумом. До сих пор я приносила себя в жертву нашему браку, считала, что не вправе его разорвать только на том основании, что больше не люблю мужа. Ведь я не одна. Со временем, думала я, Енда вернется домой, мы станем жить вместе, и у мальчика будет отец.

— Я не уходила от тебя, так как верила, что ты не обманываешь, что на тебя можно положиться...

Он вдруг взял меня за руку и хотел поцеловать, утешая, словно ребенка. Я понимала, что это делается для Ольсенов: он давно не был таким нежным со мной.

— Не думаешь ли ты, что я близок с Яной? Мы просто работаем вместе, вот и все. Она мой лучший секретарь, только поэтому я и беру ее за границу. А моя жена — ты. Я знаю, что ты никогда не уйдешь из дому, так как у нас есть Енда, — продолжал он, мило намекая на то, что намерен уехать от меня и что его заграничная поездка — по существу уход к другой женщине. Такой выходки я от него не ожидала. Хороша дипломатия — попросту подлость!

— Правда, я не верю, что ты робот и собственный двойник, но должна признать, что ты и в самом деле очень изменился. Неужели успех так быстро портит человека?

— Изменился, изменился! Все вы только и твердите, что я изменился! Что вам от меня

надо? Просто вам кажется, что если я добился успеха, то должен обязательно стать гордецом. Видимо, вы исходите из того, что с вами бы это обязательно случилось. Я все тот же, но не откажусь от успеха, только чтобы угодить моим критикам. Почему я должен уклоняться от популярности, если все больше и больше людей жаждут слушать меня, ждут, что я скажу? Почему мне нужно молчать? Поймите, что в этом смысле я действительно изменился. Но я никогда не стремился к славе и просто применяюсь к новому положению: надо заниматься делами, обмениваться опытом, реорганизовать институт. Мои успехи накладывают на меня и новые обязанности, но поверь, это вовсе меня не радует. Множество дополнительных и ненужных забот отрывает меня от настоящей научной работы, мешает серьезно размышлять. А между тем ими мог бы заниматься кто-нибудь другой...

— Например, робот, — вставила я. — Для этого можно было бы отлично приспособить робота, если бы ты сумел его сделать...

Он снова улыбнулся.

— Настолько мы еще не продвинулись вперед, дорогая. Это все равно, что желать, чтобы братья Райт построили сразу реактивный самолет. Когда-нибудь, наверное, мы создадим таких роботов... или это сделают наши потомки. Эпоха механизмов кончится, настанет время биологических машин из искусственной живой ткани. Производство их намного удешевится, а энергии они будут потреблять все меньше. Для такой машины хватит пары картофелин. Акции нефтяных компаний станут

ничего не стоящими бумажками, — поучал он меня словно на лекции. Поучал обстоятельно, не проявляя должного внимания даже к Ольсену. И все потому, что хотел, чтобы я вызвала назавтра Карела. Видно, он боялся новой встречи с Преслом наедине.

В дверях показалась Яна.

— Ольсены в десять утра должны быть у ректора, — сказала она. — Ты бы не мог пригласить сюда ректора? Это будет даже удобнее, ведь он говорит только по-французски, да и то плохо.

У Яны был явно немалый опыт по организации встреч между нашими учеными.

Разум тотчас согласился, попросил меня передать Енде привет и поспешил в свою комнату, откуда тотчас же послышался его громкий голос. Внушительно разговаривать с людьми он умеет, вообще он богатырь, когда это нужно. В конце концов он чем-то да покорила меня в молодости!

— Это я принесла для Енды, — сказала мне Яна, показывая на сверток.

Что это она выдумала?

— Моему сыну запрещено есть сладости, — брезгливо произнесла я, убежденная, что от гостинца такой особы его бы стошнило. Да и кто знает, не вздумала ли она отравить его? Я становлюсь подозрительной, как Пресл: всюду вижу врагов и убийц. Надо взять себя в руки! — Очень мило с вашей стороны, но он на строгой диете, — сдержанно добавила я.

— Я не знала, что такие больные на диете.

Я снова обозлилась. Мне захотелось уда-

рить ее. Что она знает о болезни нашего Енды? Только сплетни, больше ничего. Сплошные сплетни! Сплетникам даже известно, что Разум женился на мне из-за моих длинных пальцев. Интересно, быстро ли пишет на машинке эта девчонка? Разум ей в отцы годится.

— Вы играете на рояле? — спросила я. Она тотчас поняла, на что я намекаю.

— Мне кажется, доценту Разуму не нужна сотрудница-виртуоз.

— Смотря в какой области.

— В игре на рояле, — сказала Яна, не обидевшись. — По-моему, ему нужен человек, который понимал бы его, боролся вместе с ним. Стоять в стороне — легче всего.

Оказывается, она совсем не глупа!

— Теперь он будет не бороться, а только пожирать плоды, — возразила я. — Уж не думаете ли вы, что в этом международном институте его ждет напряженная работа? Сомневаюсь. Я знаю такие учреждения и часто видела подобных людей... Все это очень противно!

Однажды я даже хотела купить себе ходский * национальный костюм, чтобы принять в нем скучающего представителя ЮНЕСКО, который уже давно забыл свою научную специальность и стал профессиональным участником всяческих научных конгрессов. Может быть, его хоть ненадолго вывела бы из равновесия супруга европейского ученого в таком наряде... Что касается Яны, то за границей она будет покупать кофты джерси и леопардовые

* Ходы — жители юго-западного чешского пограничья.

юбки, в общем модное тряпье. Как и все такие девицы.

Мне вдруг стало ясно, что Разум поступил правильно: ведь я никогда не поехала бы с ним за границу. Да, он был прав!

— Куда вы поедете?

— В Рим! — восторженно произнесла Яна. — Ольсен уже почти обещал. Институт там находится в новом районе, в десяти минутах ходьбы от пляжа. Так сказала мадам Ольсен.

Яна говорила об этом прямо-таки с детским упоением.

— Конечно, вам там понравится, — согласилась я. — Возможно, вы встретите людей более преуспевающих, красивых и молодых, нежели Разум...

Нет, так я и не смогла понять, почему он выбрал ее! Мой настоящий муж никогда бы так не поступил. Настоящий муж?.. Я поймала себя на мысли, что рассуждаю, как тот фантазер.

Почему фантазер?

Карел дежурил, и только поэтому меня впустили в больницу. Другие посетители уже стояли в очереди на обратный автобус. Я рассказала Карелу обо всем и попросила приехать завтра утром. Пресла действительно необходимо освидетельствовать.

— Пресл ни для кого не опасен, — возразил Карел. — Если он думает, что Разум создал робота, подобного человеку, это еще не основание считать Пресла психически ненормальным. Ведь весь мир восхваляет Разума за то, что он создал искусственный организм. Теперь я уже ничему не удивляюсь. Люди, видимо,

способны сделать любую машину, создать все, что им вздумается. Но все ли они это понимают, вот что важно. Ведь человеческие познания усложнились. Ясные и примитивные принципы, созданные основоположниками науки, уже устарели. Теперь нельзя отбрасывать даже самые невероятные гипотезы. Может быть, и это предположение о роботе всего лишь рабочая гипотеза Пресла.

— Он не дилетант в биологии.

— Неважно. Для него это просто рабочая гипотеза, объясняющая, почему так изменился его шеф, и закрепляющая представление о прежнем идеальном Разуме. Такая гипотеза вовсе не кажется мне абсурдной. Это просто своеобразное представление о человеке. Заметила ли ты, как популярна стала идея робота, какая большая литература появилась о них, как часто стали мечтать о механическом человеке. Вероятно, потому, что и в самих людях подчас встречается что-то от робота; им действительно опасны идеальные помощники, которые действуют предельно разумно и потому губят в людях все человеческое. Пресл создал гипотезу и хочет проверить ее эмпирическим путем. Интересно, чем все это кончится. Во всяком случае, такое состояние имеет очень мало общего с психическим расстройством. Тогда следовало бы считать помешанными и тех, кто разработал теорию человеческой психики. А далеко не все они сумасшедшие...

Я любила сидеть в комнате Карела, где на стенах были развешаны целые коллекции картин — творчество его пациентов. Были тут и примитивная мазня, и причудливые бессюжет-

ные рисунки. Карел живет в странном мире, далеко от нашей действительности. В больницу к нему нужно ехать трамваем до конечной остановки, а оттуда еще автобусом по единственному маршруту, пассажиры которого знают друг друга, потому что все они отмечены каиновой печатью родства с сумасшедшими. Кондуктор даже не покрикивает на нас, как обычно: то ли понимает, что надо беречь наши нервы, то ли просто побаивается нас.

Енда, как всегда, был один в своей комнате. Он не ответил на мое приветствие и смотрел куда-то вдаль, но я уже давно привыкла к этому и разучилась плакать, зная, что ему это безразлично. А может, в глубине души он все-таки неравнодушен к моим слезам? Я хожу к сыну, говорю с ним о повседневных вещах, об игрушках, о том, что делается на улице, о бывших его школьных товарищах. Я задаю ему вопросы и отвечаю на них сама, не переставая надеяться, что все же он откликнется,— вдруг он снова обретет прежний контакт с окружающим миром, контакт, который непостижимым образом прервался, и теперь никто не знает, как его восстановить. Карел прохаживается рядом с очень ученым видом и приветливо улыбается. Он многое понимает, но помочь Енде может не больше моего.

— А вдруг и Енда думает о роботах,— сказал он, провожая меня до ворот, после того как я положила на столик рогалики для Енды и тихо, не прощаясь, вышла. Меня научили уходить именно так, чтобы не волновать больного, и сказали, что иной раз он съедает несколько моих рогаликов, когда остается

один и думает, что его никто не видит.— Он очень одаренный мальчик и мог бы в интеллектуальном отношении превзойти Разума,— продолжал Карел.— Возможно, в своем воображении он населяет мир какими-то особенно страшными роботами, потому что, как ты знаешь, он все время находится в состоянии тревожной подавленности.

Мне вспомнился рассказ Карела о том, как во время войны больницу бомбили, и в ней вспыхнул пожар. Многие больные не покинули горящего здания и предпочли заживо сгореть, потому что мучившие их кошмары были страшнее пожара.

Только теперь я заплакала и, как обычно, проплакала всю дорогу от ворот до трамвая. Я уже научилась плакать незаметно, потихоньку, делая вид, что у меня насморк.

«Мы поставим новые подшипники,— слышались разговоры в автобусе... Придется купить маленький мотор... Телевизор все время капризничает... Он вам его отлично отремонтирует... Собираюсь купить...»

И люди перечисляли всевозможные машины, аппараты, механизмы — предшественников роботов. А мне казалось, что единственные, кто чужд роботам,— это наши близкие в больнице. Не потому ли мы потеряли их, не потому ли они живут в этом старинном здании, где время словно остановилось?

Как раз подошел трамвай, я перестала плакать. Мне вдруг стало отрадно при мысли, что завтра утром Разум встретится с юным фантазером Преслом один на один.

Спор

Дома никого не было, ректор, видимо, не захотел приехать к нам, и Разуму с гостями пришлось отправиться к нему. Я прибрала в комнате — на ковре валялось несколько крошек, магнитофон был включен; видимо, Разум развлекал гостей. Сам он музыки не любит, это я хорошо знаю, но он уже усвоил себе, что большинство ученых считают музыку единственно приемлемым видом искусства, потому что она чем-то сродни логическим формулам науки, и охотно слушают не только Яначека, но и Орффа, Шенеберга и Рихарда Штрауса. Поэтому мы держим дома несколько лент, в частности ленту с записью Хиндемита. Но мне не разрешено ставить их для себя или для сотрудников мужа, приходящих к нам; эти записи «на экспорт» предназначены только для иностранных гостей. По крайней мере, когда играет музыка, можно почти не разговаривать, а Разуму это удобно: он не силен в иностранных языках. Его, наверно, устроило бы какое-нибудь эсперанто из математических формул, но, к сожалению, на таком языке невозможно сказать: «Добрый вечер» или «Возьмите еще один бутерброд».

Утром я увидела Разума в холле. Он все еще был в смокинге, много курил, но выглядел трезвым и вел себя вполне спокойно. После бессонных ночей он бывал еще рассудительнее обычного.

— Где же Карел? — хмуро осведомился он. Я сказала, что Карел не приедет.

— Хорош! А еще называется друг! И ты не могла позвонить и сказать мне об этом? Что ж теперь? Вызывать скорую помощь к своему сотруднику, что ли? Знаешь, как это неприятно после всяческих историй о помешавшихся ученых! Ну и конфуз! Пойдут разговоры, это будет сенсация побольше, чем мое открытие. Уж я знаю людей, они любят посудачить о помешавшемся ученом.

С людьми он познакомился, видимо, за дни своего триумфа, потому что раньше не разговаривал даже с прислугой.

— Карел считает, что Пресл не помешанный.

— А его разговоры о роботе?

— Карел сказал, что это вполне допустимая научная гипотеза.

— Вздор! Просто Карел рад, что у меня неприятности. Наверное, всю больницу развлекает рассказами обо мне. Мол, у Разума помешался сын, а теперь еще и сотрудник — вот она, цена успеха! А его сослуживцы тешатся тем, что хотя они и посредственности, но у них здоровые дети и сами они здоровые. Как будто одно с другим связано! Это надуманная зависимость, типичный образчик непоследовательного мышления, подверженного влиянию мелких эмоций и духовного ничтожества. Не понимаю, как ты могла присоединиться к ним. И предупреждаю: щадить своих врагов я не собираюсь! Я уничтожу их всех, для этого у меня достанет сил...

Разум сорвался на крик. Этого я никак не ожидала и даже отступила на шаг. Мне стало страшно. Как будто тронулся с места паровой

каток или лавина... Быть может, теперь он начнет сметать всех, пользуясь своим открытием? Этого я никак не ожидала. Поистине он неузнаваем!

Разум устремился к телефону. Но не успел снять трубку, как у дверей позвонили. Все равно он бы, не колеблясь, вызвал скорую помощь, если бы Пресл, еще на пороге, не вытащил длинный нож.

— Товарищ доцент! — Он обнял Разума. — А я-то боялся за вас! Я так рад вас видеть. — Его ничуть не смущало, что сегодняшний Разум как две капли воды похож на вчерашнего, даже смокинг тот же самый. — Я так боялся, что он и вас убьет. Подумайте только, что он сделал с Чапеком...

— Вы забываете, юноша; он запрограммирован, — возразил Разум. Он, видимо, решил продолжать вчерашнюю игру и с улыбкой ввел Пресла в гостиную. — Уж если создан такой механизм, ему дается программное задание, как всякой кибернетической машине.

— Какое же задание ему дано? — с любопытством спросил Пресл, непринужденно попивая кофе, который Разум приготовил, видимо, для Карела.

— Вот так вопрос! — чуть укоризненно, но вместе с тем покровительственным тоном воскликнул Разум. — Чего люди испокон веков хотят от машин? От всех машин, не только от кибернетических, а и от самых примитивных приспособлений, таких, как рычаг или наклонная плоскость? Служи человеку! Облегчай мою работу, машина, или делай ее за меня!

— Вот в этом-то и вся беда! — взволнованно сказал Пресл, и мне показалось, что он, подобно трактирному буяну, вот-вот всадит свой нож в наш инкрустированный столик. Он весь дрожал, видно, тоже не спал ночь. Но если бы я сейчас наблюдала за ними сквозь прозрачную звуконепроницаемую перегородку, мне, наверное, показалось бы, что эти два человека обсуждают увлекательную научную проблему, а нож — всего лишь какой-то инструмент, имеющий отношение к обсуждаемому явлению. — Тем самым вы предоставили ему чудовищные возможности, — продолжал Пресл. — Человеку должны служить лишь простые машины. Если же машина подобна вам самому, если это робот, точно такой же, как вы, то есть ваш двойник, он чужд человечности и своими действиями может повредить вам. Мы тем и отличаемся от животных, что делаем не только полезное нам. Ведь сами-то вы так никогда не поступали. Вот и от этих ваших объяснений вам лично нет никакой пользы, вы только тратите время, как и тогда, когда, бывало, объясняли мне основные проблемы своей специальности. Я очень признателен вам.

— Полагаю, что и этот разговор для меня бесполезен, — муж не удержался от иронии, выразительно поглядев на нож.

— Я принес вам этот нож, полагая, что разделиться с роботом нелегко. Ведь вы не станете предавать гласности свое открытие, раскрывать секрет существования робота? К чему делиться с другими? Тогда вы сами меньше получите от своего изобретения. Я исхожу из того, что робот ликвидировал Чапека, а теперь не

позволит и вам помешать выполнению своей программы...

Разум тотчас взял нож.

— Спасибо, друг мой, хорошо, что у меня будет оружие. Я и сам подумывал о пистолете, но где его нынче достанешь! Да, нелегко будет справиться с моим роботом. Он сейчас здесь у меня в лаборатории в связи с кое-какими доделками.— Разум усмехнулся, как взрослый, который объясняет малышу, чем сейчас занят Дед Мороз. Потом встал и вышел. Я поняла куда: у нас в квартире два телефона; второй параллельный аппарат находится в лаборатории.— Сейчас я со всем этим покончу... Мне очень пригодится ваш нож...

— Вы хотите совсем уничтожить робота?

— Да.

— Можем мы вам помочь?

— Нет.

— Наверное, потому, что он — ваша точная копия?

— Вот именно! — сказал Разум тоном профессора, одобряющего удачный ответ студента на экзамене.— Мне пришлось сделать его своим двойником, потому что никто другой, кроме меня самого, естественно, не захотел бы служить моделью для робота. В дальнейшем в качестве образцов придется использовать стандартные рекламные типы или популярных спортсменов...

Пресл преградил ему дорогу.

— Нет, нет, это не годится! — огорченно воскликнул он.— Чего доброго, люди начнут влюбляться в своих роботов! Представляете себе, насколько это опасно? Всегда иметь воз-

возможность купить красивого робота мужского или женского пола... Мне думается, что лучше делать их по образцу животных, обезьян или собак...

— Видели вы когда-нибудь собаку, которая могла бы подметать пол или варить обед? Нет, друг мой, я сделал правильный выбор, другой возможности, видимо, не подвернется. Мы будем изготавливать двойников для всех желающих...

Говоря это, Разум легонько теснил Пресла, и мне стало ясно, что он уже думает над тем, как преподнести эту историю врачу скорой помощи, чтобы по возможности не бросить тени на институт.

— Я восхищаюсь вами, Разум,— просто сказал Пресл. Мой муж на ходу обернулся. Повидимому, он был глубоко тронут.— Я люблю вас больше всех на свете,— продолжал Пресл,— и охотно бы встал на ваше место в этом эксперименте. Будьте добры, скажите мне еще раз...

Разум грустно пожал плечами и снова поглядел на громадный нож в своей руке: то ли хотел убедиться, что иного выхода уже нет, то ли все еще обдумывал, как поступить. Разумеется, его больше всего бы устроило, если бы из-за Пресла не произошло осложнений.

— Надеюсь, потом вы покажете мне свою машину?— спросил наконец Пресл и этим окончательно предопределил свою судьбу.

— О, конечно,— ответил мой муж и быстро вышел, закрыв за собой дверь. Он больше уже не мог играть эту комедию: ведь пришлось бы представить реальные доказательства.

Однако как он хорошо понимал Пресла! Ясно, что у них сходный тип мышления, сходные представления. Чем же отличаются друг от друга уравновешенный и преуспевающий Разум, который создал одноклеточный организм, и этот безудержный фантазер? Не раз я задумывалась над тем, как надо разговаривать с людьми типа Пресла, и хорошо знаю, что разубеждать их не имеет смысла. Лучше позаботиться о них, задуматься: отчего они бегут в мир фантазии?

— Почему вы расстались с Яной? — осторожно спросила я.

Быть может, не все считают фантастические представления искаженным отражением действительности. Для некоторых фантастика может быть вполне реальным отражением того, как эти люди воспринимают окружающее. Например, близорукие видят лишь расплывчатые контуры там, где мы видим четкие линии, а слепые ощущают мир осязанием. Некоторые земные существа воспринимают мир совсем иначе, чем мы, например собака — главным образом при помощи обоняния. А чем воспринимают мир пресловутые марсиане? Видимо, Пресл считает фантастическую версию событий единственно правильной; разубеждать его было бы совершенно излишне.

— Почему вы расстались с Яной? — повторила я; мне показалось, что он прослушал мой вопрос.

— Потому что она влюбилась в робота. Я понимаю человека, который увлекается машинами конца прошлого века, первыми локомотивами, старомодными автомобилями, воздуш-

ными шарами и дирижаблями, но мне непонятно, как можно любить современные обезличенные мотоциклы, лимузины и... роботов.

— Вас это сильно мучает? Ведь вы можете найти себе другую девушку!

— Я думал о вас... Я же сказал вам это еще вчера. О вас я подумал прежде всего. Я хотел рассказать о роботе и уехать с вами куда-нибудь в глушь... Понимаете, чтобы мы были совсем одни... — Он смотрел на меня в упор; в глазах у него светилась решимость, словно он задумал похитить меня. — Если роботы возьмут верх над людьми, в цивилизованном мире для нас уже не будет места. Мы с вами стали бы жить вдвоем, я бы обрабатывал землю, вы вели бы хозяйство. Я бы охотился на зверей, ходил в звериных шкурах... Наверное, в кроличьих, потому что других теперь нет. В деревне мы бы ничего не покупали: ни свечки, ни гвоздей, ни лопаты. Только тогда мы стали бы по-настоящему свободны, избавились бы от цивилизации с ее засильем роботов. Жить снова так, как когда-то жил человек... Но такие условия показались бы нам слишком суровыми, начались бы болезни, которые мы сами не умеем лечить... Вы возненавидели бы меня за то, что я отказался от борьбы. Ведь женщины хотят, чтобы ради них мужчины вступали в борьбу и побеждали. Или по крайней мере боролись. И вот я борюсь за вас.

На этот раз он, видимо, говорил от души.

— Кого же вы, собственно, любите — Разума, меня или Яну?

— Дело не в том, кого я люблю. Дело вообще не во мне. Я решил, что должен сделать это ради того, чтобы жизнь представляла собой хоть какую-то ценность.

Из кабинета доносился голос Разума. Видимо, он препирался с врачом скорой помощи, который не хотел прибыть немедленно, не понимал всей серьезности положения.

Пресл встал. Я боялся, что он убежит, но он не пошел к выходу.

— Поможем ему? — предложил он и оглянулся, ища глазами какое-нибудь оружие. — Я так и думал, что с роботом нелегко будет справиться. Может, придется позвонить в институт или в полицию.

Последние слова напугали меня. Разум бы этого не стерпел. Сейчас он кричал на кого-то у себя в кабинете, кричал громко, как никогда. Были слышны отдельные слова и минутами казалось, что то ли Разум разговаривает сам с собой, то ли ему отвечает кто-то другой. От всего, что творилось в моем доме, голова у меня пошла кругом.

— Подождите, я посмотрю, что там делается, — сказала я. Пресл не пускал меня, хотел пойти сам, но я убежала от него в кабинет мужа.

— Уходи, тебе здесь нечего делать! — сердито набросился на меня Разум. Я увидела, что он вовсе не звонит по телефону, а ходит по комнате, без смокинга, в разорванной сорочке, без галстука. Я невольно оглядела комнату: где же его противник? Похоже, что тут разыгралась схватка. Но Разум был один в кабинете.

— Я ни в чем не виноват, ничего не присваивал! Ведь я руководитель института! — Он словно оправдывался перед судом. А потом я вдруг услышала иной голос:

— Но он мне верил, он меня любил, я всегда разыгрывал перед ним бескорыстного ученого, а ведь на это у меня не было права...

— Вздор! — крикнул первый голос.

Закрывая за собой дверь, я вспомнила странную историю о мистере Джекилле и мистере Гайде, эту классическую фантазию Честертона о перевоплощении личности, и мне показалось, будто Джекилл и Гайд ссорятся внутри Разума. Что ж, это ничуть не фантастичнее, чем ссора Разума с роботом.

— Мне кажется, что скорее всего он сам помешался, — сказала я Преслу, когда из кабинета стал доноситься шум падающей мебели. Мы слышали, как Разум швыряет на пол колбы и пробирки.

— Но я-то еще в своем уме! — воскликнул Пресл и устремился в кабинет. Я уже не могла удержать его.

Мы нашли моего мужа в разгромленной лаборатории. Кто бы сейчас узнал в нем вчерашнего преуспевающего доцента?!

— Хватит этой комедии, Пресл! Не мучьте меня больше! Вы победили, и я сдаюсь! Приготовь нам чай, Елена, ведь мы еще не завтракали.

Я ушла на кухню готовить чай, но оставила дверь открытой, чтобы не упустить ни словечка из их разговора.

— Сдаюсь вам на милость, — повторил муж.

— А где же ваш робот?

— Перестаньте! — снова закричал Разум. — Вы отлично понимаете, что он существует только в вашем воображении! Я всегда знал, что вы умный человек... Ладно, Пресл, я заявлю во всеуслышание, что вы — подлинный автор моего открытия, что это была ваша идея, а я ее только разработал. Этого хватит?

«Так вот оно что, — подумала я, не оборачиваясь, потому что как раз закипал чайник. — Стало быть, история со старым Чапеком была для Пресла всего лишь предлогом, своего рода аллегорией, под прикрытием которой он отстаивал собственные права. Всю эту историю с роботом Пресл придумал, чтобы разоблачить мужа. Главное для Пресла — собственные заслуги, собственный успех! Он столь же ничтожен, как и все остальные! А еще что-то городил мне насчет «простой жизни среди природы»!

У меня так дрожали руки, что я чуть не обожглась, — никак не могла закрыть газ. А в комнате за моей спиной все еще было тихо.

— Я вас не понимаю, — тихо сказал Пресл.

— Вам и этого мало? Хотите, чтобы я сам себя разоблачил, чтобы публично признался в том, что присвоил чужое открытие? Не слишком ли это жестоко? Я знаю, что сам воспитал вас и слишком смело говорил при вас о новых принципах, о бескорыстном сотрудничестве, о единении людей науки. А сам изменил этим принципам, изменил высшим идеалам. Но вы-то знаете, что коллективные работы общеприняты в научной практике. Первоначальная научная идея по мере своего претворения в жизнь претерпевает столько изменений, что

соавторы обычно не спорят о первенстве и в большинстве случаев подписываются под работой всем коллективом. Я этим пренебрег, — вот в чем, очевидно, моя ошибка. Я присвоил всю славу себе, а вас семерых оставил в тени. Я действительно поступил, как робот, и готов исправить это. Я опубликую заявление в печати, сообщу, что открытие сделано доцентом Разумом и коллективом. Или коллективом под руководством Разума, а? Или просто нашим институтом, сниму вообще свое имя... Не глядите так на меня, юноша, я не совершил никакого преступления. Мой поступок не наказуем, мало кто из ученых осудил бы его, ведь такова жизнь. Так как же, а?

«Наверное, он выдержал страшный поединок с самим собой там, в лаборатории, — думала я, ставя чашки на стол. — И что только ему пришлось пережить, чтобы сейчас так унижаться перед младшим сотрудником?! Как сильна, должно быть, была в нем жажда успеха и славы, если еще несколько минут назад он подступал ко мне с угрозами, а вчера вечером хотел упрятать Пресла в сумасшедший дом?!»

— С первой же минуты я понял, что вы не настоящий Разум. С того момента, как вы посмотрели на нож, — сказал Пресл.

— Чего ты от меня хочешь, мальчишка? В твои годы я еще мыл пробирки! Что бы из тебя вышло, если бы я не принял тебя в институт! Ты должен на коленях благодарить меня! Идеи бывают у каждого, не только у тебя одного, главное — реализовать их, понял? Вот выгоню тебя из института, можешь тогда за-

писывать свои идеи углем на стене. Какой от них будет прок? Кончишь, как этот жалкий Чапек, смерть которого ты пытался приписать мне. Или как все другие сумасброды, воображающие себя изобретателями. Станешь одним из многих. Если ты не перестанешь дурить, я тебя выгоню. Мне легко тебя погубить: Яна хоть завтра подтвердит, что ты клеветал на меня только потому, что ревнуешь ее ко мне. Ты считаешь, я живу с ней? Вот потому-то ты все это и выдумал! Не ради идеального образа ученого, как ты пытаешься меня уверить, не ради каких-то высоких идей, а из-за примитивной звериной ревности, которая куда хуже, чем мой поступок, пусть даже ущемляющий авторские чувства. Ты двуличный человек, ты хуже, чем я: хочешь погубить меня из-за женщины, то есть по самой заурядной причине, которая с первых дней бытия тормозит историю человечества. Но я этого не допущу.

— Я хочу уничтожить робота, хочу разбить испорченную машину. Вы служите Разуму против его воли.

— Что же мне сделать, чтобы ты простил меня?! — Разум чуть не всхлипнул. Никогда я не видела его в таком состоянии. Он снова заговорил тихо, спокойно, не кричал, не угрожал. Поистине у него два разных голоса.

Пресл встал.

— У меня уже есть фотокопии. Я решил передать их полиции. Нельзя терять времени, надо поскорей спасти Разума, иначе все человечество окажется под угрозой...

Он повернулся к двери. Там стояла Яна. Я не знала, что у нее есть ключи от квартиры.

Она была в новеньком, с иголки, костюме, модная картинка да и только.

— Вам нечего прощать, — сказала она Разуму. — А в полиции его никто не примет всерьез. Я уже звонила участковому врачу. Пресл известен как психопат. Я заявила, что он угрожал мне убийством... и прочитала по телефону твое письмо.

— Я не писал тебе никаких писем! — воскликнул Пресл.

— Чапек никогда не звонил Разуму, а ты не подходил к телефону. Чапек вообще никогда не звонил из гостиницы и выходил из нее только три раза. Мы начнем выдумывать, как и ты, но нам больше поверят, потому что твои вымыслы фантастичны. Газеты у нас, слава богу, не увлекаются сенсациями. Иди, рассказывай свои истории кому вздумается! И ты кончишь плохо! Мы за тебя уже не вступимся... А сейчас нам надо срочно ехать в министерство, — обратилась она к Разуму. — Там важное совещание. Вас хотят назначить членом международной комиссии в Москве.

— А как же насчет морского пляжа? — не удержалась я. — В Москве его нет. И там холоднее, чем в Риме.

Пресл ушел не попрощавшись. Разум долго смотрел на дверь. Яна принесла из шкафа его дневной костюм. Я пошла к себе за чемоданом и стала складывать вещи, а она тем временем помогала одеваться моему бывшему мужу. Мне вдруг показалось невероятным: как я могла так долго выдержать, почему не поняла уже давно, с каким бесчестным человеком живу?

Я уложила лишь самое необходимое. На первое время поселюсь у Карела; у него в больнице большая казенная квартира, и он уже давно предлагал мне пристанище. По крайней мере буду ближе к Енде.

Мне казалось, что я просто еду навестить Енду, а потом останусь у него навсегда; я понимала, что, собственно говоря, подсознательно уже давно немного завидую сыну: меня всегда страшил обратный путь — из больницы к трамваю.

В дверях я столкнулась с Яной.

— Куда вы? — спросила она.

— Меня не тянет на римский пляж, милочка. А тебе хочется увидеть все на свете. Ты больше подходишь для Разума, твоя жадность к жизни ему по душе.

— Уже не по душе, — сказал Разум, взяв меня под руку, и отставил в сторону мой чемодан. — Пойдем-ка погуляем, Елена. Извинитесь за меня перед министром, Яна. Я хочу посвятить себя научной работе, коллегам и семье, мне не нужна карьера. И верните мне, пожалуйста, ключи от квартиры.

Яна уронила ключи на пол. Как знать, не нарочно ли?

— Как вам угодно, — прошептала она, — Думаю, что еще многие девушки будут сходить по вас с ума.

— Сходить с ума... — задумчиво повторил Разум уже на улице. — Что-то слишком часто стали повторяться эти слова. А каков их точный смысл? Я уверен, что Пресл не сумасшедший. Сколько ни объявляй его помешанным,

все равно не заставишь молчать,— он будет ратовать за правду. И, пожалуй, он прав.

Я не узнавала Разума. Впервые за много лет он вышел со мной на прогулку. Не по делу, а просто так, пройтись! Словно бы у него вдруг оказалось много досуга, словно его не ждут министр и вся комиссия.

— У меня масса свободного времени,— улыбнулся он.— Ведь я теперь отрезанный ломоть, конченный человек. Как обрадуются вчерашние завистники, клеветники, конкуренты: доцент Разум вышел из игры! Вот увидишь, дня через два все они сбегутся к нам. Не для того, чтобы нам помочь, а из любопытства. Чтобы посмотреть, как мы переносим свой позор. Придут, как в театр. Ну и пусть! Я буду презирать их еще больше. Именно теперь я буду презирать их беспредельно, потому что, признаюсь тебе, еще вчера я их немного боялся.

Больше мы на эту тему не говорили. Казалось, Разум немного постарел за этот день: он несколько раз переспросил меня об одном и том же, несколько раз останавливался передохнуть. Давненько мы не праздновали день его рождения! А собственно, сколько ему лет? Может быть, мы снова начнем отмечать этот день, может быть, переедем на нашу старую квартиру?

— Надо бы съездить к Енде,— сказал он вдруг, словно догадываясь, какую радость доставят мне эти слова.— Я хочу взять его домой. Я не собираюсь всю свою жизнь разгадывать тайны природы, забуду и о загадочном поведении сына.

Мне захотелось его расцеловать, таким он вдруг показался иным, человеческим.

Мы пообедали в закусочной.

— Ты ничего не вспоминаешь?— спросила я, когда мы выходили оттуда.

— Конечно, вспоминаю. Когда-то тут кормили куда лучше. Тогда мы с тобой только что поженились.

Я боялась, что он заговорит о моем первом концерте и будет просить прощения за то, что помешал мне стать пианисткой. Но он знал, что на эту тему лучше не говорить. Да и что можно было сказать? Кто знает, кем бы я сейчас была, сделай я музыку своей профессией. Есть вещи, которых не исправишь, каким бы хорошим ты ни стал под конец жизни. И все же я была рада: я всегда представляла наше примирение именно так.

Мы чудесно погуляли, а когда вернулись к своему дому, увидели около него четыре лимузина. Едва мы появились на углу, как дверцы всех лимузинов распахнулись, к нам словно по команде, устремилось несколько человек во главе с министром. Министр был гораздо старше Разума, но обращался с ним необыкновенно учтиво.

— Вы нам очень нужны. Комиссия в полном составе ждет вас уже два часа. От вас зависит очень многое. Поспешим же!

Мне даже не верилось: неужели они так долго ждали Разума, неужели подъехали к нашему дому и сидели в машинах, пока мы бродили по городу? Вот уж не ожидала, что мой муж станет такой важной персоной, — и когда

же? — теперь, когда оказалось, что его открытие сделано другим человеком.

— Разве вы не слышали о Пресле? — спросил муж, обращаясь ко всем.

Ему ответили, что это совершенно неважно. Пресл и другие сотрудники доцента их сейчас не интересуют, для них важен сам Разум. И усадили его в машину, где уже находилась Яна.

— Ваш секретарь была так любезна... — сказал кто-то Разуму.

Я думала, что он заартачится.

— Намечен план чрезвычайной важности, тесно связанный с вашим открытием: с его помощью можно наладить промышленное производство продовольственных товаров. Примерно так же, как мы сейчас фабричным способом изготавливаем желе. Мы сможем накормить весь мир полноценными белковыми веществами, которых сейчас так не хватает. Бóльшая часть человечества все еще не ест досыта, многие люди страдают болезнями почек из-за недостатка протеина. Ваше открытие поможет решить все эти проблемы. Шницели и бифштексы будут производиться на заводах в любом количестве из самого простого сырья. Без крови, без боен, без убийства животных, на радость вегетарианцам. Вы — спаситель человечества!

Сперва творец, потом спаситель! Мне показалось, что я в храме, где люди провозглашают: «Хвала Разуму!» Теперь я поняла, почему министр и его свита так долго ждали нас на улице, почему мой муж вдруг стал так необходим для них. Оказывается, наука превышает всего, потому что она всесильна. «Да ведь это

не его открытие!» — хотелось мне крикнуть. Но вместо этого я сказала:

— А не обойдется ли промышленное производство белков дороже, чем разведение скота? Много ли нужно животным: сено и крыша!

Мне ответили презрительным взглядом. Приглашать меня в министерство, разумеется, никто не собирался.

— Все вопросы обсудит комиссия, — заявили мне. — Для этого-то нам и нужен доцент Разум...

Все они были в восторге от него и так верили в мужа, что я не смогла вставить о Пресле ни словечка. Ну, может быть, Пресл пробьется сам, может быть, в конце концов он и Разум смогут работать сообща.

Разум уселся рядом с Яной. Она даже не взглянула на него. Яна торжествовала: все-таки он не устоял — честолюбие взяло верх. Разум снова едет с ней. Видимо, он решил, что зря испугался Пресла и напрасно все утро притворялся живым человеком. А Пресл, возможно, уже сидит за решеткой. Или его высмеяли, как и всякого новоявленного пророка. Да разве он мог со своей фантастической версией добиться успеха? Его аллегория ни до кого не дойдет. Пресла надо было сразу же прогнать, зря Разум орал тогда в кабинете на самого себя. Видимо, в нем идет внутренняя борьба. Я чувствовала, что ему надо помочь, все больше думала о муже, и мысленно отступалась от Пресла, который не хотел бороться и мечтал вести уединенную жизнь Робинзона Крузо.

Днем я села за рояль. Сегодня это не показалось мне глупым и сентиментальным. Паль-

цы двигались с трудом, будто я снова начинала «Школу Беера». Впервые за несколько лет я не чувствовала себя чужой в собственной квартире.

Часа в четыре у дверей раздался звонок. Я никого не ждала и потому долго не открывала. Это оказались те же двое в военной форме. Как вы уже знаете, я не разбираюсь в чинах.

— В чем дело, товарищ? — опять спросила я, будто пришел один человек.

— Вы Елена Глори?

— Я уже однажды сказала вам, что нет.

— Был у вас утром биолог Пресл? — спросили они так, как будто это было имя и фамилия: «Биолог Пресл».

— Да. Но он не сошел с ума, — быстро сказала я. — Напрасно вы его ищете. Я уже советовалась с врачом насчет него.

— Он не сошел с ума. Он умер.

На этот раз меня никуда не возили, и все показания записали на месте. Опознавать покойного было не нужно. Хозяйка квартиры сказала им, что Пресл поехал к нам. Он несколько раз повторил, куда едет, словно предчувствовал, что эта поездка будет для него роковой.

«Так оно и оказалось, — подумала я, вспоминая подозрения Пресла. — Неужели Разум в самом деле владеет тайной жизни и смерти? Что, если он не только творец и спаситель, как бог, но и олицетворение зла, подобно дьяволу?»

— Умер-то он не от несчастного случая, правда? — спросила я. — Надеюсь, это не была автомобильная катастрофа или самоубийство?

Посетители с любопытством посмотрели на меня.

— Он умер естественной смертью, хотя был еще молод. Инфаркт. На этот раз они точно знали: смерть произошла от инфаркта. По крайней мере так им сказал врач, осмотревший труп. Пресл вел машину, видимо, он куда-то очень спешил и вдруг остановился на перекрестке. Уличное движение застопорилось, ближайшие водители поспешили к его машине и увидели, что он мертв.

«Наконец-то ему удалось остановить хоть какие-то машины», — печально подумала я и дала моим посетителям адрес родных Пресла. Прикрыв за собой дверь, они вышли.

Итак, теперь против роботов воюю я одна. Правда, можно объяснить смерть Пресла иначе: он был очень взволнован, когда ехал донести на своего патрона, которого любил, а тот его обокрал, и у молодого ученого произошел разрыв сердца. А может быть, он умер от великой скорби, от непосильного душевного напряжения, как герои классической трагедии; не исключено даже, что у Пресла был врожденный порок сердца, о котором он и сам не знал. Вскрытие покажет. Но я не могла бездумно ждать результатов. Пока что смерть Пресла служит подтверждением его фантастической версии, а это значит, что теперь моя очередь. Теперь я одна стою роботу поперек пути. Я единственная, кто знает о нем, кто подозревает его в убийствах и может испортить ему карьеру, единственное существо, которое в силах спасти человечество от Разума. Не потому ли он гулял со мной днем по городу, что хотел избавиться от меня? Может быть, чтобы выманить меня из дома, он даже подсунул мне

настоящего Разума, которого прячет где-то в лаборатории?

Я поспешила в кабинет мужа. Там было все еще не убрано, валялись разбитые приборы, осколки стекла. Похоже, что тут в самом деле происходила схватка. Неужели это так? Неужели мой муж боролся здесь с роботом за жизнь Пресла?

— Разум! — позвала я куда более встревоженным голосом, чем тот, каким его только что окликали на улице гости из министерства: — Разум!

Я обыскала весь кабинет, но, конечно, ничего не нашла. Если мои подозрения справедливы и он действительно был тут, то, разбив все оборудование, теперь уже, несомненно, перешел в другую лабораторию. А может быть, он всюду посылает вместо себя робота-двойника, который служит ему так верно, что готов уничтожить всех противников, устранить каждого, кто мешает его успехам, в том числе и меня? Да, теперь моя очередь, это ясно. Надо сопротивляться, все равно — существует робот или нет. Смерть Пресла — явное доказательство того, что его гипотеза — самая вероятная. Теперь я должна проверить ее сама.

Конец Разума

В институте я появилась в самый разгар торжества. Гости собрались в зале заседаний. Уже давно в нем не происходило никаких сборищ, так что институтским служащим, наверное, пришлось все утро наводить порядок и убирать оттуда всякий хлам. Институт поме-

шался в одном из старинных зданий Карло-Фердинандского университета и выглядел довольно архаично. Современная аппаратура в помещениях верхних этажей резко контрастировала с потертыми плюшевыми креслами и затейливой лепкой на потолках. В зале заседаний, казалось, собрались императорско-королевские советники и доценты в старомодных пенсне, а не участники современных международных научных конгрессов — джентльмены в безупречных фланелевых костюмах, прогуливающиеся под руку со своими «силоновыми» супругами.

Сначала меня никто не узнал. Прежде чем идти сюда, я провела два часа у парикмахера, выгладила костюм и купила новую брошь. Это был первый этап моего эксперимента с целью проверить гипотезу Пресла. Я еще не совсем уродлива, особенно когда подмажу губы — они у меня бледны из-за малокровия. На меня даже оборачивались на улице. Разумеется, я заставила себя идти иначе, чем обычно, этакой эффектной походкой, вытянувшись в струнку, играя грудью и бедрами, как принято у «шикарных женщин». Когда я вижу на улице, как эти дамочки буквально состязаются друг с другом, покачивая бедрами и вертя задом, мне становится тошно. Но на этот раз я заставила себя держаться именно так, потому что мне надо было нравиться, надо было проникнуть в общество, которое прежде никогда не интересовало меня.

Первой меня увидела госпожа Ольсен. С воплем, выражавшим одновременно восхищение и потрясение, и с таким видом, словно

она вот-вот упадет в обморок, эта почтенная дама устремилась ко мне и заключила меня в объятия. О-о! теперь она понимает, почему утром я принимала их в таком затрапезном виде! Для того чтобы еще сильнее ошеломить ее вечером! Ах, ах, это нечестная игра. Ведь я покорю всех мужчин, совершенно их очарую!

На этот раз ее слова переводил один из сотрудников Разума. Он тоже смотрел на меня с удивлением и сказал, что мое появление столь же неожиданно, как и открытие моего мужа.

— Стало быть, я напоминаю вам амебу? — улыбнулась я. — Благодарю за комплимент. На газетных снимках она выглядит не слишком привлекательно!

Сотрудник покраснел. Раньше коллеги мужа при мне не краснели. Они относились ко мне почти как к служанке и зачастую, встав из-за стола, забывали поблагодарить за чай. Наверное, они думали, что это несущественно: ведь они обсуждают столь важные научные проблемы... Сейчас он покраснел и извинился. Я сама веду себя, как робот!

— Вы уже кончили заседать? — спросила я. — Уже придумали, как делать из угля гусиную печенку? Значит, теперь и еда будет синтетической? В таком случае я предпочту блюда из водорослей, если хотя бы они будут настоящие... А мой муж здесь?

Робот Разума при моем появлении удивился так, словно был настоящим человеком; меня опять охватили сомнения.

Он поспешно увел меня в какой-то кабинет.

— Ты пришла! Как я тебе благодарен! Столько раз я приглашал тебя зайти в инсти-

тут. Но ты здесь всего лишь второй раз за много лет. Помнишь, когда-то я тебе показывал аудиторию, где в свое время читал лекции Эйнштейн?

Я не помнила.

— Не знаю, порадует ли тебя мой визит, — начала я.

Да, конечно, он робот: не случайно у него такая отличная память! Ведь идеальное запоминающее устройство — необходимая часть робота. В нем, как в самой полной картотеке, зафиксированы все детали биографии Разума.

— Я пришла шантажировать тебя, — продолжала я.

Нет, не надо сразу же действовать в стиле Пресла! Что если он действительно ополчился на Разума только из-за ревности к Яне, если он в самом деле лишь защищался, жаждал собственного успеха, хотел наказать Разума и отстоять свои права, прибегая к таким же насильственным методам, как и он? Что если Пресл вообще не был противником насилия как такового?

— Пресл убит, — тихо сказала я.

— Умер.

Ага, значит, он уже знает!

— Именно поэтому я особенно рад, что ты пришла. Я боялся, что ты опять все это истолкуешь как-нибудь не так.

— Мне все ясно. Ты присвоил чужое открытие и устранил сперва Чапека, потом Пресла, потому что они знали об этом. Я — последний свидетель и могу разоблачить тебя. Так я и сделаю.

Я уселась на столик, закинув ногу за ногу, и стала пудриться. Совсем как в сцене из авантюрного романа. Словно бы я была роботом Мата Хари.

— Ты отлично знаешь, что это неправда,— возразил он.— Чапек умер от старости, результаты вскрытия уже известны. А Пресл — по чистой случайности. Он был в сильнейшем возбуждении, ты же сама видела. В таком состоянии с человеком может случиться что угодно. Все-таки надо было вызвать к нему психиатра. А эта его навязчивая мысль о роботе! Теперь понятно, в чем дело: он был уже болен, ходил почти в бреду, с затемненным сознанием. Его смерть все объясняет. Спасти его мог только Карел. Пресла надо было отправить в больницу. Я его не убивал. Ты думаешь, просто заставить человека умереть естественной смертью? Это не то, что погасить свечку! Ведь человеческий организм сопротивляется смерти всеми своими силами. Убить не так просто, как заподозрить в убийстве! Человеческое мышление упрощает факты, таков наш метод познания. Но упростить — не значит найти правду. Я сумел создать живую амебу, но это еще не значит, что я могу тем же методом превратить живую ткань в мертвую. Возьми обратный пример: Флемминг, открывший пенициллин, не мог бы создать живые кокки. Все это нелепость, как и выдумка о роботе. Порождение агонирующей психики Пресла.

— Может быть, и нелепость, но это уже второй смертный случай. Я не собираюсь ждать третьего. Главное — смерть этих людей была выгодна для тебя.

Разум вскипел:

— Погляди-ка мне в глаза! Чего ты хочешь? Зачем ты пришла сюда? Уверен, что ты и самой себе кажешься выраженной куклой. Я тебя хорошо знаю. Ты все еще моя жена и не можешь относиться ко мне, как палач к преступнику. Я не совершал никакого преступления и вправе ожидать, что ты поможешь мне, даже если я в чем-нибудь и провинился.

— Мне тоже нужно защищаться. Ты сам сказал утром, что уничтожишь меня. Ты угрожал и Преслу, и вот он мертв!

— Чего же ты хочешь? — сказал Разум серьезно. — Долго ли ты еще будешь унижать меня? Неужели я и перед тобой должен разыгрывать глупую комедию с роботом? Через несколько минут начнется пресс-конференция. Я заявлю, что открытие сделано не мной, а Преслом.

— Ты мог заявить об этом еще на заседании у министра. Ты мог послать за Преслом сегодня утром, когда за тобой приезжали в лимузинах! — Я защелкнула пудреницу. Разум стоял передо мной подавленный, с виду совсем как настоящий человек. — Вся наша эпоха абсурдна. Разум, как и ты, абсурден сам по себе. Дико, к примеру, хотя бы то, что человек может преодолеть за час расстояние в сто километров и даже не вспотеть. Ведь передвижение должно утомлять организм. Абсурден тот факт, что человек поворачивает выключатель и становится светло. Ведь он должен бы силой преодолевать стихию тьмы. Какой ценой мы платим за все эти абсурды? Ведь все наши органы чувств созданы природой в рас-

чете на относительно медленное напряжение и трудовые усилия. И вот результат: мы оказываемся во власти машин. В руках разумов! Бр-рр!

Я соскочила со стола.

— Значит, ты хочешь разойтись со мной?— почти с надеждой спросил муж. Неужели он так наивен и думает, что я ничего не понимаю?

— Нет, мне нужна доля твоих успехов!

Я иду по пути Пресла! Когда я готовила чай и прислушивалась к их разговору, меня осенила мысль, что Пресл пришел лишь потому, что его оттерли. Как и меня.

Разум возликовал:

— Да я ведь всю жизнь именно это тебе и предлагал. Мы так и собирались жить с самого начала. Ты будешь моей сотрудницей. Наука — замечательная вещь! Познавать с ее помощью мир — это приключение, которое вполне заменит нам те усилия, напряжение и борьбу со стихией, о которых ты сейчас говорила. Когда-то человек, чтобы подать во тьме сигнал себе подобному, высекал камнем искру и разжигал огонь.

— Сейчас люди «высекают огонь» с помощью атомных бомб.

Разум нахмурился.

— Чего же ты все-таки хочешь?

— Хочу полноценной жизни для себя. Теперь у тебя найдется для этого время. Ты не поедешь за границу и расстанешься с Яной. Возьмешь домой Енду. А я снова стану пианисткой.— Разум глубоко вздохнул. Может быть, с облегчением? — Я думаю, тебя уже не допустят к исследовательской работе после то-

го, как ты заявишь, что открытие принадлежит Преслу.

А может быть, он все-таки человек?

Разум улыбнулся.

— Спасибо тебе. Знаешь, в последние дни я подчас испытываю странные чувства. Видимо, то, что ты предлагаешь, и в самом деле лучший выход. Я согласен принадлежать семье. Иная жизнь не для меня: это я понял сегодня утром, когда был по-настоящему счастлив. Именно потому, что провел это время в стороне от людей.

— А где именно ты его провел?

Он притворился, что не понимает.

— То есть как это где?

— Где мы были с тобой сегодня утром?

Информацией подобного рода настоящий Разум, несомненно, еще не успел зарядить своего робота. Я спрашивала, но он не мог сказать о прогулке по набережной, не помнил о Валашской улочке. Полный провал! Из информации об утренних событиях в его запоминающее устройство не было заложено ничего!

— Я не помню,— твердил он.

То ли он в самом деле ничего не замечал во время нашей прогулки, то ли я говорю сейчас не с Разумом, а с его роботом?

Он понял, что я его перехитрила.

— Это было странное, неповторимое утро. Я был счастлив, и вместе с тем меня обуревала тревога... Кроме того, я ведь тоже любил этого юношу, и мне не хотелось, чтобы мой ближайший сотрудник стал моим врагом. Тем более собственная жена. Теперь этому конец, вот увидишь.

И он повел меня обратно, в зал заседаний.

Я шла с ним не без недоверия. А что если все это притворство? И утреннее поведение Разума тоже? Что если ему нужно только выиграть время, и он уже сейчас рассчитывает в своем искусственном мозгу, как устранить меня — последнее препятствие на пути к полному успеху?.. Если, конечно, он робот. Но если он подлинный Разум и, отнесшись ко всему этому честно, выполнит то, что обещал, тогда, значит, Пресл был безумен, его гипотеза нелепа, а смерть бесцельна. Ведь он мог прийти к нам утром и сказать Разуму, как я сейчас: заявите во всеуслышание, что вы присвоили чужое открытие. Сегодня днем он мог принять капитуляцию Разума. Что ему еще было нужно?

Нас окружили журналисты. Меня фотографировали во всех ракурсах. Разум улыбался рядом со мной; я вдруг стала сенсацией, меня расспрашивали, умею ли я стряпать и что варю на обед, счастлива ли я в браке, какие блюда любит мой муж и что он ел в день своего открытия. Журналисты были в основном французы, попавшие к нам проездом. Вообще-то иностранных журналистов в Праге немного; здесь для них слишком спокойное место.

В баре я села, взяла аперитив и стала наблюдать за тем, что делается вокруг. Разума увели куда-то на кафедру и уже нацелили на него кинокамеру. Время от времени я произносила какую-нибудь вежливую фразу. Зарубежные гости расспрашивали преимущественно о Рудольфе II, о том, где именно жил Тихо

де Браге и тот ли это самый замок Градчаны, о котором пишет Кафка. Нет, извините, не тот.

Кто-то спросил меня о Големе.

— А' это в самом деле любопытно,— сказала я с удивлением.— В нашем городе, по преданию, раввин Лев сотворил Голема, здесь же Чапек придумал своего робота, а мой муж создал искусственную амебу.

— *Genius loci!**—восклицали гости.—Стало быть, ваш муж — новый волшебник.

Вывавшись от журналистов, я присоединилась к компании ученых, стоявших около кафедры. Все они были благовоспитанные, церемонные, у каждого в руке рюмка аперитива — скорее аксессуар, чем сосуд с алкоголем. Разговор шел такой:

— Герман Кан подсчитал, что уже сейчас, в шестидесятых годах, израсходовав пятьдесят миллиардов долларов, можно создать бомбу, которая взорвет земной шар,— сказал один, у кого голова была подобна большому яйцу, на которое нацепили очки.

— Ну, теперь появится и другое оружие,— усмехнулся другой, наблюдая, как моего мужа фотографируют на кафедре.

Конечно, об этом-то я и не подумала: ведь с помощью его открытия можно убивать! Можно уничтожить не только Чапека и Пресла, но целые народы!

— И к тому же оружие намного более безопасное, чем ядерное: ведь оно не отравляет атмосферы,— продолжали собеседники.— И более надежное, чем даже табун или сарин.

* Таков дух этого города! (лат.)

Я не знала, что такое табун и сарин, но содрогнулась, услышав эти слова. У меня даже дыхание перехватило.

В самом деле, мне не приходило в голову, что мой муж может создать смертоносное оружие, способное истребить все человечество, оружие столь же ужасное, как та бомба, о которой говорили сейчас эти господа. Теперь мне стало ясно, почему Пресла так волновала мысль о содружестве ученых, о разумных творцах знания. Ведь если у них в руках такая мощь, они должны быть морально безупречны. Таково минимальное требование к создателям науки, и оно совсем не столь абсурдно, как нам казалось. Наука делает гигантские успехи; в руках ученых оказываются настолько громадные силы, что им непростительно даже незначительное прегрешение в области морали: ведь оно может привести к мировой катастрофе. И я подумала, что этим людям здесь следовало бы ходить не в светлых фланелевых костюмах, а в черном облачении схимников. Мне показалось нелепым, что у них есть жены, которые гоняются за модой, покупают какие-то побрякушки, сувениры. Разве они имеют право предаваться роскоши и суетности — люди, которые держат в руках будущее человечества, которым стоит лишь чуть оступиться, и все мы можем поплатиться за это жизнью?

— Прежде всего я хотел бы подчеркнуть, — уверенно начал Разум, открывая пресс-конференцию, — что открытие сделано не мной. Подлинный его автор — наш коллега Пресл,

трагически погибший сегодня. Он и все мои сотрудники...

Зал разразился рукоплесканиями. Да, да! Я-то думала, что Разума прогонят с кафедры, освистают, начнут ломать мебель! А ему рукоплещут за великодушие, за скромность! Он вознесся еще выше, и признание в том, что он присвоил чужое открытие, ему ровно ничего не стоило. Теперь я поняла, почему Пресл не пришел прямо к нам, поняла, почему ему было недостаточно признания Разума, почему нельзя допустить, чтобы Разум так легко отделался...

Ведь если мой муж действительно жаждет только личного успеха, если он хоть единожды поддастся искушению, он может погубить все человечество с той же легкостью, с какой сейчас обокрал или, допустим, лишь обошел Пресла. Если в руках у него безграничные возможности, он должен быть абсолютным совершенством, иначе все погибло. Это звучит невероятно, но это так, и ничего тут не поделаешь — в такую уж эпоху мы живем: во времена Хиросимы, сарина, табуна, ботулотоксинов и открытия Разума.

Я кинулась к министру, который беседовал с несколькими чиновниками. Но он меня не понял, наверное, решил, что я выпила лишнего, потому что я говорила сбивчиво и торопливо.

— Ваш муж уже сказал мне, что решил не ездить в Рим. Что ж, пожалуй, это разумно. А если международная организация биологов захочет перенести свою резиденцию к нам, мы возражать не будем. В конце концов лучший биолог мира сейчас у нас!

Значит, Разуму удалось и это! А почему бы нет? Будет даже очень лестно, если целое международное научное учреждение придет к нему, как гора к Магомету.

— Но он совсем не ученый, он робот! — услышала я свой голос. — Он робот и держит в плену настоящего Разума, которого надо освободить!

Министр переглянулся с сотрудниками, и на лицах у них появилось такое же выражение, какое, видимо, было у меня и у моего мужа, когда мы впервые услышали гипотезу Пресла. Может быть, и меня отправят в психиатрическую лечебницу? Правда, у меня есть одно «преимущество»: от меня пахнет алкоголем.

Я усмехнулась и нетвердой походкой пошла обратно к стойке. Это их успокоило. Люди вообще склонны относиться к пьяным снисходительно; они лишь улыбаются, глядя на этих наркоманов, слушая их бредни, их вздорную болтовню. Ведь человек одурманивает себя алкоголем, чтоб найти забвение, утолить неизбывную тоску. Что бы случилось с нашей цивилизацией, если бы человечество не знало алкоголя, не находило в нем призрачного счастья?

Я попыталась отыскать Ольсена или Яну, хотела предостеречь их насчет Разума, потому что все остальные сотрудники были на пресс-конференции, а врываться туда не имело смысла: там бы меня и вовсе высмеяли.

Но Яна и Ольсен куда-то исчезли. Я нашла их на втором этаже в секретариате. Ольсен вытирал со своих губ следы помады; рукав

его светло-серого пиджака тоже был испачкан. Я не сказала ему ни слова.

Яна перепугалась.

— Пани Разум...

— Ключи, дайте мне ключи! — потребовала я, — от всех комнат, от всех лабораторий!

Верила ли я, думала ли найти там настоящего Разума? Или надеялась, что его пошлют ко мне, он прибежит, мы объяснимся окончательно, и я наконец узнаю, кто был прав.

Отпирая одну за другой все двери, я впервые увидела помещения, где работает мой муж, впервые знакомясь со всем институтом. Я искала настоящего Разума, каким я знала его в прошлом, человека, который когда-то, после моего первого концерта, пришел ко мне, любимого мужа, от которого у меня растет ребенок, энтузиаста-ученого, твердившего мне о будущем человечества, о том, что люди станут работать коллективами и стремиться лишь к познанию и ко всеобщему благу. Этого мечтателя я любила!

Разум догнал меня уже на пятом этаже, в своем кабинете.

— Что это значит? Хочешь наверстать все, что упустила за многие годы? Ведь ты ни разу не пожелала прийти ко мне в институт? — улыбаясь спросил он, и вид у него был вполне человеческим. Я обняла его.

— Разум, я снова люблю тебя. Я так счастлива, что нашла тебя!

Повторилась та же ситуация, что утром с Преслом; как и он, я поверила, что передо мною Разум, человек, а не робот; вот только кухонного ножа я ему не вручала. — Я буду

защищать тебя от всех роботов мира. Ты должен объединиться с людьми, ты должен победить!

Он медленно отодвинулся от меня.

— Не больна ли ты? Надеюсь, болезнь Пресла не была заразной? Минуту назад ты рассуждала вполне здраво. Ведь я принял твои условия и уже обо всем договорился с министром. Я заявил об авторстве Пресла. Чего же ты еще хочешь?

Да, собственно, чего я хочу? Разум нервно протер очки. Я не удивилась бы, если бы он вынул глаз и тоже протер его; теперь я снова была уверена, что передо мной робот.

— Ты всегда умеешь выйти сухим из воды, всегда умеешь удержаться на поверхности! — вскричала я. — Ты справишься со всем: будешь возглавлять международный институт, министерскую комиссию и коллектив ученых, будешь образцовым отцом и мужем и бог весть кем еще! Тем, чем тебя запрограммируют! Как всякий робот. Нет, ты не человек! И я расскажу об этом всем!

Но я понимала, что меня никто не станет слушать. Я знала так же хорошо, как и Пресл, покидая нашу квартиру, что в полиции над этим только посмеялись бы.

— Что вам надо? Что вам от меня надо? — повторял Разум, снова продолжая увещевать меня. — Если ты не сошла с ума, если ты нормальна и говоришь то, что думаешь, должны же быть какие-то основания, доказательства! Говори, и я охотно разъясню тебе все. — Вид у него был подавленный.

— Брось все, оставь научную работу, откажись от власти, от успехов. Только тогда ты снова станешь человеком, одним из простых обыкновенных людей. Пусть твои открытия не угрожают человечеству.

— Девчонка! — закричал он и чуть не накинулся на меня с кулаками. Я схватилась за край стола. Мы стояли в его кабинете, заставленном какими-то сложными аппаратами, машинами, измерительными приборами. Кабинет сверкал белизной. На Востоке белый цвет — цвет смерти.

— Кем бы ты сейчас была, не женись я на тебе? — гневно продолжал Разум. — Думаешь, я не знаю, что говорили о твоих музыкальных способностях? Никто не верил, что из тебя выйдет настоящая пианистка! Всю жизнь ты бы оставалась учительницей музыки. Торчала бы за расстроенным пианино где-нибудь на окраине. Ты преследуешь меня только из ревности, вот почему ты примкнула к моим врагам! Ты хочешь погубить меня, тебе не по душе мои успехи, ты не можешь простить, что в меня влюблена молодая девушка, а на тебя уже никто не смотрит! Иди, иди и говори обо мне, что хочешь, воображаешь, что кто-нибудь поверит твоим путаным рассуждениям! Кончишь, как Пресл... как и он...

Голос у него сорвался, он чуть не плакал, как будто ему стало жалко самого себя, словно он и в самом деле был человеком. Ведь сомнительно, чтобы владелец робота запрограммировал и его плач: такое состояние для робота никогда не предусматривается, да и зачем?

— Именно это меня и устраивает, — сказала я, и Разум умолк. — Я уже поняла замысел Пресла и хочу окончить жизнь так же, как он. Благодушные люди, которые там, внизу, отмечают новое научное достижение, не стали бы меня слушать. Ты сам не изменишься, сколько бы ни притворялся. Ты присвоил чужое открытие из соображений личной выгоды, и в руках у тебя огромная сила. Что ты разрешишь себе завтра, когда к тебе придут за новым оружием? Когда ты поймешь, какая власть в твоих руках? Нет, ты должен уйти из науки. Но ты не сделаешь этого добровольно, значит, нужно, чтобы прозрели ничего не подозревающие люди. Это произойдет, если на тебя падет подозрение в трех убийствах...

Я открыла окно. Передо мной расстился город, светились окна, люди за этими окнами ничего не знали о нас. Теперь мне стало ясно, ради чего Пресл отдал жизнь. И тут я поняла, что из всех участников этой истории он был единственным логично мыслящим человеком, единственным, кто смог продумать положение до конца, потому что им руководили восторженное отношение к науке, юношеский идеализм и тревога за будущее человечества. Чем человек отличается от машины и животного? Прежде всего способностью жертвовать собой ради себе подобных, жертвовать даже жизнью. Не под давлением закона, не ради личного успеха.

Муж оттолкнул меня от окна и опустил створки. Мы вдруг очутились в белой светящейся камере, куда не проникал дневной свет. Вероятно, это определенное устройство для

проведения каких-либо опытов, а может быть, здесь держат взаперти настоящего Разума? Не знаю.

— Я хорошо понимаю, как важно для ученого соблюдать этику, — продолжал Разум доброжелательным тоном, но в глазах его застыло отчаяние. — Я всегда внушал это студентам. А сегодня я особенно остро осознал это, когда заявил по сути дела всему миру, что мы близки к открытию великой тайны, которой прежде владели лишь боги... Я часто мечтал о таком эксперименте с роботом, — добавил он, казалось, без связи с предыдущим и продолжал задушевно и откровенно, как на вчерашней прогулке. — Можно создать искусственных людей, говорил я себе, создать их по образцам живых людей, грубо говоря, методом своеобразного электролиза, как копируют грампластинки. Материалом была бы искусственная живая ткань. — Он глухо засмеялся. — А что если мне действительно удалось нечто подобное? Что если я создал двойника по образцу самого себя? Что если я сделал его в трансе, работая в полубессознательном состоянии? Ведь я проводил здесь целые ночи...

Он подвел меня к большой витрине, в ней что-то бурлило, словно варилась картошка. Уж не питомник ли это для искусственных амёб? Зачем Разум показывает его мне?

Хочет признаться? Значит, все-таки это правда, не только гипотеза. У него есть робот!.. Разве лунатик знает о своих ночных путешествиях? Карел рассказывал мне, что некоторые его пациенты совершают долгие ночные про-

гулки, даже не имея об этом представления; они ходят, разговаривают, и потом никто из них ничего не помнит.

— Где же твой робот? Или, наоборот, где человек, по образцу которого ты сделан? Ведь вас двое!

Как только я произнесла эти слова, они показались мне абсурдными.

Разум усмехнулся.

— Это же вздор! Он пришел мне в голову, когда Ольсен упомянул о военном аспекте моего открытия... Истребление людей тайными средствами, так, чтобы трудно было выяснить, отчего они умерли — от болезни или от оружия, и невозможно обнаружить убийц, — это для него военный аспект! И вдруг вместо моего заговорил какой-то чужой голос и сказал то, чего я не собирался говорить. Так случилось несколько раз. Мне было невероятно трудно овладеть собой...

— Собой или роботом?

— Обоими, — он снова тяжело вздохнул.

Я уже поняла в чем дело: он опять перешел в наступление, как в тот раз, когда разыгрывал комедию перед Преслом, успокаивая и уговаривая несчастного, а сам ждал, что я приведу Карела.

Теперь такой трюк ему не удастся!

— Тебе же легко уничтожить робота.

— Ты говоришь так потому, что не знаешь его программного задания.

— Нет, знаю! Ты отлично объяснил его Преслу: робот должен служить тебе до самой твоей смерти. Пережить тебя он не может. Так пожертвуй собой ради человечества! Если

шимпанзе способен на это ради своего стада, почему бы лауреату Нобелевской премии не пойти на такое самопожертвование?

— Иначе ты меня убьешь?

— И этим спасу тебя.

Разум не произнес ни слова и, шатаясь, вышел из комнаты, заперев за собой дверь. Лицемер! Я поняла, куда он идет — позвонить из соседней комнаты и вызвать сюда Карела. Он хочет устранить меня, так как я поняла, что Пресл был прав! Но я успею это предотвратить. Я обвела взглядом белую камеру. Что тут за аппараты? Какие из них несут смерть? Помогите! — закричала я, словно мне грозила казнь, и бросилась на эти аппараты, сваливая их один за другим. Они трещали у меня под ногами, я исцарапалась до крови, но все еще была жива. Тогда я кинулась к окну, закрытому створкой. Надо умереть, надо довершить план Пресла! Захлебываясь слезами, я билась головой о створку, потом упала на колени и потеряла сознание.

Я пришла в себя уже в опустевшем зале заседаний. Рядом стояли министр, Ольсен, Яна и несколько коллег Разума.

— Где он? — спросила я, не видя мужа. — Где он?

Окружающие растерянно переглянулись.

— Он прибежал в секретариат, — всхлинула Яна (видимо, он там застиг ее с Ольсеном), — и кричал, что видел «его», но не сказал, кого. Все время твердил, что видел его и непременно уничтожит... Потом выбежал вон...

— Этот успех оказался для него непосильной нервной нагрузкой, — пояснил Ольсен.

— И «военный аспект» тоже, — хладнокровно вставила я и выпрямилась. — Куда вы дели Разума? Где он?

— Примите мои искренние соболезнования, сударыня, — сказал министр. — Это утрата для всей страны. Вы стойкая женщина.

— Лучше не ходите смотреть на него, — посоветовал Ольсен. — Ваш муж бросился с верхнего этажа.

— А робота вы не нашли?

Они решили, что у меня с горя помутилось сознание. Лица у всех были сочувствующие. — Надо найти его робота! — настаивала я. — Он прячется где-то в этом здании.

И я поспешно принялась за поиски. Окружающие, видимо, опасаясь за мой рассудок, присоединились ко мне.

Конечно, мы ничего не нашли. Может быть, и в самом деле не было никакого робота, а то, что говорил о нем Пресл, — только меткая аллегория. А может быть, робот навсегда исчез, сам уничтожив следы своего существования, такой он был усовершенствованный.

Постскриптум

Лишь через месяц, закончив этот дневник, я снова пришла в институт. Мне хотелось повидать Яну и узнать подробности о последних минутах жизни мужа. Но в секретариате мне сказали, что Яна вышла замуж за Ольсена и живет с ним в Нарвике. Увы, там нет таких купаний, как в Риме...

Выходя из секретариата, в полутемной передней я вдруг увидела себя, столкнулась ли-

цом к лицу сама с собой. Оказалось, что там висит большое зеркало. И я поняла, что возбужденный Разум видел тогда на этом месте лишь свое отражение; в последние минуты жизни он преследовал лишь самого себя, оказался своим двойником. Это меня испугало: я вдруг подумала о том, что в каждом из нас сидит робот. Это не удивительно: все мы, люди, каждый день имеем дело с машинами и живем бок о бок с другими людьми, а не в уединении, куда хотел бежать Пресл — первый человек, открывший опасность робота внутри нас. Вот чем он должен был бы прославиться, а не искусственным протистом, который, увы, не принес ему научной славы. Уже на другой день после смерти Пресла стало известно, что знаменитое творение погибло, протиста не удалось оживить ни одним из описанных автором методов. Так что сразу отпала надобность объяснять, чье это было открытие. Кроме того, Камер и Пристли объявили, что обнаружили грубые фактические ошибки в докладе моего мужа; они характеризовали его протиста всего лишь как усложненную модель живого организма, такую же, какой была в свое время амеба Бючли. То же мнение высказал и Кузьмин.

Тем не менее ученые считают, что разрешение этой проблемы уже не за горами. Не знаю. Остается только подождать, какие сюрпризы преподнесет человечеству биология в ближайшие годы.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Мозг Эйнштейна. <i>Перевод Р. Разумовой</i> . . .	23
Смерть Тарзана. <i>Перевод Б. Шуплецова</i> . . .	36
Табу. <i>Перевод Р. Разумовой</i>	88
Последнее приключение капитана Немо. <i>Перевод Р. Разумовой</i>	99
Злополучное изобретение. <i>Перевод Р. Разумовой</i>	138
Стелла с «Третьей звезды». <i>Перевод В. Петровой</i>	166
Идиот из Ксенемюнде. <i>Перевод Р. Разумовой</i> .	192
Трактат о воздушных кораблях. <i>Перевод Е. Аронович</i>	201
По следам снежного человека. <i>Перевод Р. Разумовой</i>	212
Смерть капитана Немо. <i>Перевод Р. Разумовой</i>	260
Ангел смерти. <i>Перевод Р. Разумовой</i>	270
Римская победа. <i>Перевод И. Чернявской</i> . . .	282
Трест по уничтожению истории. <i>Перевод Р. Разумовой</i>	294
Робот внутри нас. <i>Перевод Г. Молочковского</i>	315

Й. Несвадба
МОЗГ ЭЙНШТЕЙНА

Редактор *Е. Г. Ванслова*
Художник *Ю. Г. Макаров*
Художественный редактор
Е. И. Подмарькова

Технический редактор *Л. П. Кондюкова*
Корректор *Т. Г. Вульф*

Сдано в производство 8/IV 1965 г.
Подписано к печати 14/VII 1965 г.
Бумага 70×90/₃₂ = 6,10 бум. л.,
14,30 печ. л.
Уч.-изд. л. 13,64. Изд. № 12/3206.
Цена 72 к. Зак. 299.

* * *

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

* * *

Ярославский полиграфкомбинат
Главполиграфпрома Государственного
комитета Совета Министров СССР
по печати
Ярославль, ул. Свободы, 97

В 1965 году

в серии «ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА»

издательства «М И Р»

В Ы Х О Д Я Т:

Лем Ст. «Охота на Сэтавра». Сборник научно-фантастических рассказов, перевод с польского. 16 л.

Поол Ф., Корнблат С. М. «Операция «Венера» («Торговцы космосом»). Фантастический роман, перевод с английского, 10 л.

Чэд Оливер «Ветер времени». Научно-фантастическая повесть, перевод с английского. 10 л.

Занднер К. «Сигнал из космоса». Научно-фантастический роман, перевод с немецкого, 10 л.

Бредбери Р. «Марсианские хроники». Сборник фантастических новелл, перевод с английского, 12 л.

Сборник англо-американской фантастики:

«Экспедиция на Землю», перевод с английского, 16 л.

«Туннель под микром», перевод с английского, 16 л.

Цена 72 коп.

